Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

*На правах рукописи*

**Никитина Алёна Алексеевна**

# Административно-правовые формы регулирования советской системы высшего образования в 1917 – 1930- х гг.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Исаев Игорь Андреевич

Москва-2025

Оглавление

Введение .....3

Глава 1. Формирование и развитие системы административного регулирования советской высшей школы в 1917 – 1930 годах .....23

1.1. Идеологические основы советской системы высшего образования в 1917–1930 годах .....23

1.2. Нормативные правовые акты в сфере высшего образования в 1917–1930 годах .....43

1.3. Особенности административно-правового регулирования высшего образования на региональном уровне .....61

Глава 2.Практические аспекты реализации административной реформы системы высшего образования в 1917–1930 годах .....80

2.1. Система государственного управления высшими учебными заведениями в 1917–1930 годах .....80

2.2. Регулирование порядка поступления абитуриентов в высшие учебные заведения в 1917–1930 годах .....102

2.3. Административно-правовые основы подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 годах .....126

Заключение .....153

Список использованных источников .....157

## Введение

**Актуальность темы исследования** обусловлена значением советской системы высшего образования для дальнейшего развития образовательной политики современного Российского государства. Уникальный по историческим меркам опыт радикальных преобразований в сфере высшего образования отражает политические и идеологические амбиции первого в мире социалистического государства, стремившегося к воспитанию человека нового типа. Современная модель высшего образования в Российской Федерации представляет собой многокомпонентную систему, интегрировавшую в себя наиболее существенные достижения советского периода и адаптированную к новым реалиям социально-экономического развития российского общества. Сегодня, как и столетие назад, перед государством стоит необходимость поиска наиболее эффективных механизмов управления в области образования, в особенности высшей школой. Сформированная в ранние годы Советского государства модель административно-правового регулирования высшего образования представляет собой несомненный интерес для современной юридической науки как в теоретической, так и в практической плоскости.

В теоретическом плане изучение системы административного регулирования советской высшей школы важно для целей восполнения объективно существующих пробелов в научном (академическом) исследовании данного предмета. Дефицит монографических работ по проблеме развития советской системы государственного управления в сфере высшего образования создает запрос на появление научных работ, предметом которых будут выступать административно-правовые основы управления высшей школой в СССР.

В практическом смысле изучение административного регулирования высшего образования в СССР обладает серьезным прикладным потенциалом при разработке современной образовательной политики Российского государства, находящегося в поисках апробированных временем практик администрирования, соответствующих традициям и обладающих исторической преемственностью к

предыдущим формам государственного управления. Образовательная политика Российского государства помещает в фокус своего внимания проблемы организации учебно-педагогического процесса в высшей школе, органично сочетающего в себе подготовку высококвалифицированных специалистов и трансляцию определенного набора ценностей и представлений о задачах дальнейшего развития страны. В этом отношении обращение к советскому опыту государственного управления в сфере высшего образования весьма продуктивно в контексте решения текущих задач образовательной политики.

На сегодняшний день возникает необходимость качественного переосмысления опыта государственного реформирования высшей школы в СССР с учетом доступных и открытых нормативных правовых и других исторических источников данного периода. Сегодня образование по-прежнему остается одной из важнейших областей общественной жизни, в рамках которой государство традиционно занимает центральное место. Дискуссионные вопросы о цели и задачах современного высшего образования, для четкой формулировки которых несомненной ценностью обладает советская модель образовательного процесса в высшей школе. Обращение к прошлому опыту административно-правового регулирования соответствует задачам и потребностями современности, так как высшее образование традиционно сочетает в себе консервативные и новаторские тенденции.

Таким образом, актуальность и своевременность обращения к теме формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. обусловлена значимостью и важностью данного предмета для современного государственного управления в сфере высшего образования, а также необходимостью научно-теоретического анализа уникального советского опыта построения новой образовательной модели.

**Научная новизна исследования** обусловлена восполнением пробелов в историко-правовой науки в части формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг.

Данный исторический период в отечественной науке не рассматривался. В ходе исследования определены основные закономерности развития административного регулирования в сфере советского высшего образования и подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 гг.

**Хронологические рамки исследования** определены II Всероссийским съездом Советов, давшим старт процессу формирования новой модели государственного управления и регулирования сферы высшего образования, так и окончанию процесса формирования административного регулирования советской высшей школы к 1930-м годам.

**Степень разработанности темы.** Вопросы формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. до настоящего момента не становились предметом отдельного диссертационного исследования. Для оценки степени разработанности заявленной темы целесообразно разбить имеющиеся научные труды на диссертации, монографии и научные статьи. Так, среди диссертационных работ, защищенных в последние годы, существует несколько исследований, косвенно затрагивающих данную предметную область. Диссертация Т.М. Ашеновой[1] была посвящена вопросам формирования системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг., которое подвергалось анализу законодательства в целом. Однако вопросы высшего образования напрямую не входили в предмет исследования данной диссертации, так как оно в значительной степени было посвящено вопросам организации и управления системой народного (общего) образования. Тем не менее автором была предложена развернутая система классификации правовых актов советского законодательства об образовании в 1917–1930 гг., обладающая несомненной эмпирической ценностью. Анализ системы управления в сфере образования, проведенный в данной диссертации, также весьма значим для изучения системы административного регулирования

[1] Ашенова Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2015. 215 с.

советской высшей школы в 1917–1930 гг.

Диссертационное исследование Л.Г. Берлявского[2] посвящено анализу правовой политики Советского государства в сфере регулирования научной деятельности. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 г. по конец 1920-х гг., данная диссертация рассматривает в качестве своего предмета именно реализацию правовой политики. В ней косвенно раскрываются значимые вопросы управления высшей школой, в частности регулирование научных организаций, статус научных сотрудников и вопросы управления советской наукой.

Диссертация Е.В. Хоменко[3] также раскрывала вопросы политико-правового регулирования высшего образования в Советском государстве в период с октября 1917 г. по конец 1920-х гг. Данное диссертационное исследование имеет ярко выраженный региональный аспект, так как в нем раскрываются особенности проведения реформы высшего образования в Нижнем Новгороде. За границами исследования остались вопросы идеологических основ советской системы высшего образования.

На монографическом уровне вопросы формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. также не получили достаточного раскрытия. Для монографий, косвенно затрагивающих данные вопросы, свойственна дифференциация предметного подхода, не позволяющего в полной мере охватить систему административного регулирования советской высшей школы.

Директивный характер государственного управления в области высшего образования и науки был выявлен В.В. Чернышевым, который с привлечением надлежащей источниковой базы показал роль партийного руководства в деле

---

[2] Берлявский Л.Г. Правовая политика советского государства в сфере регулирования научной деятельности: 1917 — конец 20-х годов : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ставрополь, 2009. 218 с.

[3] Хоменко Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве: (октябрь 1917 — конец 1920-х годов) : дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. 256 с.

организации советского образования[4].

С юридической точки зрения процесс организации системы образования был раскрыт в диссертации Л.А. Дольниковой[5], которая исследовала этот вопрос в конституционно-правовом контексте.

Особенности управления системой образования Советского государства в рассматриваемый период становились предметом исследований С.И. Штамм[6] и Г.А. Дороховой[7]. Позднесоветский период появления данных работ наложил на них отпечаток эпохи. В них присутствует ярко выраженный классовый подход к пониманию широкого круга проблем организации образовательной системы в Советском государстве. Однако это не устраняет значимости произведенного анализа административной и правотворческой деятельности органов государственной власти СССР в данной области.

Позднее появились диссертационные исследования, посвященные вопросам регулирования отдельных специальностей высшего образования СССР в 1917–1930 гг. Так, М.А. Кожевина рассматривала вопросы профессионального милицейского образования[8], хотя хронологические рамки данной диссертации масштабнее рассматриваемого периода.

Еще в советский период стали появляться первые статьи, посвященные анализу истории развития советского высшего образования[9]. Целый ряд научных статей последних лет в той или иной степени касались вопросов административно-правового регулирования высшего образования в РСФСР/СССР в 1917–1930 гг. В

---

[4] Чернышев В.В. Партийное руководство процессом становления советской педагогической науки (1917–1920) // Развитие школы: опыт партийного руководства, проблемы, задачи. Свердловск, 1989. С. 4–13.

[5] Дольникова Л.А. Конституционное право на образование советских граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. 185 с.

[6] Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). М. : Наука, 1985. 284 с.

[7] Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании (теоретические проблемы совершенствования). М. : Наука, 1985. 157 с.

[8] Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. 416 с.

[9] Лапко А.Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток // Успехи математических наук. 1972. Т. 27, вып. 6 (168). С. 5–23.

статье Д.В. Аронова, С.В. Кошелевой и И.М. Смирнова[10] произведен анализ содержания юридического образования для партийных и советских работников в 1917–1919 гг. Источниковой основой для данного анализа выступили дидактические материалы Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова. Для научной дискуссии авторами предложена гипотеза о возможности оценки содержания блока правовых дисциплин как индикатора отношения высшего руководства СССР к государству и праву как к элементам системы управления страной, а также введены в научный оборот учебно-методические материалы университета за 1919–1920 гг.

В статье Е.А. Долговой[11] рассмотрен феномен Института красной профессуры как «кузницы кадров» для советской высшей школы, дается обзор неопубликованной делопроизводственной документации, на основании анализа которой реконструирован процесс подготовки состава преподавательских и научных кадров для вузов в СССР.

Вопросы государственного управления советской высшей школой в 1917–1930 гг. были предметом научного интереса не только исключительно советских и российских ученых. Целый ряд зарубежных исследователей также посвящали свои работы вопросам образовательной политики Советского государства и функционированию высшей школы в СССР. Наиболее известным зарубежным исследователем истории советской науки и высшего образования в СССР является профессор Гарвардского университета Л.Р. Грэхэм, перу которого принадлежит наиболее значимая работа по данной теме — «Наука в России и Советском Союзе»[12]. В данной монографии автор демонстрирует влияние системы

---

[10] Аронов Д.В., Кошелева С.В., Смирнов И.М. Юридическое образование в Советской России в 1917–1920 гг. (на примере учебно-методических материалов Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова) // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 3. С. 178–186.

[11] Долгова Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2 (12). С. 39–52.

[12] Graham L.R. Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge University Press, 1981. 352 p.

государственного управления на конкретные области советского образования и науки. В других работах этого автора рассматриваются вопросы функционирования системы высшего образования, научно-исследовательских институтов и академических учреждений СССР на разных этапах исторического развития в качестве объекта государственного управления[13].

Почти все зарубежные исследования о советском высшем образовании проводятся историками и продолжают традицию анализа, сосредоточенного на политических проблемах в СССР и вокруг него в определенный момент истории, представляя факты и события в хронологическом порядке. Описывая международные аспекты советского высшего образования, Дж. Авис приводит обширные данные: о подготовке иностранных специалистов в советских высших учебных заведениях; международном распространении прогрессивного советского опыта в области методики преподавания; об участии советских ученых в деятельности международных организаций, занимающихся культурой, наукой и образованием; о развитии творческого международного общения среди студентов[14]. В одной из своих статей Дж. Авис предпринял попытку исследовать процесс создания и организационного становления советской университетской системы[15].

Дж. Макклелланд[16] в своих работах представляет советскую систему высшего образования и высшей школы как неотъемлемую часть ленинского плана глобального коммунистического завоевания. Внедрение марксистской идеологии и политехнических принципов в национальную университетскую систему, пролетаризация академических кругов и другие усилия большевиков

---

[13] Graham L. The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science. 1975. № 5 (3) ; Graham L. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

[14] Avis G. Access to Higher Education in the Soviet Union // In J.J. Tomiak (Ed.), Soviet Education in the 1980s. NY : St. Martin's Press, 1983 ; Avis G. The Making of the Soviet Citizen: Character Formation and Civic Training in Soviet Education. London : Croom Helm, 1987.

[15] Avis G. The Soviet Higher Education Reform: Proposals and Reactions // Comparative Education. 1990. № 26 (1).

[16] McClelland J. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917–1921. Slavic Review, 1971. № 30 (4).

рассматриваются автором как окончательное доказательство политической миссии советского образования. Советское руководство прилагало, по мнению автора, значительные административные усилия для распространения большевистских идей по всему миру в рамках стремления к Мировой революции.

Среди исследователей, осуществляющих академическую работу за рубежом, стоит отметить А. Кураева[17]. В его работах рассматривается международное значение советской образовательной системы и советской науки. Автор показывает, что ключевые организационные компоненты советской административной системы все еще существуют в нынешней структуре российского высшего образования. Нынешняя реализация интернационализации предоставляет ученым возможность укрепить академический профессионализм и повысить свой статус. В то же время она служит важнейшим связующим звеном для столкновения традиционных административных структур с новыми устремлениями российской науки.

Попытка глубокого анализа происхождения и прогресса построения советской университетской парадигмы была предпринята С. Фитцпатриком[18]. Автор стремится определить, почему почти полное исчезновение университетов в Советской России обернулось созданием принципиально новой системы высшего образования в годы Великого перелома Сталина. В то же время классические российские университеты были «втиснуты» в подчиненную и профессиональную советскую форму управления.

Таким образом, несмотря на наличие целого ряда научных работ, затрагивающих вопросы организации системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг., специальные исследования, посвященные данному вопросу, до настоящего времени отсутствовали. Потребность исследований по данной тематике обосновывает актуальность и

[17] Kuraev A. Soviet higher education: an alternative construct to the western university paradigm // Higher Education. Vol. 71. № 2 (February 2016). P. 181–193.

[18] Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge : Cambridge University Press, 1970 ; Fitzpatrick S. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington : Indiana University Press, 1978.

своевременность обращения к вопросам формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг.

**Объект исследования** − нормативная правовая основа организации, функционирования и управления системы образования РСФСР – СССР в 1917–1930 гг.

**Предмет исследования** – административно-правовые формы регулирования советской системы высшего образования в 1917–1930 гг.

**Эмпирическую базу исследования** составили исторические источники, которые представляется целесообразным разделить на несколько категорий: а) нормативные правовые акты; б) другие документальные источники; в) источники мемуарного и публицистического характера.

В группе источников нормативного правового характера представляется возможным выделить акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера. К числу актов декларативного характера следует отнести разнообразные воззвания, обращения, декларации, программные партийные документы[19]. Данные акты имеют двойственную политическую и правовую природу, сочетая в себе нормативные свойства с политическими прокламациями. Для административно-правового регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. ключевое значение имеют акты общего характера, к которым можно отнести нормы Конституции РСФСР[20]. Конкретно-определенные нормативные правовые акты посвящены непосредственно вопросам организации высшего образования. К ним относятся акты, регулирующие вопросы государственного управления в сфере

[19] Луначарский А.В. О народном образовании. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1959. 56 с. ; Декларация прав народов России (утв. СНК РСФСР 02.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

[20] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

высшего образования[21], правового статуса научных сотрудников[22], правила приема в вузы[23], а также широкий перечень вопросов организационно-правового характера функционирования высшей школы в РСФСР/СССР[24].

Другие документальные источники представлены протокольными материалами органов государственного управления в сфере высшего образования[25], статистическими сборниками[26], справочниками[27], отчетами государственных органов[28].

Последняя группа источников – это материалы мемуарного[29] и публицистического характера[30]. В рамках диссертационного исследования

---

[21] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. «О Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 71. Ст. 561 ; Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 мая 1930 г. «Об изменении ст. 20 Положения о Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 26. Ст. 347.

[22] Постановление Наркомпроса РСФСР от 26 ноября 1921 г. «Положение о научных работниках Высших Учебных Заведений» // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 695.

[23] Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Известия ВЦИК. 1918. № 166. 6 августа.

[24] Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. М., 1944. С. 803–809 ; Декрет СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о Высших Учебных Заведениях» // СУ РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518 ; Постановление Народного комиссариата по Просвещению от 12 февраля 1918 г. № 859 «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» // СУ РСФСР. 1918. № 49. Ст. 573 ; Декрет СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 782.

[25] Из материалов совещания наркомов просвещения союзных и автономных республик. Из протокола № 4. 3 декабря 1923 г. // ЦГА РСФСР. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 82. Л. 568–569 ; Доклад секретаря ЦК ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича «Об исполнении решений июльского (1928) Пленума ЦК о подготовке технических кадров» // Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 : в 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М. : Демократия, 2000. С. 35–39 ; Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М. : Госполитиздат, 1958 и проч.

[26] Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961 ; Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 — 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М. ; Л., 1932.

[27] Справочник партийного работника. Выпуск IV. М. : Партиздат, 1924.

[28] Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928; Краткий отчет Народного комиссариата по Просвещению. 1917–1920. М.: Госиздат, 1923.

[29] Бебель А. Из моей жизни. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963; Вавилов С.И. Тридцать лет советской науки. М.: Правда, 1947.

[30] Мартов (Цедербаум) Ю.О. Письма и документы. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2014; Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. М.: Политиздат, 1980.

использованы документы государственных архивов и опубликованные архивные материалы.

**Целью** исследования является комплексный анализ состояния административно-правового регулирования высшего образования.

Для достижения сформулированной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

– исследовать идеологические основы советской системы высшего образования в 1917–1930 гг.;

– проанализировать нормативные правовые акты в сфере высшего образования 1917–1930 гг.;

– определить особенности административно-правового регулирования высшего образования на региональном уровне;

– охарактеризовать систему государственного управления высшими учебными заведениями в 1917–1930 гг.;

– изучить регулирование порядка поступления абитуриентов в высшие учебные заведения в 1917–1930 гг.;

– выявить административно-правовые основы подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 гг.

**Основными методологическими инструментами** диссертационного исследования стали принципы историзма и научной объективности. Первый позволил изучить систему законодательства об образовании в его развитии с учетом всех взаимосвязей и взаимодействий с другими объектами и структурами. Следование принципу научной объективности явилось важным условием адекватного познания природы объекта и предмета исследования, подразумевающего стремление к непредвзятым выводам и оценкам событий прошлого. Наряду с общенаучными методами индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации применялись специфические методы исторического познания: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системно-структурный, документально-иллюстративный.

**Источниковая база** исследования представлена широким кругом источников, многообразие которых представляется целесообразным разделить на несколько категорий: нормативные правовые акты; источники мемуарного и публицистического характера.

В группе источников нормативного правового характера представляется возможным выделить акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера. К числу актов декларативного характера следует отнести разнообразные воззвания, обращения, декларации, программные партийные документы[31]. Данные акты имеют двойственную политическую и правовую природу, сочетая в себе нормативные свойства с политическими прокламациями. Для административно-правового регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. ключевое значение имеют акты общего характера, к которым можно отнести нормы Конституции РСФСР[32]. Конкретно-определенные нормативные правовые акты посвящены непосредственно вопросам организации высшего образования. К ним относятся акты, регулирующие вопросы государственного управления в сфере высшего образования[33], правового статуса научных сотрудников[34], правила приема в вузы[35], а также широкий перечень вопросов организационно-правового характера функционирования высшей школы в РСФСР/СССР[36].

---

[31] Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 56 с.; Декларация прав народов России (утв. СНК РСФСР 02.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

[32] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[33] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. «О Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 71. Ст. 561; Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 мая 1930 г. «Об изменении ст. 20 Положения о Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 26. Ст. 347.

[34] Постановление Наркомпроса РСФСР от 26 ноября 1921 г. «Положение о научных работниках Высших Учебных Заведений» // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 695.

[35] Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Известия ВЦИК. 1918. № 166. 6 августа.

[36] Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. М., 1944. С. 803–809; Декрет СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о Высших Учебных Заведениях» // СУ РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518; Постановление Народного комиссариата по Просвещению от 12 февраля 1918 г. № 859 «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» // СУ РСФСР. 1918. № 49. Ст. 573; Декрет СНК РСФСР

Нормативные правовые акты также представлены протокольными материалами органов государственного управления в сфере высшего образования[37], статистическими сборниками[38], справочниками[39], отчетами государственных органов[40].

Последняя группа источников представлена материалами мемуарного[41] и публицистического характера[42]. В рамках диссертационного исследования использованы материалы государственных архивов и опубликованных архивных документов.

**Положения, выносимые на защиту**

1. Революционные события в России 1917 г., формирование и развитие первого в мировой истории Советского социалистического государства стали отправной точкой масштабного реформирования всех сторон политической и общественной жизни страны, включая и систему высшего образования. Проводимые в данной области реформы основывались на базовых постулатах идеологии марксизма-ленинизма, утверждавшей принципы демократизации, пролетаризации и всеобщей доступности высшего образования для населения. В

---

от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 782.

[37] Из материалов совещания наркомов просвещения союзных и автономных республик. Из протокола № 4. 3 декабря 1923 г. // ЦГА РСФСР. Ф. 2313. Оп. 1. Д. 82. Л. 568–569; Доклад секретаря ЦК ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича «Об исполнении решений июльского (1928) Пленума ЦК о подготовке технических кадров» // Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929: в 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М.: Демократия, 2000. С. 35–39; Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958 и проч.

[38] Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961; Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 — 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М.; Л., 1932.

[39] Справочник партийного работника. Выпуск IV. М.: Партиздат, 1924.

[40] Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928; Краткий отчет Народного комиссариата по Просвещению. 1917–1920. М.: Госиздат, 1923.

[41] Бебель А. Из моей жизни. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963; Вавилов С.И. Тридцать лет советской науки. М.: Правда, 1947.

[42] Мартов (Цедербаум) Ю.О. Письма и документы. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2014; Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. М.: Политиздат, 1980.

условиях современной реформы системы российского образования важно исследовать опыт исторической эпохи, когда создавался *фундамент советской системы высшего образования* вообще, и государственной системы управления высшим образованием, в частности. Данной эпохой является *период 1917 – 1930-х гг.*, который, в свою очередь, можно разделить на три основных этапа:

1) начальный этап становления советской системы высшего образования (1917–1924 гг.);

2) этап поиска оптимальной модели синтеза профессиональной и политико-идеологической подготовки (1925–1932 гг.);

3) мобилизационный этап развития советской высшей школы, в условиях подготовки страны к новой войне (1932–1939 гг.).

2. Эпоха формирования советской высшей школы в 1917–1930-х гг. сопровождалась активной правотворческой деятельностью. Законодательные акты о высшем образовании следует классифицировать, исходя из двух оснований. Во-первых, в соответствии с определенностью содержания выделяются акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера. К числу *актов декларативного характера* следует отнести воззвания, обращения, декларации, программные партийные документы. К *актам общего характера* относятся правовые акты, закреплявшие общие вопросы государственного управления в сфере образования, например, конституции, законы. К *актам конкретно-определенного характера* отнесены декреты и подзаконные акты профильных ведомств, предметом регулирования которых выступали непосредственные организационные вопросы в сфере высшего образования. Во-вторых, в основу классификации целесообразно положить субъект нормотворчества. Исходя из этого, выделяются акты уполномоченных органов публичного управления и партийные документы. Так, к первой категории относятся все нормативно-правовые акты, принятые органами государственной власти: конституции, законы, декреты, приказы, постановления высших исполнительных и распорядительных органов (правительственные акты), инструкции, циркуляры и прочие акты

ведомственного характера. К партийным документам относятся все касающиеся системы образования документы РКП(б) – ВКП(б), содержащие положения императивно-нормативного характера, в том числе партийные доклады, резолюции и сообщения.

3. Система административно-правового регулирования сферы высшего образования на региональном уровне отражала специфику центр-периферийной модели развития Советского государства и на первоначальном этапе предполагала высокую концентрацию полномочий в столице федеративного государства с последующим перераспределением властных полномочий по управлению сферой высшего образования на местный уровень. Уже к середине 1920-х гг. союзные республики самостоятельно формировали правовую основу регулирования общественных отношений в системе высшего образования. Отдельные республики пользовались существенно большей автономией в организации системы высшего образования. Вместе с тем государственная политика советской власти была ориентирована на *вовлечение периферийно-окраинных территорий Советского государства в единый общесоюзный процесс подготовки высококвалифицированных кадров*, отвечающий актуальным задачам становления и форсированного развития экономики и общества нового типа.

4. Управление высшими учебными заведениями отличалось отраслевой спецификой. Народные комиссариаты, как органы управления, сочетали в своей деятельности исполнительно-распорядительные и правотворческие функции. Профильным ведомством управления высшей школой стал Народный комиссариат просвещения РСФСР и созданные по аналогии соответствующие ведомства в союзных республиках. В результате была сформирована *централизованная модель образовательной политики Советского государства*. Ее реализация постепенно упразднила университетскую автономию и самоуправление. Итогом администрирования высшей школы стала стандартизированная система подготовки профессиональных кадров по предусмотренному государством перечню профессий.

5. Окончание военных действий и экономический кризис начала 1920-х гг. поставили перед системой государственного управления задачу разработки новой мобилизационной модели развития народного хозяйства, в рамках которой *высшая школа выступала в качестве научно-технического ресурса, используемого для оперативного решения задач промышленно-производственной модернизации.* Образовательная политика была направлена на формирование единства образовательных и промышленных центров, что позволяло обеспечивать развивающуюся промышленность страны квалифицированными кадрами.

6. В условиях нарастающей угрозы новой войны советским правительством все более осознавалась опасность для крупнейших научно-образовательных центров высшей школы, сосредоточенных в европейской части страны. Это потребовало от правительства принятия срочных мер по географическому перемещению промышленных и академических учреждений вглубь Советского Союза. *Мобилизационная модель развития государства стала залогом формирования сильных научно-академических центров в восточных частях СССР*, что способствовало решению задач форсированной индустриализации.

7. В рассматриваемый период Советским государством было уделено особое внимание подготовке инженерно-технических кадров. Поэтому возникла потребность в новых идеологически подкованных педагогических работниках. Таким образом, *основу подготовки педагогических кадров составили университеты партийного образования*, прежде всего Коммунистический университет им. Свердлова и Институт красной профессуры.

8. Конец 1930-х гг. под влиянием внутренних и внешних факторов стал значимым этапом *переосмысления образовательной политики государства*. Отказ от идеи мировой революции привел к концентрации усилий на решении вопросов внутреннего развития СССР. В этой связи актуализировалась задача обучения инженерных кадров, и особенно - массовой подготовки рабочих специалистов. В то же время в системе среднего и профессионального образования была усилена политико-просветительская работа за счет ряда обязательных учебных дисциплин.

Решение указанных проблем осуществлялось преимущественно административными директивами, которые имели обязательный, но не совсем правовой характер.

9. Для эпохи 1930-х гг. важно отметить эволюцию государственно-правового регулирования функционирования высшей школы. Если в 1920-х гг. при зачислении в вузы преимущественным правом пользовались абитуриенты из крестьянства и рабочего класса, то в 1930-е гг. решающим фактором становилось не социальное происхождение абитуриентов, а их знания. Таким образом, имел место *постепенный отказ от классового принципа и переход к более рациональному, прагматическому подходу в подготовке специалистов*. Профессиональные знания стали решающим фактором научной и образовательной карьеры, что нашло отражение в нормативных и организационных-управленческих актах Советского государства.

10. Составной частью образовательной политики государства являлось *формирование системы научно-педагогических кадров для высшей школы.* Предпринимались меры как в части совершенствования их подготовки, так и материального обеспечения. На законодательном уровне и в подзаконных актах правительства закреплялись льготы, повышающие социальный статус научно-педагогических работников. Сфера образования и науки стала престижной, что позволяло удовлетворять потребности в квалифицированных кадрах быстро развивавшееся народное хозяйство.

11. Динамика развития административного законодательства о высшей школе в период 1917–1930-х гг. демонстрирует *поэтапный переход от радикальных мер преобразования, основанных на классовых принципах, к выверенной модели упорядоченной подготовки специалистов для нужд народного хозяйства*. Первоначальные меры административного воздействия, направленные на решение актуальных задач чрезвычайного управления, к началу 1930-х гг. сменились методикой управления дидактическим процессом, основанной на

идеологическом контроле и производственной ориентированности системы высшего образования.

12. *Новая образовательная модель* функционирования высшей школы сочетала в себе одновременно как расширение общетеоретической подготовки за счет идеологического модуля учебных дисциплин, так и специализацию высшего образования за счет профессионализации программно-методического руководства процессом подготовки кадров для народного хозяйства. Значительное количество высших учебных заведений было преобразовано в профессиональные школы с обособленной материально-технической базой и четкой ориентацией на хозяйственные потребности государства в отдельно взятом регионе или отрасли промышленности.

13. *Итогом преобразования системы высшего образования в 1930-е гг.* стали универсализация административно-правового режима деятельности высших учебных заведений, стандартизация требований к поступлению, обучению и поствузовскому распределению профессиональных кадров. Внедрение методов прямого административно-правового регулирования процесса получения высшего образования привело к созданию принципиально новой академической системы, полностью подчиненной необходимости решения задач построения и развития новой социальной и экономической реальности Советского государства.

**Теоретическая значимость исследования** заключается в том, что полученные выводы и сформулированные предложения восполняют пробелы в исследованиях советской системы государственного управления в сфере высшего образования. Проведенное исследование выявляет специфику правового обеспечения реализации образовательных программ в ранний советский период и способствует теоретическому осмыслению проблем становления и развития административно-правового механизма регулирования высшего образования. Содержащиеся в работе обобщения и выводы вносят вклад в развитие соответствующих разделов истории государства и права России, административного права и теории государственного управления.

**Практическая значимость исследования** заключается в возможности использования исторического опыта управления системой высшего образования в конкретный исторический период. Продуманная политика в сфере управления высшего образования позволила в сжатые сроки обеспечить потребности народного хозяйства страны высококвалифицированными кадрами. Исторический опыт мобилизационного развития государства может быть использован в контексте инновационного развития Российской Федерации.

Результаты проведенного исследования могут быть включены в учебный процесс при изучении таких дисциплин, как: «Истории государства и права России», «Административное право», разработке новых специальных курсов, создании магистерских программ, а также при формировании образовательных программ в системе дополнительного профессионального образования и повышения квалификации.

**Степень достоверности и апробация результатов**

Основные результаты исследования изложены в выступлениях на межвузовских, региональных, всероссийских и международных научных, научно-практических конференциях, образовательных форумах, круглых столах: международный научно-практический круглый стол «Мировые войны: право и мобилизация», посвященный 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне» (май 2020 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва), Летняя школа молодых ученых — 2020 «Право в условиях цифровой трансформации: возможности перспективы» (июнь 2020 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); международный научно-практический семинар «Проектная мастерская кафедры истории государства и права» (июнь 2020 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); международная научно-практическая конференция «Право и хозяйство в исторической ретроспективе: рациональные и иррациональные начала взаимодействия» (июнь 2020 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); международный научно-практический семинар «Проектная мастерская кафедры истории

государства и права» (декабрь 2020 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); VII Зимняя школа преподавателей — 2021 «Тренды цифрового образования» ( февраль 2021 г., ООО «Электронное издательство ЮРАЙТ», г. Москва ); международная научно-практическая конференция «Эра человека и “машины”: историческая динамика государственно-правовых перемен» (апрель 2021 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); международный научно-практический круглый стол «Право и хозяйство в социальном и антропологическом измерении» (апрель 2021 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); международная научно-практическая конференция «Мировые войны: право и мобилизация» ( июнь 2021 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва); круглый стол (интеллектуальная площадка) «Право на образование в XXI веке: глобальные вызовы и национальные проекты» (декабрь 2021 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва).

Результаты исследования обсуждались на кафедре истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Содержание диссертации, основные выводы были опубликованы в семи научных статьях и тезисах, шесть из них — в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационной работы обусловлена целью, задачами и логикой исследования.

# Глава 1. Формирование и развитие системы административного регулирования советской высшей школы в 1917 – 1930 годах

## 1.1. Идеологические основы советской системы высшего образования в 1917–1930 годах

Революционные события в России 1917 г. стали отправной точкой масштабного реформирования всех сторон общественной жизни, включая и систему высшего образования. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война в России привели к власти представителей радикального крыла Российской социал-демократической рабочей партии — большевиков, которым суждено было построить первое в истории социалистическое государство. Становление высшего образования в новом Советском государстве основывалось на базовых постулатах идеологии марксизма-ленинизма, исследование которых чрезвычайно важно для историко-правовой реконструкции системы административного регулирования советской высшей школой в 1917–1930 гг.

Построенный на принципах марксизма план большевистской партии был направлен на создание коммунистического государства в бывшей Российской империи с последующим распространением коммунистического порядка по всему миру[43]. Согласно сути марксистской теории, каждый акт реформирования общественной жизни, продвигаемый большевистским правительством в России, считался органической частью мировой пролетарской революции. Создание советской академии для пролетариата рассматривалось российскими большевиками как неотъемлемая часть создания «глобального царства освобожденного рабочего класса»[44].

---

[43] См.: Ленин В.И. Горючий материал в мировой политике. Пробуждение Азии. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического интернационала). М.: Политиздат, 1978. С. 13.

[44] См.: Троцкий Л.Д. Проблемы международной пролетарской революции. Коммунистический Интернационал. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 98.

Марксистская теория содержала особые идеи для образования в будущей революционной трансформации глобального общества. Большевистское руководство состояло из искренних последователей марксизма, и крайне важно признать, какую роль они отводили академическим кругам в коммунистическом обществе, которое они планировали построить.

Хотя Маркс и Энгельс не писали много об образовании и почти ничего не писали о высшем образовании, они разработали теоретические перспективы будущего пролетарского общества и его социальных функций. Классическая марксистская парадигма коренилась в материалистической доктрине о том, что люди являются продуктом своих обстоятельств и воспитания[45]. Она предлагала изучать историю человечества методом исторического материализма, рассматривая исторический прогресс человечества как последовательную смену определенных общественных порядков, укорененных в различных способах производства — «общественно-экономических формациях»[46]. Каждая стадия человеческого развития основана на определенном типе производительных сил, связанных с конкретными средствами производства и связанных с конкретным видом собственности на эти средства[47].

Марксизм утверждал, что человечество в своем социальном развитии прошло через четыре социальных стадии развития, связанных с четырьмя способами производства: первобытнообщинный; рабовладельческий; феодальный; капиталистический. Развитие производительных сил напрямую зависело от уровня развития знаний и образования[48]. Таким образом, образование занимало положение движущей силы социальной истории, а капитализм, являясь последней завершенной стадией общественного развития, должен был способствовать росту

---

[45] Higher Education in the USSR (Education Studies and Documents No 39) by M.A. Prokofiev, M.G. Chilikin, S.I. Tulpanov. Paris, 1961. P. 10.

[46] Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О коммунистической общественной формации: в 4 т. Т. 1. М.: Политическая литература, 1987. С. 53.

[47] Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 19.

[48] Avis G. Access to Higher Education in the Soviet Union // In J.J. Tomiak (Ed.), Soviet Education in the 1980s. NY: St. Martin’s Press, 1983. P. 202.

численности рабочего класса до такой степени, что пролетариат становился гегемоном в социальной структуре мирового населения и продуцировал систему массового образования, создавая тем самым критический социальный момент возможного перехода к следующему социальному порядку человеческой социальной организации — коммунизму[49].

В этой парадигме марксизм предполагал, что не только коммунистическое общество станет следующим мировым социальным порядком, но и образование станет ведущей социальной услугой для трудящихся масс и гарантом человеческого прогресса. Общественный доступ к знаниям и их применение для общего блага поддерживают марксистскую концепцию коммунизма как будущего и наиболее гармоничного общественного устройства человечества[50]. Меняющиеся материальные условия жизни и изменение образовательного процесса становятся императивными факторами изменения человеческого общества. Маркс и Энгельс понимали, что без образования рабочий класс обречен на тяжелую жизнь и смерть, однако с образованием у него есть шанс победить во всем мире через мировую революцию пролетариата и создать лучшую жизнь в новом коммунистическом обществе[51]. Образование, таким образом, воспринималось не как самоцель, а как важный шаг на пути к созданию более справедливого и равноправного общества, где каждый член будет иметь равные возможности.

Вместе с тем в реалиях середины XIX в., когда большинство рабочих в любой европейской страны имели хотя бы начальный уровень образования, обсуждение роли университетского образования в будущем пролетарском государстве казалось довольно преждевременным. Однако в марксистском видении классовая природа человеческого общества исторически основывалась на нескольких основных различиях, включая неравенство в образовании. Период перехода от классового строительства капиталистического общества к глобальному коммунистическому

---

[49] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политическая литература, 1971. С. 28.
[50] Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 63.
[51] Маркс К., Энгельс Ф. О воспитании и образовании: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1978. С. 58.

обществу, не имеющему классового разделения и, следовательно, политических и экономических антагонизмов, марксисты обычно называли социализмом[52].

Социализм должен был стать социальным порядком, направленным на всестороннее развитие отдельных человеческих индивидов, при этом образование должно было играть решающую роль в этом процессе. Представлялось, что в будущем социалистическом государстве доступ к образованию для всех граждан будет расширен, включая университетский уровень образования. Образование без границ помогло бы создать глобальное, совместное и гармоничное общество и раскрыть человеческое творчество во всех его формах. Для марксистов право на массовый доступ представителей рабочего класса ко всем уровням образования, включая высшую школу, было первоочередной задачей после падения капиталистического общества. Они считали, что пролетарская революция должна принести политическую гегемонию пролетариату, и класс, который является доминирующей материальной силой общества, в то же время является его доминирующей интеллектуальной силой[53].

Согласно Марксу, социалистическая система образования преследует ту же цель, что и социалистическая революция, — свободу для каждого развивать свои собственные методы мышления и свою собственную инициативу[54]. Цель социализма — создание «объединения всех людей мира, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[55]. Только тогда, когда рабочие будут обладать знаниями и интеллектом, они смогут решить проблему своей собственной политической и промышленной свободы. Обслуживая массы рабочего класса, новая академическая система будет отражать

---

[52] Chamberlin W.H. Soviet Russia: A Living Record and A History. Boston: Little, Brown and Co, 1930. P. 15.
[53] Ленин В.И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Заметка; О диктатуре пролетариата. М.: Политиздат, 1985. С. 8.
[54] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М.: ОГИЗ, 1947. С. 75.
[55] Маркс К., Энгельс Ф. Письма. Сборник избранных писем. 4-е изд. М. — Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 198.

потребности большинства населения мира, а свободные и образованные люди нового общества будут работать на благо общества и управлять им.

Можно выделить особенности академической системы, которые основатели марксизма считали важными основами гражданской организации будущего пролетарского общества.

1. Образование в социалистическом обществе, как и другие жизненно важные социальные услуги, должно финансироваться и управляться государством. Пролетарское государство должно иметь полный контроль над образованием. Какие-либо формы негосударственного образования должны отсутствовать (частные учебные заведения вообще почти не рассматривались). Государственное образование пролетарского государства должно управляться и обеспечиваться государством всем необходимым для учебно-воспитательного процесса, включая учебные материалы.

Система образования США была представлена Марксом и Энгельсом как наиболее прогрессивная и наиболее близкая к социалистической академической организации. Однако она подвергалась серьезной критике за ее отношение как к религии, так и к капиталу, за существование политики обучения и практику частных учебных заведений.

2. Высшее образование, как и любой другой уровень образования в социалистическом обществе, должно быть бесплатным для граждан, и все потребности академических учреждений должны финансироваться государством.

3. Все граждане должны иметь безусловный доступ ко всем уровням образования без каких-либо исключений.

4. Образование должно функционировать в рамках господствующей социальной системы пролетарского государства, которая организована и служит интересам трудящихся. Это неизбежно подразумевает необходимость надзора за всеми учебными заведениями со стороны ведущей политической силы пролетарского государства — коммунистической партии. Таким образом, все

учебные заведения, включая университеты, должны следовать политическим целям пролетариата.

5. Национальные системы высшего образования должны быть объединены в единую глобальную академию. Традиционные культурные границы и национальные границы, естественно, будут отброшены во время строительства глобального социалистического государства. Международное происхождение пролетарской революции приведет к серьезным изменениям в человеческом обществе путем формирования первого глобального сообщества всех народов мира[56].

Эти основные особенности широко использовались последователями Маркса и Энгельса, которые стремились внедрить марксистскую теорию в социальную практику построения коммунистического общества. Знаменитый марксистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (нем. Proletarier aller Länder, vereinigt Euch!) означал создание всемирных политических, экономических и социальных общественных структур.

Марксистская теория отводила образованию роль жизненно важной движущей силы для важнейших социальных изменений в истории человечества — создания коммунистического общества. Пролетаризация масс в сочетании с массовым образованием были предсказаны как ключевые факторы успеха мировой революции. Интернационализм был основным принципом марксизма, в то время как основной задачей марксистов во всем мире было просвещение рабочего класса по всему миру, предоставление ему коммунистической идеологии в качестве просвещения и программы действий. «Знание — единственная сила, способная осуществить прогрессивные социальные изменения»[57] — эти слова Маркса стали девизом русских марксистов для практического применения академического интернационализма.

---

[56] Avis G. The Making of the Soviet Citizen: Character Formation and Civic Training in Soviet Education. London: Croom Helm, 1987. P. 33.

[57] Маркс К., Энгельс Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М.: Либроком, 2019. С. 115.

Российские социалисты активно поддерживали марксистский постулат об особой роли образования в создании глобального коммунистического общества. Ранние марксистские группы в России возникли из так называемых «народников» (народных просветителей), которые твердо верили в решающую роль образования для широких масс и продвигали идею общественного прогресса через социальную революцию еще до того, как стали последователями марксизма[58].

Они были энтузиастами немедленных практических действий, понимая образование как жизненно важную часть революционной работы. В реалиях российской политической жизни, где публичная гражданская деятельность была запрещена с начала XIX в. после первого открытого протеста российской оппозиции против царского режима, призыв к просвещению масс рассматривался как преступный политический акт неповиновения, наказуемый годами каторжной ссылки в Сибирь. Несмотря на такое традиционное государственное преследование, российские марксисты считали себя русской версией «французских философов», часто ссылаясь на идеи Вольтера и Дидро, Монтескье и Д'Аламбера. Рассматривая просвещение как прагматическое революционное достижение, они сосредоточили усилия на предоставлении марксистского образования рабочему классу России[59].

Ценности западного Просвещения, восхваляющие интеллектуальную индивидуальность и логическое мышление, а не русскую социальную традицию священной власти царя, были самым важным революционным понятием для русских марксистов. Просвещение простых россиян оправдывало возможность отсталой России стать равноправным и активным партнером цивилизованной Европы в строительстве гармоничного и прогрессивного коммунистического общества под девизом: «Свобода, равенство, братство». Первое собрание российских марксистов как новой политической партии Российской социал-демократической рабочей партии было организовано под знаменитым лозунгом

---

[58] Плеханов Г.В. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 24.

[59] Cole M. Marxism and Educational Theory: Origins and Issues. London: Routledge, 2007. P. 44.

эпохи Просвещения: «Sapere Aude!» (с лат. — «Дерзай знать!»), который понимался ими как следование теоретическим постулатам марксизма, применяя их в политически правильной парадигме действия[60].

Обсуждая академическую систему коммунистического общества, русские марксисты пришли к выводу, что практика ее создания должна осуществляться через просвещение простого населения. Политика просвещения рассматривалась ими как необходимая предпосылка для успешного установления коммунизма. Главной задачей первого пролетарского правительства считалось дальнейшее просвещение населения, вплоть до создания поколения коммунистически настроенных, хорошо образованных и, следовательно, полностью просвещенных людей, способных и желающих создать коммунистическое общество. Большевики считали ценности общественного просвещения основой коммунизма, в то время как образованные интеллектуалы должны были стать ведущими революционерами и носителями коммунистической идеологии. Будучи проводником глобального образовательного просвещения, академические круги получили первостепенное значение в стратегии российских марксистов. Большевистское понимание важности образования и научных кругов в предполагаемом коммунистическом обществе основывалось на классических марксистских принципах[61].

Осуществляя переход к будущему социальному порядку, большевики вырабатывали конкретные меры, направленные на внедрение новой системы образования в период социализма. Для построения будущей коммунистической академии российские марксисты вели поиск академических моделей, в том числе в трудах последователей социал-демократический идеологии. Среди различных историко-правовых исследований, анализирующих передовые национальные модели высшего образования, работы Г. Плеханова и А. Бебеля[62] стали

---

[60] Avis G. The Soviet Higher Education Reform: Proposals and Reactions. Comparative Education. 1990. № 26 (1). P. 8.

[61] Никитина А.А. Основы марксистской идеологии в системе высшего образования СССР (1917–1930) // История государства и права. 2025. № 6. С. 41–47.

[62] См.раб.:Бебель А. Из моей жизни. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 198., Бебель о Бернштейне: Речь Августа Бебеля, произнесенная на

концептуальной основой для формирования большевистской образовательной политики, ориентированной на создание социалистической системы подготовки кадров. Бебель А., развивал марксистский тезис о том, что американская система государственного образования представляет собой наиболее перспективную модель для будущей социалистической школы. В своих работах он подчеркивал, что отсутствие в США сословных пережитков и консервативных традиций, характерных для Европы, создает благоприятные условия для внедрения прогрессивных образовательных институтов.[63].

Американское рабочее население к началу Первой мировой войны не стремилось к получению высшего образования, а также не было озабочено практикой изучаемых профессий, так как в начале XX века эти исследования и связанные с ними должности были для них закрыты. Система государственных (земельных грантов) университетов США была представлена Бебелем как хорошая организационная модель для создания коммунистической академии.

Изучая академическую систему США, российские марксисты пришли к выводу, что она является наиболее прогрессивной образовательной моделью того времени[64]. Две характеристики государственного высшего образования США были дебатируемы в качестве хороших примеров прогрессивной академической организации и возможной основы для построения коммунистической академии: а) управление высшими учебными заведениями местными сообществами и их финансирование из бюджетов штатов; б) тесная связь между академической миссией государственных университетов и практическими потребностями местных сообществ, проявляющаяся в развитии прикладных наук и продвижении профессиональной подготовки, отражающей потребности местного населения[65].

---

Ганноверском партейтаге 10 октября 1899 года. (с портретом А. Бебеля). - Женева: изд. соц.-дем. организации "Жизнь", 1902 – 68 с.; Избранные философские произведения / Георгий Плеханов. - М.: Прогресс. - 22 см. Т. 5 / Пер. Г. Дюпон, А. Гарсиа. - Москва: Прогресс, 1983. - 774 с.

[63] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. - 3-е изд. - Москва: Прогресс, 1982. - 262 с.

[64] Крупская Н.К. О политехническом образовании, трудовом воспитании и обучении. М. : Просвещение, 1982. С. 78.

[65] Kuraev A. Soviet higher education: an alternative construct to the western university paradigm // Higher Education. Vol. 71. № 2 (February 2016). P. 77.

Российские последователи марксизма внимательно анализировали концепции зарубежных ученых, особо выделяя работы Джона Дьюи как наиболее соответствующие социалистическому подходу к образованию. Формула Дьюи: «Образование должно быть процессом жизни, а не подготовкой к будущей жизни»[66] — была взята большевиками как основа при проведении реформы образования в период революционных событий 1917 года. Концепцию Бебеля большевики восприняли как наиболее подходящую для практической реализации и внедрения в систему советского высшего образования. Система государственных школ и университетов США явилась прототипом для построения социалистической модели образования[67].

Г.В. Плеханов, один из основателей марксизма в России, в своих работах проводил системный анализ взаимосвязи между уровнем промышленного развития стран и состоянием их образовательных систем. Изучая опыт США и Германии - мировых лидеров индустриализации начала XX века, - он особо выделял ключевую роль системы профессионально-технического образования в экономическом прогрессе. Сравнивая положение России с передовыми державами, Плеханов отмечал значительное отставание в развитии национальной образовательной системы при сохранении тенденции к промышленному догоняющему развитию. В своих исследованиях он выявил множество схожих черт между политическими движениями Германии и России того периода, но особый акцент делал на том, что индустриальная модернизация возможна лишь при условии внедрения технического образования по образцу немецких реальных училищ (Realschule)[68].

В своей образовательной политике большевики руководствовались марксистской теорией, дополненной практическими разработками ведущих социалистических теоретиков – А. Бебеля, Г. Плеханова и их последователей. В рамках революционной программы преобразований они выдвинули три ключевых

---

[66] Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М. : Идея-пресс, 2002. С. 84.
[67] Там же. Р. 79
[68] Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. М. ; Петроград : Государственное издательство, 1923. С. 55.

принципа построения новой, социалистической системы образования: принцип всеобщей доступности высшего образования, подразумевающий отмену всех ограничений и барьеров - как социальных, так и связанных с полом, национальностью или культурной принадлежностью. принцип полной государственной ответственности за обучение выходцев из рабочих семей, что устраняло материальные препятствия для получения ими университетского образования. принцип соединения теории с производственной практикой, согласно которому выпускники (в первую очередь рабоче-крестьянского происхождения) должны были непосредственно внедрять полученные знания в промышленное производство и научно-технические отрасли.

Формируя программу преобразований в сфере высшего образования, советские власти взяли за основу марксистский принцип устранения классового неравенства, рассматривая его как фундаментальную социальную проблему. Большевики стремились установить сводный и равный доступ к высшему образованию абсолютно для всех. Основными показателями для преобразования старой системы высшего образования, которая веками служила правящему классу, в новую глобальную университетскую систему являлись: государственное управление университетами, ориентация системы высшего образования на развитие экономики и в первую очередь промышленности, контроль и надзор партии над всей системой советского образования. Российские последователи марксистской доктрины исходили из убеждённости, что всестороннее развитие личности достижимо исключительно через образовательный процесс, основанный на принципе эгалитарного доступа к его возможностям. В вопросе о необходимости формирования такой образовательной системы они демонстрировали полную идейную солидарность со своими единомышленниками в Европе «трех китов, несущих строительство социалистической академии, — свободы, равенства и интернационализма»[69].

[69] Мартов (Цедербаум) Ю.О. Письма и документы. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2014. С. 211.

В качестве наиболее радикального течения среди российских марксистов большевики предложили проект реорганизации мирового образования в единую систему пролетарского просвещения и академического развития[70]. Важным условием революционных преобразований являлась идея мировой революции.

Главной политической целью большевиков была мировая революция, которая должна была привести к окончательной победе пролетариата, завершению классовой борьбы и созданию вечного коммунистического общества на международной арене[71]. Ключевым аспектом большевистской концепции являлась идея мировой революции, которую они считали основой для преобразования общества.

Большевики верили, что, «пламя пролетарской революции немедленно распространится по всей Европе, а затем и по всему миру». Также они полагали, что всемирное распространение социальных изменений, вызванных триумфом рабочего класса, является неизбежным. В соответствии с протоколом 6-й конференции РСДРП образование всегда подчеркивалось большевиками как ключевая социальная услуга нового, подлежащего построению коммунистического общества. Научное сообщество изначально задумывалось как интернациональная сила пролетарской революции, чья деятельность после её всемирной победы неизбежно должна была приобрести глобальный масштаб.

В своей главной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», объясняющей скорое крушение капитализма во всем мире, Ленин предположил, что мир вступил в империалистическую стадию развития капиталистического общества. В большевистской интерпретации наблюдался исторический парадокс: развивая мировое промышленное производство и одновременно совершенствуя профессиональную подготовку рабочих, капиталистические государства

---

[70] Луначарский А.В. Ленин и народное образование. Сборник статей и выступлений. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 57.

[71] Ленин В.И. Начало революции в России. Уроки московского восстания. М.: Политиздат, 1990. С. 7.

объективно формировали тот самый организованный и сознательный пролетариат, которому предстояло стать «могильщиком» существующего строя.

Ключевое значение придавалось профессиональной и политической подготовке пролетариата, без которой его победа в грядущей революции считалась невозможной. Ленин усматривал в начале Первой мировой войны эмпирическое подтверждение своей теории.

В данный исторический период слово «глобализация» не применялось, Ленин фактически охарактеризовал ее появление как мировой феномен. Большевики видели в мировой войне катализатор революционных процессов, так как они принесли массовые страдания, подтолкнувшие европейских рабочих к борьбе за свободу и экономические права. С началом Первой мировой войны большевики и марксисты Европы начали подготовку к мировой революции, активно обсуждая, в какой стране она начнется и как долго продлится.

Дискуссии по данным вопросам показали необходимость для большевиков концептуализации ключевых основополагающих принципов осуществления мировой революции. Центральным пунктом предложения стало определение К. Марксом «перманентной революции». В среде большевиков наблюдался значительный консенсус относительно представления о том, что инициация пролетарской революции произойдет в Европе, а ее всеобщая победа представляет собой протяженный во времени процесс. Они называли Германию отправной точкой революционной деятельности. Но считали, что Германии требовались предпосылки, которые могли стать основой для пролетарской революции. Среди данных предпосылок следует выделить следующие: развитая промышленность и, следовательно, массовый и организованный пролетариат; давние революционные традиции и хорошо развитое чувство социалистических идей в национальном общинном менталитете и в национальном политическом движении; хорошие международные связи (на протяжении десятилетий Германия принимала марксистов и социалистов со всего мира).

Большевики рассматривали Германию как катализатор мировой революции. Особенно подчеркивали высокий уровень образования немецкого рабочего класса, связывая это с влиянием гумбольдтовской модели образования, ориентированной на политехническую подготовку. Прогнозировался каскадный сценарий: после победы в Германии революция должна была распространиться на Францию, охватить остальную Европу, а затем, проникнув в Россию, продвинуться на Восток – в Персию и колонии Индокитая, тем самым завершив формирование глобального пролетарского государства.

Большевики рассматривали Германию не просто как потенциальный очаг революции, а как её отправную точку, ключевой катализатор, способный запустить глобальный процесс. Этот выбор основывался на убеждении в высокой степени образованности немецкого рабочего класса – значительно выше, чем в других европейских странах. Это преимущество, по мнению большевиков, было напрямую связано с влиянием гумбольдтовской системы образования, с её упором на политехнические знания, способствующие развитию критического мышления и способности к анализу социально-политической реальности. Успех революции в Германии, согласно большевистской стратегии, должен был послужить мощным импульсом для её распространения на всю Европу. Россия, будучи самой большой и богатой ресурсами страной, играла здесь ключевую роль. Однако, большевистские стратеги смотрели значительно дальше границ России. Образование и политическое просвещение считались не просто знаниями, а мощным оружием пропаганды, способным формировать сознательность пролетариата и способствовать его мобилизации в борьбе за построение нового общества.

Возможность построения социализма, с точки зрения большевиков, возникала исключительно после победы пролетарской революции. В их теоретической модели социализм представлял собой переходную фазу – промежуточное звено между капиталистической формацией и полным коммунизмом . Он трактовался как начальная ступень движения к будущему коммунистическому обществу: система,

преодолевшая капитализм, но еще не достигшая коммунистических принципов. Социалистический режим, по мнению большевиков, должен основываться на гражданских принципах, следуя опытным примерам пролетарского самоуправления, продемонстрированным парижскими коммунарами в 1871 г. и Московским Советом рабочих в 1905 г. Это станет организационной основой коммунистического общества.

Коммунизм станет реальностью только после того, как будет достигнута жизненно важная задача воспитания «новых людей». Достижение этой цели требовало, по их убеждению, международной трансформации образовательной системы. Большевистская концепция общественного прогресса требовала коренной трансформации сознания широких народных масс. Согласно их марксистскому видению, первоочередной задачей являлось освоение населением культурного и научного наследия прошлого. Только так, полагали они, можно было сформировать просветленное и развитое общество, состоящее из принципиально «нового типа» личности. Эта цель — воспитание будущего гражданина коммунистического строя, обладающего классовым, а значит и пролетарским сознанием, революционной политической позицией, революционным правосознанием и соответствующей моралью — была центральной.

Ленин и его единомышленники, российские марксисты, были глубоко убеждены, что к началу Первой мировой войны мировая экономика уже достигла стадии глубокой интеграции. Большевики подчеркивали масштабное формирование транснациональных корпораций в финансовом, промышленном и коммуникационном секторах. Для них эта глобальная экономическая реальность являлась не просто фактом, но и основной движущей силой, трансформирующей политику из сугубо международной в подлинно глобальную.

Большевики считали, что начало Первой мировой войны является доказательством наступления новой эры глобальных перемен для всего человечества. Они также особо выделяли ряд важнейших социально-экономических аспектов этого конфликта. По их мнению, Первая мировая война

показала наивысшую точку экономического развития капитализма, воплощенную в его финальной стадии — империализма.

Достигнув своей кульминационной стадии в виде империализма, капитализм создает взаимосвязанные экономические и политические структуры. Любое социальное изменение, вызванное прогрессом мировой революции, включая реформу системы образования, по определению считалось глобальной реформой. Однако эта интеграция происходит без параллельного развития социальных структур, способных гарантировать всем людям равные права и возможности.

Ключевой проблемой для большевиков, руководствовавшихся всеобъемлющей теорией мировой революции и последовательным планом ее осуществления, стало нараставшее к 1917 году противоречие: мировой конфликт подходил к концу, а предпосылки для пролетарской революции в индустриально развитых странах Европы оставались нереализованными. В этот период марксистские партии Западной Европы активизировали легальную парламентскую деятельность, формируя коалиции с либеральными силами. В.И. Ленин охарактеризовал тактику как «изменой идеалам революции» от революционных принципов. В ответ он выдвинул стратегию немедленного революционного действия, призвав российских коммунистов не ожидать итогов войны или революции на Западе, а инициировать социалистическую революцию в стране, где для этого сложились наиболее зрелые объективные предпосылки.

Ленин и руководство большевистской партии разработали теоретическое положение, согласно которому успешное осуществление социалистической революции первоначально в отдельно взятой стране не только сохраняет, но и усиливает ее глобальную значимость. Они аргументировали, что установление диктатуры пролетариата и инициирование социалистического строительства в рамках одного государства представляет собой стратегическое завоевание международного рабочего движения. Данное достижение, по их мнению, отнюдь не отменяло интернациональную миссию революции, а, напротив, создавало необходимый военно-политический плацдарм и мощный катализатор для

дальнейшего развития всемирного революционного процесса. В 1917 г., когда скорое завершение Первой мировой войны стало очевидным, а Россия являлась единственным членом Антанты, который не ожидал триумфа военной победы, но глубоко погружался в экономический и политический кризис, а также в социальный хаос. В этих условиях большевики стремились к социалистической революции в России.

Руководство большевиков исходило из убеждения, что формирование первой в истории социалистической системы образования в России требует активного вовлечения научной интеллигенции в идеологический проект мировой революции. Ленин, в своих выступлениях и работах, настойчиво подчеркивал важность работы с преподавательским составом, выделяя учителя как центральную фигуру, от которой зависит успех создания социалистической модели образования. Тот факт, что не все ученые были способны понять суть революционных изменений, происходящих в России и в мире, был не столько их виной, сколько их потерей.

Большевистская критика дореволюционной образовательной системы утверждала, что пропасть между академической элитой и народными массами являлась результатом целенаправленной политики царского режима, направленной на социальный контроль через ограничение доступа к знанию. Новый социалистический порядок провозгласил ликвидацию этого искусственного разделения. Его идеалом выступало формирование единого академического сообщества, где профессора и студенты совместно участвуют в учебном процессе, научных изысканиях, общественной деятельности и коллегиальном управлении вузом. Принцип автономии и академических свобод, реализуемый через самоуправление, рассматривался как неотъемлемый практический итог Октябрьской революции в сфере высшего образования.

К моменту революционных событий 1917 года большевистское руководство располагало детализированным проектом преобразования высшей школы. Данный проект являлся неотъемлемым элементом концепции мировой революции, в рамках которой реформа академической сферы в России мыслилась как стартовая

площадка для последующего формирования универсальной транснациональной образовательной модели . Ключевым дефицитом существовавшей системы большевики считали отсутствие подлинно унифицированной и общегосударственной образовательной инфраструктуры. Это обусловило их установку на необходимость не постепенной модернизации, а радикального учредительства – институционального проектирования национальной системы высшего образования. Российская модель задумывалась как опытная площадка и прототип будущей «академии мирового пролетариата», а ее создание трактовалось не как локальная реформа, но как акт закладки основ планируемого глобального социалистического образовательного порядка.

Ленинское руководство усматривало в избранной стратегии академической трансформации ряд стратегических преимуществ для национальной системы высшего образования. Синтез организационных принципов американской модели «университетов земельных грантов», ориентированных на практическую пользу и доступность, с политехнической составляющей и исследовательским этносом немецкой гумбольдтовской традиции интерпретировался как воплощение марксистской диалектики в образовательной сфере. Подобная комбинированная модель, интегрирующая прогрессивные элементы различных западных систем, придавала реформам в России необходимую международную перспективу и легитимность.

Ожидалось, что это позволит в кратчайшие сроки радикально повысить образовательный уровень страны, создав убедительный прецедент успеха для глобального распространения. Данный успех рассматривался как важнейшее доказательство для европейского (прежде всего немецкого) рабочего класса: если пролетарская революция способна немедленно обеспечить столь значимый социальный прогресс в экономически отсталой и массово неграмотной России, то в развитых странах Запада она неизбежно откроет путь к беспрецедентному процветанию. Параллельно, успешная модернизация и "вестернизация" российской академической сферы через реформу позиционировала страну как

альтернативный центр притяжения и политический ориентир для народов колониального Востока, демонстрируя возможность ускоренного цивилизационного рывка вне рамок западного империализма.

Благодаря своему геополитическому расположению на стыке Европы и Азии, а также наличию социалистического строя и развитой системы образования, Россия способна выполнить функцию важнейшего революционного связующего звена между Западом и Востоком. Эта роль рассматривается как фундаментальная для последующего построения глобального коммунистического общества. При этом в рамках данной концепции образовательная сфера выступает ключевым инструментом тех социальных преобразований, которые должна принести мировая революция, направленная на утверждение интернационализации в качестве базового принципа будущего всемирного пролетарского государства.

Исторический опыт населения бывшей Российской империи после 1917 года опроверг ожидания наступления эры всеобщего просвещения и социального согласия. Напротив, катастрофические последствия мировой войны трансформировались в масштабный внутренний вооруженный конфликт, за которым последовали повсеместный голод, обострение классовых антагонизмов, системные материальные лишения и экстенсивный труд миллионов людей в условиях крайней необходимости. Парадоксальным образом, несмотря на провозглашение всеобщего образования трудящихся в качестве одного из ключевых революционных императивов, направленного на формирование «нового человека», в коллективном сознании советского общества революционный переворот не закрепился как отправная точка радикальной трансформации образовательной сферы. Это свидетельствует о глубоком разрыве между декларируемыми целями преобразований и их непосредственным восприятием населением в контексте выживания.

Институциональное становление советской модели высшей школы, завершившееся формированием ее устойчивых структур и содержательных основ, характерных для последующих десятилетий, потребовало приблизительно двух

десятилетий. Трансформация российской университетской традиции, инициированная большевистским правительством после событий 1917 года, представляла собой комплексную историческую задачу. Перед российскими революционерами-марксистами стояла цель конструирования не имеющей аналогов национальной системы высшего образования в границах самого обширного государства мира, осуществляемого практически на принципиально новой основе. Советское высшее образование выполняло важную функцию по созданию советской интеллигенции и бюрократии, т. е. сторонников социализма, которые должны были занимать руководящие посты как в партийных, так и государственных структурах. Ленин считал, что качественное образование является наиболее важным требованием для того, чтобы государство могло занимать лидирующие позиции на мировой арене. Данная функция была расширена от партийных высших учебных заведений на системы высшего образования в целом. Это определило ряд уникальных особенностей советской системы с ее обязательными для всех обучающихся идеологически разработанными курсами по марксизму и истории Коммунистической партии, массовыми механизмами позитивных действий, включая коррекционные курсы для детей из семей рабочего класса для подготовки их к поступлению в высшие учебные заведения. Данная специфика образования обеспечивала значительный источник компенсационной легитимности среди большого и влиятельного сегмента советского населения. Стоит отметить, что эта функция мало повлияла на институциональный ландшафт[72].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что большевики наблюдали приход глобализации как всемирной экономической и политической реальности в начале XX в. Интернационализация как отличительная политика победившего рабочего класса должна была стать ядром всех системообразующим принципом социальных преобразований, инициированных установлением

[72] Kuraev A. Soviet higher education: an alternative construct to the western university paradigm // Higher Education. Vol. 71. № 2 (February 2016). P. 69.

диктатуры пролетариата. Данная политика находила конкретное выражение в стратегии большевистского руководства, предполагавшей критическое заимствование элементов западных образовательных моделей с параллельным проектированием универсальной советской академической структуры для глобального распространения. Создаваемые в СССР социальные институты, включая образовательную систему, концептуализировались не в национальных, а в принципиально наднациональных категориях – как прообраз будущего всемирного устройства. Революционная Россия 1917 года мыслилась не конечной целью, а исходным плацдармом для тотальной трансформации глобального социума и сопряженной с ним международной образовательной инфраструктуры. Таким образом, интернационализация выступала концептуальным ядром образовательной реформы, реализуемой первоначально на территории РСФСР, но изначально ориентированной на достижение всмирной трансформации.

## 1.2. Нормативные правовые акты в сфере высшего образования в 1917–1930 годах

Рассмотрев основные идеологемы советской системы высшего образования в 1917–1930 гг., следует перейти к анализу нормативной правовой базы управления системой высшего образования в новом Советском государстве.

Обратимся к анализу понятия «административно-правовое регулирование». Д.Н. Бахрах определяет в качестве цели административно-правового регулирования обеспечение «гомеостазиса системы публичного управления, проявляющегося в способности названной системы поддерживать при помощи саморегуляции равновесие и стабильность управленческих отношений для максимального благоприятствования реализации прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, компетенции субъектов публичного

управления»[73]. Как видим, в фокусе внимания этого административиста находятся вопросы публичного управления, а также необходимость поддержания стабильности его системы.

Ю.А. Тихомиров рассматривает административно-правовое регулирование в качестве разновидности государственного регулирования, определяя его как «механизм императивно-нормативного упорядочения организации и деятельности субъектов и объектов управления и формирования устойчивого правового порядка их функционирования»[74]. Предложенная дефиниция отражает свойственную отечественной доктрине трактовку предмета административно-правового регулирования как деятельности, направленной на внутреннюю организацию элементов системы управления в целях обеспечения соответствующего правового порядка (законности).

Л.Л. Попов сужает предмет административно-правового регулирования до функционирования системы органов исполнительной власти, рассматривая в качестве его «отношения, которые непосредственно возникают в связи с практическим выполнением задач и функций государственного управления»[75]. Фактические при подобном подходе категории «административно-правовое регулирование» и «государственное управление» отождествляются между собой.

Вместе с тем подход, предложенный Д.Н. Бахрахом, определяющий рассматриваемое понятие через категорию «публичного управления», обладает большей универсальностью и применимостью к различным историческим этапам развития Российского государства, что отвечает задачам настоящего исследования. Учитывая относительно недавнее закрепление в конституционном законодательстве принципа единства публичной власти, а также отсутствие на протяжении советского периода российской истории фактической самостоятельности местного уровня власти, представляется продуктивным

---

[73] Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008. С. 23.

[74] Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2006. С. 48.

[75] Попов Л.Л. Административное право. М.: Норма, 2019. С. 24.

определение административно-правового регулирования именно через понятие деятельности в сфере публичного, а не государственного управления. Применительно к административно-правовой науке регулирование призвано упорядочить правоотношения, возникающие в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов публичной власти и их должностных лиц. При этом «административно-правовой механизм служит гарантией воплощения в жизнь административно-правового регулирования»[76].

Под высшим образованием принято понимать уровень профессионального образования, следующий после среднего общего или среднего профессионального образования. Выступая в качестве объекта публичного управления, высшее образование требует упорядоченной системы административно-правового регулирования, которая образуется иерархически-соподчиненной системой нормативных правовых актов. Таким образом, под административно-правовым регулированием в сфере высшего образования следует понимать нормативно урегулированную деятельность органов публичной власти и их должностных лиц по организации процесса получения профессионального образования, следующего после ступени среднего (общего) или среднего профессионального образования.

Переходя к рассмотрению нормативной правовой основы управления системой высшего образования в Советском государстве, необходимо остановится на вопросе классификации соответствующих нормативных правовых актов.

В науке классификацией принято именовать особую разновидность деления объема понятия, предполагающую наличие определенного основания, в качестве которого выступает отдельный признак или конкретный критерий. Делимое понятие при этом является родовым, а результатом деления являются отдельные виды и подвиды родового понятия. Классификация понятия сопряжена с необходимостью соблюдения правил деления, к числу которых отнесены

---

[76] Зайкова С.Н. Соотношение понятий «административно-правовой механизм» и «административно-правовое регулирование» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 315.

требование единственности основания в рамках одного деления, соразмерность деления и его непрерывность.

Зарождающаяся в России, а затем и в СССР в 1917–1930 гг. новая система советского законодательства представляла собой одну из первых попыток создания принципиально новой правовой системы, получившей позднее наименование социалистического права. Его отличительной чертой стало сочетание разнообразных источников (форм) права, включая принципиально новые и до этого неизвестные источники — революционное правосознание, нормы коммунистической морали (этики) и партийные документы. Первоначальный этап становления Советского государства отличался дроблением субъектов правотворчества и неоднородным характером издаваемых правовых актов, подчас лишенных иерархической соподчиненности. В связи с этим классификация первых актов советского государства является достаточно проблематичным вопросом.

Т.М. Ашенова предложила в рамках своего диссертационного исследования развернутую систему классификации правовых актов советского законодательства об образовании в 1917–1930 гг., исходя из следующих оснований.

1. Юридическая сила источника (формы права). В соответствии с данным основанием Т.М. Ашенова предложила выделять нормы советских конституций, законов и подзаконных актов. К категории законов ею были отнесены все правовые акты, изданные Всесоюзным и Всероссийским съездами Советов, ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР и Советом народных комиссаров СССР и РСФСР, а также постановления исполнительных комитетов, декларации, постановления и положения, носящие общерегулятивный характер в сфере народного образования, приказы и постановления высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти. К подзаконным актам по данному основанию классификации относились ведомственные акты, издаваемые ВСНХ, Наркомземом, Наркомюстом и другими учреждениями.

2. Отраслевая принадлежность источника (формы) права. В соответствии с данным основанием Т.М. Ашенова выделяет комплексы нормативных правовых

актов, регулирующих конституционные, управленческие, трудовые, гражданско-правовые, финансовые отношения, которые возникли в сфере образования.

3. Уровень образования. Данное основание позволило Т.М. Ашеновой выделить источники (формы) права дошкольного, школьного и профессионального образования[77].

Несмотря на высокое достоинство предложенной этим автором классификации правовых актов советского законодательства об образовании в 1917–1930 гг., представляется возможным указать дополнительные основания, совокупность которых предлагается рассматривать в качестве авторской классификации актов в сфере высшего образования 1917–1930 гг.

1. Определенность содержания. В соответствии с данным основанием можно выделить правовые акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера.

К числу актов декларативного характера следует отнести разнообразные воззвания, обращения, декларации, программные партийные документы. Например, Обращение (воззвание) к гражданам России от 29 октября 1917 г.[78] «О народном просвещении» А.В. Луначарского, закрепившее необходимость в кратчайший срок решить проблемы всеобщей грамотности и организации единой светской школы.

К актам общего характера необходимо отнести те правовые акты, которые закрепляют общие вопросы государственного управления в сфере образования, например конституции, законы. Так, нормативные предписания Конституции РСФСР ставили перед государством задачу организации прямого доступа населения к знанию, для чего требовалось обеспечить беднейшим слоям населения возможность получить полное, всестороннее и бесплатное образование (ст. 17)[79].

---

[77] Ашенова Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.0. М., 2015. С. 66–72.

[78] Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 56 с.

[79] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

К актам конкретно-определенного характера следует отнести декреты и подзаконные акты профильных ведомств, предметом регулирования которых выступали непосредственные организационные вопросы в сфере высшего образования. Например, Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения»[80].

2. Субъект нормотворчества. В соответствии с данным основанием классификации можно выделить акты уполномоченных органов публичного управления и партийные акты.

К актам уполномоченных органов публичного управления следует отнести все нормативные правовые акты, изданные органами государственной власти, включая конституции, законы, декреты, приказы, постановления высших исполнительных и распорядительных органов, а также инструкции, циркуляры и другие документы.

К партийным актам следует отнести все документы ВКП(б), содержащие положения императивно-нормативного характера, в том числе партийные доклады, резолюции и сообщения. Например, доклад секретаря ЦК ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича «Об исполнении решений июльского (1928) Пленума ЦК о подготовке технических кадров»[81]. Резолюции Пленума ЦК ВКП(б) могли, например, содержать нормативные указания о необходимости расширить сеть втузов нового типа со специализацией по определенным отраслям промышленности, что было актуально в эпоху индустриализации. Также пересмотреть учебные планы и программы, обеспечить в программах втузов «конкретную экономику и марксистскую историю техники»[82]

---

[80] Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Известия ВЦИК. 1918. № 166. 6 августа.

[81] Доклад секретаря ЦК ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича «Об исполнении решений июльского (1928) Пленума ЦК о подготовке технических кадров» // Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929: в 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М.: Демократия, 2000. С. 35–39.

[82] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 422. Л. 33.

для обеспечения индустриального развития страны в сложной геополитической обстановке.

Проанализированные критерии классификации актов в области высшего образования в период с 1917 по 1930 годы дают возможность перейти к их детальному анализу. На первоначальном этапе развития институт высшего образования в РСФСР был регламентирован базовыми принципами народного просвещения, которые нашли свое отражение в тексте Конституции 1918 г.

На первоначальном этапе формирования социалистического законодательства фокус внимания советского руководства был в первую очередь направлен на создание системы общего образования, однако уже в августе 1918 г. был принят документ директивного характера в сфере высшего образования — Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». Образование стало ключевым приоритетом советского правительства с первых дней его существования. Уже на начальном этапе его члены санкционировали формирование основ нового законодательства, необходимого для полномасштабного преобразования образовательной системы на всех уровнях.

Данный правовой акт сформировал основу для последовательной демократизации системы обучения в высшей школе, так как фактически предоставлял возможность получения высшего образования для всех лиц без различения пола и гражданства при достижении ими возраста 16 лет. Для поступления в вуз не требовалось предоставления какого-либо аттестата или диплома об окончании средней школы. От поступающих требовалось лишь удостоверение их личности. Отменялась какая-либо плата за обучение. Большевики с большим пониманием относились к потребностям академических ученых и рассматривали внедрение западных академических принципов в российское высшее образование как одну из задач государственного управления. План реформы образования большевиков в равной степени можно было бы определить как политику интернационализации системы академии наук. Таким образом, интернационализация российского высшего образования была

неотъемлемой составляющей академической политики нового большевистского правительства Советского государства.

Новая система административно-правового управления высшим образованием строилась на фундаменте наследия Российской империи. С 1918 по 1919 г. был открыт ряд университетов в крупных региональных столицах, например Нижегородский, Уральский, Воронежский, Ереванский и др. В задачу первых вузов советской власти входила подготовка кадров для научной и технической работы.

Приоритетом первоначальной политики Советского государства стало законодательное закрепление принципов политической свободы, социальной справедливости и равных стартовых возможностей для трудящихся масс. Ключевым документом, утверждавшим право всех народов бывшей Российской империи на культурное и образовательное развитие, стала Декларация прав народов России, в которой гарантировалось преподавание на родных языках на всех ступенях образовательной системы[83].

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозгласила всеобщее и бесплатное право на образование, включая высшее, без каких-либо ограничений. Эти нормы подлежали немедленному введению на территории Советской России с перспективой распространения на другие страны после ожидаемой мировой революции[84].

Реализация этих принципов потребовала кардинальных юридических преобразований. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»[85] упразднил сословные деления и гражданские чины, ликвидировав связанные с ними привилегии и барьеры в доступе к образованию (ст. 1). Равенство полов, включая равные права женщин на

---

[83] Декларация прав народов России (утв. СНК РСФСР 02.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

[84] Декларация о правах трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов 13.01.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.

[85] Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.

обучение во всех типах учебных заведений, вплоть до университетов, было конституционно закреплено в первой Конституции РСФСР 1918 года. Этот же основной закон декларировал свободу политической деятельности в вузах, разрешая преподавательскую работу и обучение студентов независимо от их политических взглядов[86].

Специальный Декрет СНК РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» постановил, что любое академическое достижение или научная находка являются национальным достоянием с постоянной государственной охраной[87].

Ленин рассматривал завоевание как критически важную задачу для молодой Советской Республики, заявляя: «Мы должны сделать все, чтобы завоевать доверие русской интеллигенции к Советской власти, — это полдела для молодой Советской Республики»[88]. Подтверждая эффективность этой политики, британский писатель Герберт Г. Уэллс, являвшийся одним из немногих западных свидетелей революции 1917 года, отмечал, что большевикам удалось вовлечь российскую интеллигенцию в революционный процесс, что привело к значительным достижениям в развитии науки и системы народного образования .[89].

Через две недели после событий Октябрьской революции новое советское правительство объявило о создании Государственной комиссии по просвещению[90]. Преамбула Декрета гласила, что Комиссия, синтезируя прогрессивные мировые педагогические практики, намеревалась выстроить принципиально новую академическую систему, марксистскую по своей сути и всеобъемлющую по

---

[86] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.] // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст. 582.

[87] Декрет СНК РСФСР от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 900.

[88] Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. М.: Политиздат, 1980. С. 77.

[89] Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политическая литература, 1959. С. 32.

[90] Декрет СНК РСФСР, Наркомпроса РСФСР «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» (утв. ВЦИК 09.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 32.

замыслу. Обеспечение свободы научной деятельности и автономии научных организаций определялось как важнейшее направление работы. Самоуправление было провозглашено в Декрете главным организационным началом для научной сферы. Академические институты виделись автономными единицами, где администрация обеспечивает повседневное функционирование под наблюдением местных властей.

Комиссия предложила создать в каждом российском вузе университетский совет (Правление) – ключевой орган коллективного руководства. Члены данного совета ежегодно избираться собранием всех преподавателей, студентов и сотрудников университета. Университетский совет периодически собирался для обсуждения и решения вопросов стратегического управления университетом. Когда вопросы были очень важными проводилось общеуниверситетское собрание с обязательным присутствием не только преподавателей и сотрудников, но и студентов.

Данную реформу можно охарактеризовать как наиболее радикальную и демократичную трансформацию изменение в системе управления российскими университетами, которое «привело к воспроизводству традиционной организации академических кругов европейских университетов»[91]. Высшим органом управления вуза становилось правление, назначаемое наркомом просвещения. Председатель правления получил наименование ректора вуза. Внутри Наркомата просвещения для контроля за деятельностью вузов был образован Главный комитет профессионально-технического образования. Администрирование всех студенческих вопросов становилось функцией Студенческого совета — выборного органа студенческого самоуправления. В то же время, ответственность за международное сотрудничество (организацию обменов, закупку зарубежных научных изданий и т.д.) сохранялась за администрацией учреждения.

---

[91] Бугаенко П.А. А.В. Луначарский и литературное движение 1920-х годов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1967. С. 95.

Важным демократизирующим шагом Комиссии стала отмена традиционной академической иерархии. Вместо нее вводилась единая преподавательская должность, а всем сотрудникам присваивалось равное звание профессора.[92].

Основой преобразований послужила «с использованием прогрессивного примера академической демократии американского высшего образования»[93]. Однако большевики существенно дополнили это правило, придав ему интернациональный характер. Иностранные ученые получали равные права с российскими профессорами и освобождались от необходимости предоставления дополнительных документов или прохождения особых процедур при трудоустройстве в советских университетах. Необходимость данного шага подчеркивал А. Рыков в обращении «О перспективах нашего развития» к Политбюро: «Ученые за рубежом очень заинтересованы в сотрудничестве с нашими исследователями, и это важная связь с промышленно развитым Западом, которая нам необходима, чтобы развивать торговые и экономические отношения с иностранными державами, выгодные СССР»[94].

Важным шагом на пути формирования новой системы подготовки кадров для высшей школы стало учреждение институтов по подготовке красной профессуры, которые были утверждены согласно Декрету СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г.[95] Два института были открыты в Петрограде и Москве. Кадровый состав данных учебных заведений включал 100 специалистов — для Петрограда и 200 — для Москвы. Организация данных институтов была отнесена к компетенции Наркомпроса.

---

[92] Декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789.

[93] Graham L. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 93.

[94] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 81. Оп. 3. Д. 19.

[95] Декрет Совета Народных Комиссаров от 11 февраля 1921 г. «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 12. С. 72.

Важным шагом на пути построения советской системы высшего образования стало расширение представительства общественных наук в цикле образовательных вузовских дисциплин, позволяющих органично интегрировать базовые идеологические постулаты в дидактический процесс. Для этого соответствующим Декретом СНК РСФСР[96] был принят план организации факультетов общественных наук в вузах с учетом их подразделения на экономические, правовые и общественно-педагогические отделения. Упразднялись исторические и филологические подразделения. Вводилась система контроля по основным отраслям общественного знания.

Идеологизация учебной программы в высшей школе предполагала необходимость внедрения базовых дисциплин, освещавших наиболее значимые мировые социально-политические вопросы с позиций марксизма-ленинизма. 4 марта 1921 г. был утвержден общий научный минимум[97], преподаваемых в высших учебных заведениях дисциплин. Предполагалось, что наряду с циклом естественно-научных дисциплин будут присутствовать в куррикулуме вузов такие учебные предметы, как исторический материализм, теория пролетарской революции, развитие общественных форм, а также изучение Плана Государственной комиссии по электрификации России.

Новые задачи были поставлены и перед национальными академическими кругами. Перед советской системой высшего образования поставили задачу стать массовой и политехнической, подготовив за пятилетку вдвое больше специалистов — преимущественно инженеров и технологов. Эта срочность и необходимость объяснялась политикой «большого скачка». Для её реализации планировалось практически удвоить количество высших учебных заведений, а также увеличить число политехнических институтов почти в пять раз. Значительно увеличилось и число научно-исследовательских учреждений: к концу первой пятилетки в СССР

[96] Постановление СНК РСФСР о плане организации факультетов общественных наук российских университетов // Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля — 31 марта 1921 г. М.: Политиздат, 1989. С. 128–132.

[97] Постановление СНК РСФСР об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших учебных заведениях РСФСР // Правда. 1921. № 54. 11 марта.

насчитывалось более 1500 научно-исследовательских учреждений. Стоит отметить, что треть из них были экспериментальными подразделениями высших учебных заведений, например, лаборатории и центры или учебными заведениями Всесоюзной академии наук[98].

Политическое руководство СССР потребовало, чтобы советское высшее образование стало лучшей «производственной линией для профессиональной рабочей силы» всего за десятилетие. В центре внимания советской академической реформы было превращение едва формирующейся национальной системы образования в «кузницу кадров», поставляющую высококвалифицированные кадры во все отрасли экономической и социальной практики.

Значимым актом в сфере высшего образования стало принятие 2 сентября 1921 г. Декрета о высших учебных заведениях РСФСР[99], технико-юридическая структура которого описывала базовые разделы регламентации системы высшей школы. К ним относились общие положения о высшем образовании и вопросы управления высшей школой. Документ закреплял генеральное целевое предназначение системы высшего образования, в качестве которого рассматривались необходимость подготовки специалистов и научных работников в различных отраслях советского хозяйства и науки, а также распространение научного знания среди широких народных масс.

Вслед за этим перед руководством страны встал вопрос об организации работы кадрового состава высших учебных заведений в РСФСР. 26 ноября 1921 г. было принято соответствующее постановление Наркомпроса просвещения[100], которым регламентировалась деятельность научных работников вузов. Статус научных работников приобретали все лица, осуществлявшие в вузах какую-либо

---

[98] Johnson M. Rethinking International Assistance for the Institutional and Professional Development of Post-Soviet Higher Education. Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe. 1998. № 16 (2). P. 67.

[99] Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. М., 1944. С. 803–809.

[100] Постановление Наркомпроса РСФСР от 26 ноября 1921 г. «Положение о научных работниках Высших Учебных Заведений» // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 695.

научную работу. Их должностное разделение производилось на профессоров, преподавателей и научных работников. Вводились понятия о штатных и сверхштатных преподавателях, при этом последние были лишены права участвовать в управлении внутренними делами факультетов. Замещение вакантных должностей в высшей школе производилось с ведома уполномоченного органа власти, в качестве которого выступал Государственный ученый совет, организующий конкурсный процесс для зачисления новых преподавателей в штат.

Новое Положение о высших учебных заведениях, утвержденное 3 июля 1922 г.[101], способствовало структурному реформированию системы высшей школы. Данный нормативный правовой акт подтвердил прежние положения советского законодательства о всеобщем доступе к высшему образованию, закрепив возрастной ценз в 16 лет. Кадровый состав высших учебных заведений делился на профессоров, преподавателей и научных сотрудников, численность которых утверждалась самим вузом. Структура вуза предполагала деление на факультеты, численность которых определялась Наркомпросом. Предполагалось наличие в каждом вузе рабфака, ориентированного на академическое образование для пролетариата. В составе Наркомпроса выделялся Главный комитет профессионально-технического образования, к компетенции которого были отнесены вопросы организационно-штатного управления вузами. Для организации внутреннего управления вуза в его составе образовывался Президиум факультетов, подчинявшийся Правлению вуза. Для регулирования вопросов преподавания отдельных дисциплин были созданы Предметные комиссии, подчинявшиеся Президиуму факультета. Совет факультета возглавлял декан.

Новая система приема отменила стандартные вступительные требования. Ее суть заключалась в абсолютной доступности высшего образования для всех, независимо от социального, имущественного, культурного или этнического бэкграунда. Привилегии при зачислении отсутствовали, вступительные экзамены

[101] Декрет СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о Высших Учебных Заведениях» // СУ РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518.

не проводились, а документы об образовании, языке, культуре или гражданстве не требовались.

Стать студентом российского вуза мог любой человек, проживающий в СССР или за границей, из сельской или городской местности, мужского или женского пола, трудоустроенный или нет, включая представителей нацменьшинств. Равенство возможностей при поступлении реализовывалось через простую подачу заявления. Высшее образование в Советской России объявлялось полностью бесплатным, отменялась любая плата за обучение. Это правило действовало и для иностранных студентов в советских вузах. Все учащиеся также обеспечивались жильем в общежитиях и получали государственные стипендии.

В 1922 г. состоялось согласование и утверждение Договора об образовании СССР[102], который ознаменовал новый этап развития Советского государства и территориальное расширение системы советской высшей школы.

Организация учебного процесса в советской высшей школе требовала также регламентации вопросов практической подготовки студентов. Для этого 22 мая 1923 г. был принят декрет, устанавливающий порядок прохождения практики студентами и оканчивающими высшие учебные заведения[103]. На государственные и общественные предприятия возлагалась обязанность принимать на работу студентов высших технических и сельскохозяйственных, а также медицинских и общественных вузов с оплатой работы практикантов. Распределение студентов на практику осуществлял Наркомпрос с соответствующим уведомлением предприятия.

Отдельным декретом СНК РСФСР возложил на студентов вузов обязанность по возмещению расходов, понесенных государством в период их обучения в высшей школе, в том числе, включая расходы по выплате государственных

---

[102] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. 1960. С. 18.

[103] Декрет СНК РСФСР о порядке прохождения практики студентами и оканчивающими высшие учебные заведения от 22 мая 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 49. Ст. 484.

стипендий[104]. Для компенсации этих расходов устанавливался обязательный срок отработки в государственных предприятиях и учреждениях[105]. Обеспечение отработки обязательного срока путем предоставления соответствующих рабочих мест возлагалось на Наркомтруд. Следует отметить, что стипендиальная поддержка студентов была установлена Декретом СНК РСФСР от 6 ноября 1924 г.[106] Стипендиальные фонды формировались из сметных ассигнований, целевых сборов и отчислений из промышленности. Стипендия имела денежную форму.

Уже в 1926 г. был принят декрет СНК РСФСР, устанавливающий обязанности стипендиатов полностью отрабатывать средства, затраченные государством на выплату стипендии[107]. Выпускники вузов отправлялись в местности, нуждающиеся в квалифицированной рабочей силе. Временной период отработки был эквивалентен периоду обучения — один год работы за один год стипендиальной поддержки.

Декретом СНК РСФСР от 21 января 1924 г. в административное законодательство было введено понятие «учено-учебной службы» и «научно-учебной службы» (без закрепления легальной дефиниции)[108]. В соответствии с данным нормативным правовым актом зачисление на должность научного работника осуществлялось на конкурсной основе при наличии рекомендаций и представлений предметных комиссий. Для штатных должностей профессора, преподавателя и научного сотрудника были предусмотрены перевыборы по истечении установленного декретом срока. Устанавливалась возможность перевода научных сотрудников в другие вузы, закреплялись положения об

---

[104] Декрет СНК РСФСР от 4 июля 1923 г. «О возмещении личным трудом государственных стипендиатов студентов высших учебных заведений расходов, понесенных государством на их содержание» // СУ РСФСР. 1923. № 66. Ст. 643.

[105] Черных Е.А., Шамсумова Э.Ф. Правовое регулирование высшего образования в СССР и РСФСР (сравнительно-правовой анализ) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2014. С.278

[106] Декрет СНК РСФСР о государственных стипендиях для студентов высших учебных заведений и рабочих факультетов от 6 ноября 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 85. Ст. 869.

[107] Декрет СНК РСФСР о порядке возмещения расходов, понесенных государством на содержание студентов-стипендиатов от 24 марта 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 16. Ст. 132.

[108] Декрет СНК РСФСР от 21 января 1924 г. «Положение о научных работниках высших учебных заведений» // СУ РСФСР. 1924 № 7. Ст. 44.

отпусках и командировках. Также была установлена пожизненная пенсия для штатных профессоров и преподавателей для окончании срока службы в 25 лет при достижении 65-летнего возраста. При наступлении случая утраты трудоспособности или смерти устанавливалось право на получение государственного пенсионного обеспечения для членов семьи научного сотрудника.

Положение о рабочих факультетах от 18 февраля 1924 г. создало административно-правовую основу для привлечения к образовательному процессу в высшей школе кадров пролетарского происхождения[109]. В структуре советских вузов отныне организовывались рабфаки дневного и вечернего типов. Рабфаки создавались с техническим и естественно-научным уклоном. Возрастной ценз для поступления на рабфак устанавливался в 18 лет. Структурно управление рабфаком было практически идентично организации управления обычными факультетами вузов. Административно-правовое регулирование кадровых вопросов и штата преподавателей рабфаков осуществлялось на основании Декрета СНК РСФСР от 28 июня 1924 г.[110]

3 июля 1925 г. Декретом СНК РСФСР были внесены отдельные изменения в Положение о высших учебных заведениях[111]. Возрастной ценз для студентов был поднят до 17 лет. Организационные вопросы отдельных факультетов вузов были переданы в компетенцию деканов. Деканат факультетов обрастал контрольными полномочиями в отношении предметных комиссий и становился значимым звеном административно-правового управления вузом. Окончание высшего учебного заведения связывалось с выполнением учебного плана, наличием практического стажа и защитой квалификационной работы (проекта). Декретом от 8 июля 1925 г.

---

[109] Декрет СНК РСФСР от 18 февраля 1924 г. «Положение о рабочих факультетах» // СУ РСФСР. 1924. № 19. Ст. 190.

[110] Декрет СНК РСФСР от 28 июня 1924 г. «Положение о преподавателях рабочих факультетов» // СУ РСФСР. 1924. № 57. Ст. 567.

[111] Декрет СНК РСФСР об изменении некоторых статей Положения о высших учебных заведениях от 3 июля 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 2. Ст. 15.

устанавливались организационные основы деятельности квалификационных комиссий, организуемых при вузах[112].

В 1925 г. перед руководством Советского государства стал вопрос о материально-техническом обеспечении достаточного уровня учебно-образовательного процесса в высшей школе. Стало очевидно, что поддержание высокого уровня подготовки квалифицированных кадров невозможно без соответствующего учебного оборудования. В связи с этим 11 декабря 1925 г. СНК РСФСР издал Декрет[113], предписывающий Наркомпросу обеспечить соответствующий уровень научно-технического обеспечения учебного процесса, учет при районировании связей вузов с промышленными центрами производства. Открытие новых вузов отныне должно было осуществляться с учетом характера промышленного развития территории в целях стимулирования научной и производственной деятельности[114].

К концу 1920-х гг. перед Советским государством встала задача масштабного реформирования системы высшего образования. 23 июля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР о реорганизации вузов, техникумов и рабфаков[115], направленное на обеспечение учебно-методического единства высшей школы и усиление марксистко-ленинского начала в образовательном процессе. Многофакультетные вузы реорганизовывались в отраслевые вузы и техникумы, что было важно для обеспечения индустриального развития страны. В связи с чем технические учебные заведения передавались в ведение соответствующих отраслевых хозяйственных объединений[116]. Образование и промышленный сектор

---

[112] Декрет СНК РСФСР от 8 июля 1925 г. о государственных квалификационных комиссиях при высших учебных заведениях // СУ РСФСР. 1925. № 22. Ст. 162.
[113] Декрет СНК РСФСР о поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения от 11 декабря 1925 г. // СУ РСФСР. 1926. № 3. Ст. 6.
[114] Вавилов С.И. Тридцать лет Советской науке. М.: Правда, 1947. С. 19.
[115] Постановление СНК СССР от 30 июля 1930 г. № 238 «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» // Сборник постановлений и распоряжений ЦИК и СНК Союза ССР и список учебных заведений. Материалы по реорганизации вузов, втузов, техникумов и рабфаков СССР. 1930.
[116]Черных Е.А., Шамсумова Э.Ф. Правовое регулирование высшего образования в СССР и РСФСР (сравнительно-правовой анализ) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2014. С.259-322.

Советского Союза объединялись для обеспечения промышленного рывка советской экономики. Большое значение приобретали отраслевой характер высшего образования и его подчиненность конкретному ведомству. Так, например, Наркомюст принимал участие в подготовке специалистов на факультетах советского права[117].

Фактическим итогом развития новой административно-правовой системы управления высшей школой в СССР стала ее подчиненность партийно-государственному аппарату. Таким образом, была упразднена автономия университетов. За высшей школой была установлена система идеологического контроля.

Подводя итоги, следует констатировать, что в первые годы своего существования Советское государство на правотворческом уровне пыталось решить проблему построения принципиально новой системы организации высшего образования в стране. Базовые акты административно-правового регулирования в сфере высшего образования были направлены на практическое воплощение всеобщности и доступности обучения в вузах, демократизацию образовательного процесса в высшей школе и целевое ориентирование подготовки беднейших слоев общества как будущих специалистов советского хозяйства и науки. Выстроенная первыми актами административно-правового регулирования система высшего образования фактически упраздняла какую-либо самостоятельность университетов, вводила строгий контроль за образовательным процессом со стороны уполномоченных органов государственной власти.

## 1.3. Особенности административно-правового регулирования высшего образования на региональном уровне

[117] Hechinger F.M. Education: Triumphs and Doubts // In H.E. Salisbury (Ed.), The Soviet Union: The Fifty Years. New York, NY: Harcourt, Brace & World, 1967. P. 135.

Центр-периферийная модель развития Советского государства предполагала высокую концентрацию полномочий в административной столице федеративного государства с последующим перераспределением властных полномочий по управлению сферой высшего образования на местный уровень. Организация системы народных комиссариатов предполагала создание и автономное функционирование соответствующих ведомств в союзных республиках. Профильными ведомствами, управляющими сферой образования, стал Наркомпрос РСФСР[118] и аналогичные ведомства, созданные в других республиках. В их компетенцию входили вопросы организации образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности.

Республики, вошедшие в состав СССР, обладали разветвленным аппаратом органов государственной власти, который позволял организовывать процесс получения высшего образования на местах с учетом их исключительной компетенции. Наряду с Наркомпросом существенное влияние на развитие образовательной системы Советского государства оказывал Народный комиссариат национальностей РСФСР, который первоначально возглавил И.В. Сталин[119]. Создавались и профильные наркоматы по делам отдельных национальностей. Их компетенция в части, сопряженной с вопросами образования, сводилась к культурному и духовному развитию наций с учетом специфики их бытового и этнического своеобразия.

Система административно-правового управления в сфере высшего образования на первоначальном этапе становления Советского государства фактически присваивала высшим органам государственной власти — Всероссийским съездам Советов, ВЦИК и СНК — функции одновременно и республиканского управления (как органов РСФСР), и общефедерального

[118] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 мая 1930 г. «Об изменении ст. 20 Положения о Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 26. Ст. 347.
[119] Постановление ВЦИК от 7 июля 1923 г. «О народном комиссариате по делам национальностей» // СУ РСФСР. 1923. № 107. Ст. 1033.

управления, в полномочия которых входили вопросы организации образовательных систем на местах[120].

Довольно быстро советская власть приняла во внимание замечание В.И. Ленина о недопустимости распространения опыта Центральной России на периферийные окраины, для чего было принято положение о необходимости подтверждения союзными республиками законодательства, принятого в РСФСР[121]. Созданная система согласования федеральных законодательных актов с республиканскими органами власти, фактически ставшая обязательной с 1922 г., предоставила союзным республикам право существенным образом трансформировать принимаемые нормативные предписания под особенности местного культурного и этнического развития[122].

Среднеазиатские республики пользовались существенно большей автономией в организации процесса получения высшего образования, вероятно, из-за своей этнорелигиозной специфики. Деятельность городских и уездных отделов народного образования, урегулированная положениями Декрета СНК РСФСР от 26 июня 1918 г.[123], подчинялась принципам инклюзивности и отбора в управляющие структуры представителей этнических меньшинств.

В задачи Совета национальностей при ЦИК СССР входили вопросы рассмотрения всех проектов декретов, постановлений по вопросам образования, поступавшие от Президиума ЦИК, СНК СССР и ЦИК союзных республик. Через данный орган государственной власти осуществлялся обмен опытом республик, входящих в состав СССР, а также проводилась организация выездных сессий ЦИК СССР на местах. В случае создания отдельных высших учебных заведений принимался соответствующий общесоюзный нормативный правовой акт в сфере народного образования. Наиболее уязвимым статусом обладали автономные республики, чье положение не было детально регламентировано на уровне

[120] Harper S. Civic Training in Soviet Russia. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1929. P. 13.
[121] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1957. С. 120.
[122] Раджабов С.А. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1917. С. 421.
[123] Декрет СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 46. Ст. 551.

общесоюзного законодательства, из чего возникла неопределенность в организации учреждений высшего образования в автономных республиках: присутствовали заметные разногласия и разночтения в образовательной политике и организации учебных программ у местных наркомпросов. Обыкновенно местные органы власти пытались добиться некоторой автономии от общесоюзных органов власти путем адаптации нормативных правовых актов об образовании к местным условиям. Обычно это осуществлялось через ЦИК конкретной союзной республики. Иногда ЦИК союзной республики не разделял мнение местного наркомпроса, но в случае согласия существовала возможность приостановления действия нормативного правового акта центрального наркомпроса с последующей передачей спора в Президиум ВЦИК.

На II Всесоюзном совещании наркомов просвещения был поставлен значимый вопрос об организации информационной связи между центральным Наркомпросом и наркомпросами союзных республик[124]. Необходимость укрепления данных связей в целом не вызывала сомнений, но для этого требовалось создание нового совещательного органа на уровне СССР, полномочия которого распространялись бы на сферу народного образования. В целом общей задачей государственной политики в области высшего образования на тот момент было выравнивание существующих образовательных стандартов, принятых на общесоюзном уровне, с соответствующими стандартами местного уровня (IV Совещание наркомов просвещения 27–31 октября 1924 г.).

Общий тренд расширения полномочий союзных республик в сфере высшего образования стал намечаться уже к середине 1920-х гг. Были созданы возможности для взаимопомощи республик, в результате чего РСФСР теряла монопольный статус «вспомогающей» республики. Значительному усилению подвергалась роль инспекционных подразделений наркомпросов в союзных республиках.

---

[124] Из материалов совещания наркомов просвещения союзных и автономных республик. Из протокола № 4. 3 декабря 1923 г. // ЦГА РСФСР. Ф. 2313. Оп. 1. д. 82. Л. 568–569.

Система высшего образования среднеазиатских республик также не была свободна от проблем. Благодаря мактабам и медресе, финансируемым местными общинами, широкой общественности предоставлялись разумные возможности для бесплатного образования, и в этом смысле удовлетворялась минимальная потребность общества в интеллектуальных умах. Талантливые люди имели возможность реализовать свой потенциал при ограниченной восходящей социальной мобильности, обеспечиваемой в остальном жестким обществом.

Суть конфликта, также распространенного в других республиках СССР, заключалась в том, что, хотя ВКП(б) обладала политической властью в ключевых областях социальной и экономической жизни, на низовом уровне ей приходилось слишком полагаться на местных управленцев, которые не всегда разделяли коммунистическое видение и идеологию, фактически сопротивляясь реформам, проводимым коммунистами. К концу 1920-х гг. аппарат Коммунистической партии завершил процесс «освобождения» страны из рук беспартийных специалистов и заменил их недавно созданным классом «красных экспертов», которые к тому времени приобрели соответствующую техническую подготовку и навыки, чтобы самостоятельно решать проблемы экономики[125].

Например, к 1924–1925 гг., когда официально была образована Узбекская ССР, там насчитывались 981 начальная и средняя школа примерно с 75 000 учащихся, 23 колледжа, 8 профессионально-промышленных училищ и 8 промышленных училищ. Новые высшие учебные заведения также создали исследовательские центры во всех областях, и со временем число людей, выбирающих научные исследования в качестве карьеры, значительно возросло. Прослойка интеллигенции в Узбекистане составляла 210 000 специалистов, из которых 50,8% были заняты в сфере образования и научных исследований, в то время как 23,2% работали в секторе здравоохранения[126]. Таким образом, путем

[125] Цамерян И.П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М.: Наука, 1973. С. 22.
[126] Shore M. Soviet Education: Its Psychology and Philosophy. New York, NY: Philosophical Library, Inc, 1947. P. 135.

секуляризации местного населения, которое на протяжении многих веков жило в соответствии с исламскими принципами и обычаями,

Высшее образование рассматривалось советской властью в качестве компонента общей системы распространения пролетарской культуры среди этнических меньшинств. После революции 1917 г. активно продвигалась идея так называемого Рабочего университета — системы программ, построенной на сотрудничестве между преподавателями и студентами и ведущим пролетариатом, направленной на овладение высшими достижениями науки[127]. Сторонники этой идеи, включая заместителя наркома просвещения РСФСР М.Н. Покровского, активно поддерживали местные инициативы по созданию «пролетарских университетов» в различных городах, даже в тех, где не существовало никаких традиций высшего образования. Они настаивали на открытом приеме в вузы и широкой учебной программе. В результате этой политики к 1921 г. число вузов достигло 278, что в три раза больше, чем в 1914 г.[128]

Эта группа новых университетов просуществовала недолго. Руководство Коммунистической партии не одобряло массовые движения и не считало нерегулируемое распространение знаний важным для «построения социалистического общества». В результате данные университеты начали закрывать или преобразовывать в другие виды учебных заведений. Студенты и профессора «Рабочих университетов» протестовали, поскольку считали, что такие университеты должны существовать как «лаборатории новых форм», но их голоса не были услышаны[129].

Еще одним подходом в деле организации системы высшего образования стал концепт партийного образования, предполагавший подготовку кадров для нужд ВКП(б). Первый Коммунистический университет имени Свердлова был основан в

---

[127] Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 54.
[128] Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 48.
[129] Konechny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal: McGrill-Queens University Press, 1999. P. 52.

1919 г. в Москве на основе нескольких небольших высших учебных заведений, предназначенных для подготовки партийных кадров. Опыт этого университета получил высокую оценку. На X Съезде партии в 1921 г. было принято решение о создании обширной сети советских коммунистических высших учебных заведений в каждом регионе, включая коммунистические университеты в крупных городах.

Это был прототип советской системы высшего образования — централизованно контролируемой (Центральным комитетом партии) иерархической системы организаций нескольких типов со стандартизированной учебной программой и правилами для каждого типа. Прием в эти университеты был ограничен теми, кто получил рекомендацию от местного партийного комитета (Устав ВКП(б) 1926 г.)[130]. В рамках этой системы обучения также был опробован механизм обязательного трудоустройства. Система имела свои интеллектуальные центры: Институт макрсизма-ленинизма и Институт красной профессуры[131]. Эти учреждения осуществляли контроль за качеством образования и готовили преподавателей для партийной системы высшего образования. Появление данной партийной системы привело к двойственности высшего образования, как в политическом плане, так и в общественном восприятии, поскольку партия создала большевистские аналоги академий, научно-исследовательских институтов, университетов и средних школ. Партийные школы были более марксистские, более коммунистические и более пролетарские, чем старые институты. Предполагалось создание разветвленной системы филиалов партийных институтов в союзных республиках со штаб-квартирой в Москве.

Важно подчеркнуть, что один особый тип этих высших учебных заведений был разработан для обслуживания «этнических» регионов для подготовки местных политических лидеров. В 1921 г. в Москве были созданы два коммунистических университета: Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В.

---

[130] Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) от 17 июня 1926 г. // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1935). Ч. II. 1925–1935. М., 1936. С. 83–92.

[131] Декрет СНК РСФСР «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры» от 11 февраля 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 12. С. 72.

Сталина[132] и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Ю. Мархлевского (КУНМЗ)[133], обучение в которых должны были проходить активные работники зарубежных коммунистических партий на Востоке и Западе. После образования Советского Союза данная система распространялась на все советские республики. К 1930 г. в Советском Союзе насчитывалось 45 коммунистических университетов[134].

Сеть высших учебных заведений, аналогичная по структуре и даже более обширная по своему охвату на территории СССР, также появилась и в военном секторе. Старые военные учебные учреждения такие как колледжи и академии закрывались. Первая советская военная академия — Военная орденов Ленина и Октябрьской Революции, Краснознаменная, ордена Суворова академия имени М.В. Фрунзе — была создана в 1918 г. К 1920 г. система высшего образования при Министерстве обороны включала в себя артиллерийские, военно-морские, военно-медицинские и военно-политические академии. К 1980 г. в СССР насчитывалось 164 высших военных учебных заведения, охватывавших собой всю территорию страны, включая и приграничные области. Это составляло значительный сектор высшего образования — около 15% всей системы.

Третий подход к развитию новой системы высшего образования на местах был аналогичен второму, но преследовал совершенно иную цель. Руководители молодого Советского государства признавали, что им нужны подготовленные специалисты для государственной экономики. Главным принципом политики высшего образования начала 1920-х гг. было строгое подчинение всех других возможных функций образования экономической функции. Перед Наркомпросом уже не стояла задача по стимулированию общего развития личности и достижению психологической трансформации масс.

---

[132] Декрет ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. 5 мая. № 36.
[133] Декрет СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. // Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. Путеводитель. Т. 3. С. 203–205.
[134] Kline G. Soviet Education. NY : Columbia University Press, 1957. P. 27.

Профилизация высшего образования под нужды экономики способствовала росту региональных вузов за счет переориентации на территориально-промышленные потребности Советского государства. В значительной степени была сведена к минимуму попытка добиться значительных социальных изменений путем резкого расширения возможностей получения образования для рабочей молодежи. Эта идея полностью соответствовала доминирующей идеологии плановой экономики и социальной инженерии.

Идея, лежащая в основе этого нового подхода, была четко изложена первым министром образования: «Мы не будем рассматривать желание или заявление: “Я хочу быть строителем, а вы делаете из меня химика”; мы скажем: “Здесь необходимо делать то, что делает Красная Армия”; она направляет на специализированную работу тех, кого считает нужным направить, а не по индивидуальному желанию»[135]. Военная аналогия отражает встроенные механизмы принуждения в системе высшего образования, включая набор студентов и их трудоустройство. Интересно, что эта ориентация на профессию несколько противоречила марксистскому взгляду на то, что узкая специализация оказывает дегуманизирующее воздействие и отражает капиталистическое разделение труда. Это привело теоретиков российского образования к идее политехнического образования, которое подразумевает сочетание разнообразных практических навыков и теоретической основы для них. Это можно было бы назвать профессиональной ориентацией, однако это специализированная практическая ориентация. Данный подход способствовал расширению сети образовательных центров в регионах СССР[136].

Дискуссия в руководстве партии завершилась практическим решением — использовать существующую сеть местных вузов в качестве основы для будущей отраслевой системы, сохраняя при этом жесткий политический контроль над ними. Это решение, поддержанное Лениным, сильно повлияло на территориальный

[135] Луначарский А.В. Исследования и материалы. М.: Наука, 1978. С. 75.
[136] Чугунов Т.К. Народное образование в Советском Союзе и в России. Мюнхен, 1960. С. 18.

ландшафт будущей системы высшего образования. Вместо того чтобы строить всю систему как «проект с нуля», советское правительство решило начать систему с социалистического преобразования существующих местных университетов. Это определило зависимость от пути внутри системы и придало дополнительный престиж (и повлияло на вертикальную дифференциацию) «старым имперским» институтам[137].

Для административно-правовой системы молодого Советского государства существовала объективная потребность разграничения двух управленческих функций, единства государственного руководства конкретной отраслью на общефедеративном уровне и государственного управления соответствующей отраслью на уровне каждой отдельной федеративной единицы. Для обеспечения задачи разделения данных функций в каждой из союзных республик создавался свой собственный наркомпрос[138]. Так, в рамках Закавказской федерации был создан не единый Наркомпрос, а три отдельных ведомства — соответственно для Армении, Азербайджана и Грузии[139]. В УССР эта сфера государственного управления находилась в ведении специальных комитетов по науке. Данные различия отражали национальную специфику каждой отдельной союзной республики как федеративной единицы[140].

Функции и компетенция Народного комиссариата просвещения Украинской ССР еще в 1922 г. были определены Украинским кодексом народного просвещения, состоявшим из 767 статей[141]. В кодексе подробно регламентировались компетенция и структура украинского Наркомпроса, аналогичные Наркомпросу РСФСР. В нем были такие же органы, а именно Главное

---

[137] Korol A. Soviet Education for Science and Technology. Cambridge: MIT Press, 1957. P. 28.
[138] Постановление ВЦИК от 15 октября 1924 г. «О мероприятиях по народному просвещению» // Известия НКТ СССР. 1925. № 27–28.
[139] Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «О Народном Комиссариате по Просвещению (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 78.
[140] Хоменко Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве (октябрь 1917 — конец 1920-х годов): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2006. С. 123.
[141] Кодекс законов о народном просвещении УССР 1922 г. // СУ Украины. 1922. № 49. Ст. 729.

управление социалистического воспитания, Главное управление профессионального образования, Главное управление политического просвещения, Государственное издательство, Совет по национальным меньшинствам, основанные на началах коллегиальности. В рамках украинского Наркомпроса была создана Центральная инспектура Наркомпроса.

В Туркменистане был создан Наркомпрос[142] по аналогии со структурной организацией Наркомпроса РСФСР, но в его структуре не было Главного ученого совета, так как на момент его создания там не было учреждений высшего образования.

Что же касается автономных республик, входящих в состав РСФСР, то их положение было наиболее уязвимым с административно-правовой точки зрения. Их полномочия не были конкретизированы на первых порах, а также наблюдались разночтения в составлении учебных программ и административной политике местных народных комиссариатов просвещения. В случае несогласия с политическими решениями общесоюзного центра местные наркомпросы добивались собственных решений через ЦИКи. Таким образом, через партийные структуры республика могла приостановить предписание центрального наркомата, и конфликт переносился в Президиум ВЦИК[143].

Наиболее важным связующим звеном между университетами и промышленностью, связывающим воедино различные территории государства, было обязательное трудоустройство выпускников[144], что регулировалось планированием потребностей в кадрах с помощью списка специальностей. Почти каждое отраслевое министерство в Советском Союзе и его республиках имело свои

---

[142] Положение о Туркестанской Советской Федеративной Республике от 30 апреля 1918 г. // Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 25.

[143] Хоменко Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве (октябрь 1917 — конец 1920-х годов): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2006. С. 124.

[144] Декрет СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «Об откомандировании студентов высших технических учебных заведений для летней практики» // Известия ВЦИК РСФСР. 17 июня 1920 г.

собственные специализированные вузы[145]. Так, например, Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева являлась вузом Наркомзема СССР. Эти вузы отражали обширный перечень узко определенных профессий в различных отраслях советской экономики. Промышленные университеты (университетские заводы) были важным элементом советской системы, готовя студентов не только к определенной роли в промышленности, но и к определенной роли на конкретном заводе в конкретной местности.

Очевидно, что такая сложная «машина» могла работать только в очень жесткой модели управления. Институциональная автономия республик была излишней в этом «совершенном» механизме. Положение о высшей школе в СССР было образцовым в своем полном отрицании автономии и подчинении университетской администрации центральному правительственному аппарату[146].

Желание наладить еще более тесные связи между центром и периферией государства привело к изобретению высшего учебного заведения нового типа — Завод-втуз («заводской университет»[147]). Существенными особенностями этого типа вуза являлись организационная интеграция высшего учебного заведения в конкретное местное предприятие и включение практической работы студентов на этом предприятии в обязательную учебную программу. В конце 1920-х гг. постановление Центрального комитета повысило статус обучения на производстве, позволив предприятиям присваивать звание «Завод-втуз» и присуждать ученые степени и дипломы. Для теоретиков коммунизма, которые хотели видеть слияние образования и производства, признание Завода-втуза стало важной вехой на пути к социализму. Однако эта радикальная модель не получила широкого

---

[145] Graham L. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union. New York, NY: Columbia Univiversity Press, 1987. P. 41.

[146] Беспалов В.В. Проблемы становления государственного и военного управления в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 — 1922 гг.) // Социология образования. 2011. № 5. С. 29.

[147] Декрет СНК РСФСР от 14 января 1921 г. «О срочном выпуске специалистов» // СУ РСФСР. 1921. № 20. Ст. 111.

распространения, но повлияла на всю систему, подчеркнув роль практического опыта в высшем образовании[148].

В результате была разработана и внедрена жесткая и насыщенная система практической работы в рамках обязательной учебной программы. Предприятия были обязаны принимать студентов и руководить ими, что во многих случаях стало частью общего процесса планирования. Связи между вузами и предприятиями стали важной частью территориального ландшафта распространения высшего образования в советских республиках.

Основные изменения в этот период были в первую очередь вызваны экспериментами по созданию специализированных институтов и их отделению от крупных многопрофильных университетов, а также передачей этих институтов в ведение отраслевых министерств. Реализация такой образовательной политики, предполагающей крупномасштабную реорганизацию и пересмотр учебных программ, привела к созданию еще более сложной системы, включающей большое количество относительно небольших и узкоспециализированных учреждений на местах, в крупных региональных центрах[149].

Создание высших учебных заведений требовало учета территориального и производственного факторов при их размещении. Ключевой задачей вузов стало удовлетворение потребностей в высококвалифицированных кадрах на местах с учетом промышленного и производственного развития конкретной территории. Для этого открывались специализированные вузы (медицинские, педагогические, политехнические и прочие) на региональном уровне с учетом потребностей каждой отрасли экономики. Суть этих учреждений заключалась в удовлетворении кадровых потребностей конкретных секторов на региональном уровне. Специализированные университеты, такие как педагогические, медицинские институты, политехнические институты и так далее, были созданы в каждом

---

[148] Rosen S. Higher Education in the U.S.S.R: Curriculum, Schools, and Statistics. Washington, DC : US Government Printing Office, 1963. P. 74.

[149] Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988. С. 215.

регионе или группе регионов в соответствии с их экономическими и социальными потребностями[150].

Специализированный тип учреждений фактически был представлен региональными инфраструктурными вузами. Данные учреждения высшего образования учитывали в своей организации специфику рынка труда в союзных республиках. Отраслевые группы университетов включали очевидных лидеров, которые могли выступать образцом для открытых на местах региональных вузов. Инфраструктурные вузы, открываемые в региональных столицах, получали дополнительную поддержку, методическое и кадровое обеспечение со стороны иных государственных учреждений[151].

Специализированные промышленные вузы были сосредоточены на кадровом обеспечении конкретного сектора промышленности на национальном уровне. В эту группу учреждений входили специализированные университеты, связанные с советскими промышленными кластерами (например, университеты транспортного машиностроения или авиационные университеты в регионах), а также технические вузы, связанные с конкретными заводами или предприятиями[152].

Они были распределены между всесоюзными и республиканскими отраслевыми ведомствами. Их превосходство поддерживалось специальными функциями, связанными с другими университетами. Обычно эти «центральные» университеты обеспечивали контроль качества для аналогичных университетов; предоставляли обучение без отрыва от производства и концентрированные докторские программы не только для своих выпускников, но и для тех, кто закончил «специализированную» программу в другом университете. Выпускников этих программ часто отправляли обратно  в их альма-матер (кавычки не нужны), чтобы они стали профессорами. Эта система была хорошо структурирована: вузы

---

[150] Matthews M. Education in the Soviet Union. Policies and Institutions since Stalin. Sydney: George Allen & Unwin Ltd, 1982. P. 38.
[151] McClelland J. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917–1921. Slavic Review, 1971. № 30 (4). P. 822.
[152] Пистрак М. Как создавались программы ГУСа // Народное просвещение. 1927. № 10. С. 69.

второго уровня имели квоты на направление своих будущих профессоров в докторантуру.

Измерение вертикальной дифференциации было основано на престиже. Можно сказать, что существовали две иерархии престижа: общесоюзный и республиканский уровень. На союзном уровне некоторые университеты славились подготовкой политической или профессиональной элиты. Они пользовались особой поддержкой со стороны государства. Некоторые из них даже планировали свои вступительные экзамены раньше, чем в других университетах, чтобы те, кто не смог поступить в эти университеты, смог поступить в менее престижные учебные заведения. На республиканском уровне обычно более престижными были общеобразовательные университеты в республиканских столицах. Очень редко менее популярные университеты бросали вызов существующему положению вещей.

Наконец, стоит отметить еще одну важную особенность советского ландшафта высшего образования — территориальное (географическое) распределение. На этот аспект повлияли две идеи: доступ и близость к производственной площадке. Широкий доступ был одной из главных идей советского генерального плана с самого его зарождения. И был реализован через «нормы» развертывания региональных инфраструктурных вузов практически во всех регионах страны. Распределение советских высших учебных заведений в целом соответствовало распределению населения. В крупных этнических районах были университеты, как и во всех крупных городах СССР. В автономных республиках обычно были университеты, в то время как в автономных областях — только педагогические институты, а в автономных округах вообще не было высших учебных заведений[153].

Во многих городах с достаточным населением были свои собственные учебные заведения по подготовке учителей. В некоторых небольших городах,

[153] Pennar J., Bakalo, I., Bereday G. Modernization and Diversity in Soviet Education. New York, NY : Praeger Publishers, 1971. P. 19.

возникших вокруг одного крупного предприятия, были филиалы или сайты вечерних курсов, связанные со специализированными вузами, базирующимися в крупных городах. Например, в Новомосковске, построенном вокруг огромного химического завода, был филиал Московского химико-технического института, а в Старом Осколе, построенном вокруг металлургического завода, — филиал Московского института стали и сплавов[154].

Советская система высшего образования была жестко привязана к отраслевым наркоматам. Каждое ведомство получало под свое управление сеть профильных вузов, ключевая задача которых заключалась в точном выполнении кадровых запросов как текущих, так и перспективных пятилетних планов. Объем подготовки специалистов, их специализация и содержание образования напрямую диктовались потребностями конкретного Наркомата. Например, Наркомат тяжелой промышленности: управлял вузами, готовящими инженеров для ключевых отраслей – металлургов, машиностроителей, химиков-технологов, задания на подготовку кадров напрямую увязывались со строительством новых заводов-гигантов и освоением выпуска конкретных видов продукции, например, тракторов или специальных сталей; Наркомат путей сообщения: курировал транспортные институты (железнодорожные, речные), обеспечивая подготовку инженеров путей сообщения, механиков, специалистов по эксплуатации, чьи знания и навыки были критически важны для бесперебойной работы и развития транспортной сети страны. Все федеральные департаменты были построены в одном и том же режиме, охватывая все виды интеллектуального труда и профессиональные профессии[155].

Организация, финансирование и управление научными исследованиями осуществлялись по схожей схеме. Основная часть научной деятельности была вынесена за рамки высших учебных заведений и концентрировалась в региональных институтах Академии наук. Вследствие принципиально различных

---

[154] Pinkevich A.P. The New Education in the Soviet Republic. New York, NY : John Day Co, 1929. P. 11.

[155] Лукашова О.М. Советская страна в период восстановления народного хозяйства. Образование СССР. Переход к социалистической индустриализации (1921–1926). М.: Высшая партийная школа, 1957. С. 22.

задач, сферы высшего образования и науки были разделены организационно. Вузы занимались исключительно подготовкой специалистов, тогда как академические учреждения обеспечивали промышленность инновационными разработками: изобретениями, технологиями, машинами и оборудованием. Наиболее выдающиеся выпускники вузов, относимые к «высшим слоем государственных кадров», направлялись в научно-исследовательские институты и получали привилегию работать в «рядах советской народной интеллигенции»[156].

Академия наук являлась официальным государственным учреждением, ответственным за проведение академических исследований. Ее организационная структура копировала систему национального высшего образования: ключевые управленческие функции сосредотачивались на федеральном уровне во Всесоюзной академии. Эта центральная структура осуществляла руководство отраслевыми академиями, такими как академии медицинских, сельскохозяйственных, педагогических наук и других, созданными для конкретных сфер деятельности[157].

Из сообщества независимых мыслителей, открыто дискутировавших о методах и итогах науки, Академия наук превратилась в неотъемлемую часть государственного аппарата, верную власти и работающую на благо трудящихся. Подобная структура и идеологическая основа высшего образования не имели прямых аналогов в западных странах. Эта реформа стала ключевой вехой в истории российской академической науки, приведя к ее изоляции от мирового сообщества. Культура познания и творчества, присущая высшему образованию, уступила место милитаризованной системе профессиональной подготовки, исключавшей пространство для «непрактичных» научных дискуссий.

Таким образом, особенности административно-правового регулирования высшего образования на региональном уровне выражались прежде всего в

---

[156] Vucinich A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 29.

[157] Масленников В.А. Образование СССР и развитие советской формы социалистического государства. М.: МГУ, 1972. С. 51.

целеориентированной деятельности советского руководства по распространению системы высшего образования на периферийных территориях СССР. Это осуществлялось за счет территориальной экспансии столичных университетов, располагавших сетью филиалов на местах, а также создания специализированных вузов, отвечавших за подготовку рабочих кадров для нужд советской экономической системы. Территориальные академические институты сформировали национальную сеть подчиненных академических учреждений на местах. Формально советская Академия наук имела возможность вести международную деятельность, но фактически она осуществлялась в основном через департаменты федерального правительства — Всесоюзные комиссариаты, каждый из которых был связан со своим отделом.

Подводя итоги первой главы, необходимо сделать следующие выводы.

1. Начиная с 1917 года, большевистское руководство стремилось построить всеобъемлющую академическую систему, основанную на принципах марксизма и призванную осмыслить исторический опыт мировой цивилизации. Столь амбициозная задача позволила СССР заявить о себе как о первом государстве, не только сформулировавшем, но и реализовавшем целенаправленную политику интернационализма, где академическое международное сотрудничество занимало центральное место. Советское высшее образование имело очень четкую политическую цель для всемирной советизации и встретило новую мировую войну хорошо подготовленным к преобразованию глобальных академических кругов в универсальную систему советского образца в соответствии с приказами коммунистической партии.

2. Административное законодательство Советского государства о высшем образовании в 1917–1930 гг. было представлено широким перечнем разнообразных источников права, включавшим в себя и принципиально новые его формы, совокупность которых составила основу нового нарождающегося социалистического законодательства. На основании представленной авторской классификации актов в сфере высшего образования 1917–1930 гг. предложено

выделять: а) по определенности содержания — правовые акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера; б) по субъекту нормотворчества — акты уполномоченных органов публичного управления и партийные акты. Первоначальные акты административно-правового регулирования в сфере высшего образования РСФСР — СССР были направлены на воплощение всеобщности и доступности обучения в вузах, демократизации образовательного процесса в высшей школе и целевого ориентирования подготовки беднейших слоев общества как будущих специалистов советского хозяйства и науки.

3. Просветительские цели ранних большевиков сменились прагматической ориентацией на профессиональные навыки. Высшая школа в СССР стала государственным механизмом подготовки специалистов, структурированным под нужды экономики и обороны — требовались выпускники с практическими компетенциями для защиты и территориального развития государства. Организация системы административно-правового регулирования сферы высшего образования в 1917–1930 гг. была ориентирована на вовлечение периферийно-окраинных территорий Советского государства в единый общесоюзный процесс подготовки высококвалифицированных кадров, отвечающий актуальным задачам становления и форсированного развития экономики и общества нового типа.

# Глава 2. Практические аспекты реализации административной реформы системы высшего образования в 1917–1930 годах

## 2.1. Система государственного управления высшими учебными заведениями в 1917–1930 годах

Процесс становления и развития системы административно-правового регулирования советского высшего образования в 1917–1930 гг. был сопряжен с необходимостью выстраивания новой системы государственного управления данной сферой. Рассмотренные ранее административно-правовые акты в сфере высшего образования создали основу для построения системы государственных органов, чьей основной задачей стала реализация государственной политики СССР в сфере высшего образования. Вертикально ориентированная иерархия государственного управления предполагала выстраивание административной связки подчинения от высших органов государственной власти через ведомственные органы к каждому конкретному вузу и системе органов самоуправления внутри него.

Как известно из положений административно-правовой доктрины, органы государственной власти могут быть общей и специальной компетенции. Первые осуществляют государственное управление по широкому кругу вопросов, не ограничивая себя отдельной сферой или предметной компетенцией. Вторые осуществляют государственное управление в определенной сфере или отрасли, в рассматриваемом случае — в сфере высшего образования.

Учреждение соответствующим декретом[158] Совета народных комиссаров (СНК) в 1917 г. стало отправной точкой для становления данного органа государственной власти в качестве высшей правительственной инстанции страны. Несмотря на декларируемый большевиками в первоначальный период становления советской государственности отказ от принципа разделения властей и утверждение

[158] Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Об учреждении Совета Народных Комиссаров (СНК)» // СУ. 1917. № 1. Ст. 1.

СНК РСФСР в качестве непосредственного органа власти как такового, данную институцию можно рассматривать в качестве органа исполнительной власти, призванного заведовать отдельными отраслями государственной жизни. Аналогичные совнаркомы учреждались в последующем и на республиканском уровне по мере утверждения советской власти на территории всей страны. 6 июля 1923 г. был сформирован СНК СССР — фактически высший правительственный орган государства, создание которого было предусмотрено Договором об образовании СССР[159].

В составе СНК РСФСР было создано 13 наркоматов, среди которых центральное значение для сферы высшего образования имел Наркомпрос, во главе которого стал А.В. Луначарский. Справедливо заметить, что первоначально наркоматы сочетали в своей деятельности исполнительно-распорядительные и правотворческие функции, что имело для советской школы важнейшее значение в части, касающейся организации государственного управления данной сферой. Правовые акты Наркомпроса РСФСР (инструкции, постановления и деловая документация) служили делу организации системы управления высшим образованием в Советском государстве.

Совместным Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 9 (22) ноября 1917 г. была образована Государственная комиссия по народному просвещению. Согласно декрету, она не должна была управлять образовательными учреждениями, а призвана служить связующим звеном и оказывать содействие в организации общероссийской поддержки (материальной, идейной, моральной) муниципальным, частным и, прежде всего, трудовым и классовым просветительским организациям. [160].

В состав Комиссии входили председатель (нарком просвещения), секретарь Комиссии, 16 делегированных лиц (представители исполнительных комитетов

---

[159] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. 1960. С. 18.

[160] Декрет СНК РСФСР, Наркомпроса РСФСР «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» (утв. ВЦИК 09.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 32.

советов, а также профсоюзов, рабочих комитетов и культурно-просветительских организаций) и 15 заведующих отделами. В числе последних первостепенное значение для сферы высшей школы имели отделы автономных высших учебных заведений, министерских учебных заведений, научный отдел, отдел искусств, отдел технических школ и политехнического образования, а также отдел по подготовке преподавательского персонала[161].

Принятие Конституции РСФСР 1918 г.[162] способствовало изменению положения Наркомпроса в системе государственного управления сферой высшего образования. Количество наркоматов было увеличено до 17, каждый из которых обладал специальной компетенцией в управлении той или иной сферой государственной жизни. Система единоначалия, закрепленная в ст. 45 Конституции РСФСР, предоставляла наркому просвещения право единоличного принятия решений по всем вопросам, отнесенным к ведению Наркомпроса. Данный наркомат отвечал за свою работу перед СНК РСФСР и ВЦИК РСФСР (ст. 47 Конституции РСФСР). Таким образом, формировалась строго иерархическая система управления сферой высшего образования в Советском государстве. 29 января 1920 г. в составе Наркомпроса РСФСР было учреждено Главное управление профессионального образования (Главпрофобр)[163]. В круг его компетенций входили вопросы подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства. В его ведении были ФЗУ, профессиональные курсы, техникумы, рабфаки, вузы, а также курсы повышения квалификации рабочих.

Внутри Главпрофобра была образована коллегия, члены которой утверждались напрямую СНК РСФСР в составе пяти членов. Во главе коллегии

---

[161] Ашенова, Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг.: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01 / Т.М. Ашенова. Москва, 2015. С. 84.

[162] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[163] Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О преобразовании Секции профтехобразования в Главный комитет профтехобразования (Главпрофобр)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1943. С. 37–38.

находился председатель, которым был нарком просвещения. При Главном комитете был образован Совет профессионально-технического образования, под руководством председателя Главного комитета. В Совет входили члены коллегии Главного комитета и представители иных ведомств: Высшего совета народного хозяйства, Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата по военным делам, Народного комиссариата путей сообщения, Народного комиссариата продовольствия, Всероссийского центрального совета профессиональных союзов, Народного комиссариата труда, а также представители отдельных заинтересованных учреждений и организаций и отдельные компетентные лица по приглашению Совета.

Создание в 1922 г. СССР способствовало разделению системы государственного управления на общесоюзный и республиканский уровни. Высшими органами государственного управления по Конституции СССР 1924 г. стали Всесоюзный съезд Советов, ЦИК СССР, СНК СССР. Статус Наркопроса РСФСР в этот момент фактически приобрел двойственный характер: конституционное регулирование требовало осуществления наркоматами своих полномочий в пределах территориально-республиканского уровня, однако фактически Наркомпрос осуществлял и общесоюзные полномочия в сфере высшего образования.

К началу 1920-х гг. вопрос реформирования Наркомпроса приобрел особое значение в свете чрезвычайно широких полномочий и внутриведомственного деления. К 1920 г. в составе Наркомпроса действовали 38 отделов, что существенно тормозило административный процесс. 11 февраля 1921 г. был принят Декрет СНК РСФСР о Народном комиссариате по просвещению, который реорганизовал внутреннюю структуру ведомства. Центральный аппарат Наркомпроса отныне состоял из академического и организационного центров, а отделы были замещены главными управлениями (главками)[164]. У наркома появлялись два заместителя,

[164] Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «О Народном Комиссариате по Просвещению (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 78.

которые ведали соответственно академическим и организационным центрами. В 1921 г. на базе Главного комитета в составе Наркомата просвещения РСФСР было учреждено Главное управление профессионального образования.

Приоритетом теперь стала консолидация власти в новых администрациях, контролируемых партией, которые могли бы держать отношения с профессурой под контролем. По всей вероятности, в результате этой политики глава Центрального бюро студентов-коммунистов Н.Д. Зелинский в 1923 г. обратился к Сталину, чтобы решения Политбюро, связывающие руки коммунистического студенческого руководства, сделали невозможной дальнейшую работу в таких условиях. Таким образом, противостояние 1921–1922 гг. в сфере высшего образования закрепило большевистский административный контроль и положило начало борьбе за марксизм в общественных науках, но подавило самое горячее революционное рвение в государственных[165] учреждениях[166].

Следующий этап реформирования Наркомпроса начался в 1925 г., когда Декретом ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР было утверждено новое Положение о данном ведомстве[167]. Принятие этого Положения привело к сверхконцентрации полномочий в сфере высшего образования в структуре Наркомпроса, наделенного правом производства инспекций в образовательных учреждениях. Таким образом, была сформирована централизованная модель управления образовательной политикой Советского государства, включая и сферу высшей школы.

С момента своего возношения новый государственный режим нуждался в создании сети высших учебных заведений, отвечавших базовым идеологическим постулатом большевистской идеологии. Страну охватил процесс реформирования уже существующих с дореволюционного времени университетов и создания новых, как правило, либо путем переименования, либо путем слияния старых вузов. Так, Петроградский университет был переименован в 1-й Петроградский

---

[165] Fox D. Revolution of the Mind: Higher Learning and the People. Ithaca: Cornell University Press, 2016. 82 p.

[166] Lee D.C. The People’s Universities of the USSR. New York: Greenwood Press, 1988. P. 20.

[167] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 5 октября 1925 г. «О Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 71. Ст. 561.

государственный университет: бывший Психоневрологический институт — во 2-й Петроградский государственный университет; Высшие женские курсы[168] — в 3-й Петроградский государственный университет. 2 августа 1919 г. соответствующим постановлением Наркомпроса эти три университета были объединены в единый Петроградский государственный университет[169].

В контексте реализации государственной политики в сфере высшего образования перед руководством страны стала проблема согласования в учебных программах компонента профессионально-технических и политических дисциплин. Данный вопрос вызывал значительные разногласия в академической среде и требовал вмешательства государства. Значительное влияние В.И. Ленина определило характер напряженного компромисса, внедренного в систему высшей школы – как в ее политическом устройстве, так и в содержании учебных программ. В 1920-1921 гг. он возглавил противостояние со сторонниками Наркомпроса, выступавшими за широкое («политехническое») и политизированное образование. Эту позицию Ленин оспаривал, опираясь на линию Главпрофобра, отстаивавшего ультрацентрализованный профессионализм.[170].

Было продиктовано компромиссное решение: профессиональное образование будет сочетаться как с общим, так и с политическим образованием в вузе. Это не только повлияло на форму университетской учебной программы, но и имело важные политические аспекты. Отказ как от радикальной централизации, так и от акцента на практических результатах образования привел к сохранению, а не уничтожению влияния беспартийной профессуры, насколько это было возможно в условиях начала 1920-х гг.

Данное урегулирование конфликта 1922 г., чреватое собственной напряженностью в государственном секторе, недостаточно для объяснения возникновения общего порядка 1920-х гг. в высшем образовании. Переход к нэпу

---

[168] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 13.

[169] Постановление Народного комиссариата по просвещению РСФСР «О преобразовании петроградских высших учебных заведений» // СУ РСФСР. 1919. № 41. С. 456.

[170] Mally L. Culture of tbe Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 165.

не только привел к непростому чередованию уступок и продвижения вперед; он сопровождался возникновением новой и мощной альтернативы всем старым институтам политической системы государства и общества[171].

На первых порах становления системы административно-правового регулирования деятельности вузов перед руководством страны встала задача противодействия со стороны академических кругов нововведениям в идеологической и политической основах реформирования университетского образования. Для этого государству требовалась принципиально новая модель управления университетами, которая позволяла бы нейтрализовать возможные очаги сопротивления новой образовательной политике со стороны старой профессуры. Положение о высших учебных заведениях РСФСР[172] стало первым шагом на пути устранения автономии университетов, вводя принцип централизованного управления высшей школой со стороны государства. Отныне каждый вуз управлялся назначаемым правлением во главе с ректором — эта модель заместила прежнюю, выборную, систему управления каждым университетом[173].

Новая модель управления высшей школой, призванная в условиях дефицита представителей большевизма среди академических кругов способствовать развитию университетов в «правильном русле», была апробирована в Московском государственном университете (МГУ) и Московском высшем техническом училище (МВТУ). Так, уже 29 сентября 1920 г. в качестве высшего административного органа МГУ был сформирован временный президиум, заместивший собой выборную должность ректора. В президиум входили по три представителя от научного сообщества, студентов и Наркомпроса, а также один представитель служащих университета. Данный административный орган был уполномочен избирать из своего состава ректора, его заместителя и секретаря.

---

[171] Tandler F. The Workers' Faculty (Rabfak) System in he USSR. Ph.D. diss. Columbia University, 1955. P. 77.

[172] Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1944. С. 803–809.

[173] Harding N. Socialism, Society and the Organic Labour State // The State in Socialist Society. Albany: Suny Press, 1984. P. 22.

Однако данные лица утверждались в своей должности также Наркомпросом. Фактически на примере данного университета можно видеть утверждение принципа прямого государственного управления вузом вместо прежней системы автономии университета[174].

Советское высшее образование представляло собой очень необычную организационную конструкцию, которая была неразрывно связана с идеологией Коммунистической партии и советской автократией. Советская система управления высшей школой представляла собой сложную смесь академической традиции Гумбольдта с новизной советского общинного мышления, слияния потребности в быстром массовом образовании с реальностью немногих университетских центров в стране.

Возникновение университетской модели во всем мире связано с европейской традицией академической корпорации, предоставляющей образование и производящей исследования. В большинстве западных культур само определение «университет» несет в себе первоначальное значение автономного, самоуправляемого сообщества преподавателей и ученых. Несмотря на разнообразие организационных типов и разнообразие академического содержания, понятие университета основывается на индивидуальности и независимости[175].

Согласно партийной доктрине, советская национальная интеллигенция должна была стать пролетарской, в то время как буржуазная образовательная политика досоветской России должна была быть отвергнута. Чтобы осуществить «пролетаризацию» российского высшего образования, партия сохраняла контроль над национальной академической системой посредством процесса отбора всех абитуриентов на этапе зачисления. Создание партийных ячеек в академических институтах было представлено как проявление народной демократии в советском высшем образовании. Это «идеологическое вторжение» было направлено на то,

---

[174] Rigby T.H. Lenin’s Government: Sovnarkom, 1917–1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 185.

[175] Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 45.

чтобы объединить политические цели пролетарского государства с созданием национального высшего образования в интересах простых людей. В повседневной академической практике это привело к полной интеграции администрации вузов и партийного институционального представительства в каждом российском высшем учебном заведении к концу 1920-х гг.[176]

Так, Декретом СНК РСФСР «О высших технических учебных заведениях»[177] была произведена реформа образовательной системы в университетах соответствующей направленности. После некоторого сопротивления новациям в куррикулуме технических вузов со стороны профессуры в МВТУ было принято решение заменить выборное правление университета назначаемым Главпрофобром[178].

Сопротивление в производимых Советским государством реформах в сфере высшего образования вызывало неприятие со стороны академических кругов и в других университетах. Так, постановление общего собрания совета Петроградского университета и вузов от 16 января 1922 г. содержало обширную критику проводимой государственной политики в сфере высшего образования в общем и действий Наркомпроса в частности[179]. Критике подвергались попытки централизованного назначения государством штатных профессоров и введение прямого административного управления вузами. Критиковались также и принципы материально-технического и финансового обеспечения деятельности университетов. Итогом данного противостояния стала последовательная ликвидация органов профессорского самоуправления, а в мае 1922 г. — и самого

[176] Pethybridge R. Concern for Bolshevik Ideological Predominance at the Start of NEP // Russian Review. 1982. № 41. P. 445.
[177] Декрет СНК РСФСР от 4 июня 1920 г. «О высших технических учебных заведениях» // СУ РСФСР. 1920. № 53. Ст. 234.
[178] Краткий отчет Народного комиссариата по Просвещению. 1917–1920. М.: Госиздат, 1923. С. 60–62.
[179] Постановление общего собрания совета Петроградского университета и вузов от 16 января 1922 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 143. Л. 34.

Петроградского объединенного совета как последнего значительного академического объединения в стране[180].

Формирование институционального механизма трансформации высшей школы в начале 1920-х гг. обусловило ключевую роль партийных структур и студенческого актива в реализации большевистской политики. Руководство РКП(б), столкнувшись с необходимостью реформирования университетской среды, сделало стратегическую ставку на вузовские партийные ячейки и возглавлявших их радикально настроенных студентов-коммунистов. Данные структуры, наряду с создаваемыми рабфаками, консолидировали значительные административно-политические полномочия в рамках академических учреждений. Это способствовало формированию у коммунистического студенческого авангарда идентичности "фронтовиков" классовой борьбы, ответственных за революционную перестройку образовательной системы. Движение охватило как вновь созданные партийные институты, так и традиционные университеты, демонстрируя равный революционный пыл в процессе деконструкции прежних образовательных моделей и конструирования новых. Примечательно, что рабфаки (64 факультета с контингентом в 25 000 слушателей по данным 1922 г.), при формальной административной подчиненности Наркомпросу, фактически функционировали как важнейшие политические центры студенческого коммунистического движения.

Большевики пришли к власти с небольшим количеством конкретных планов относительно послереволюционного будущего высшего образования и длительным опытом отношения к российским университетам с глубокой двойственностью. Студенческое движение оказалось отличной базой для вербовки революционных партий, но также было пропитано общинными традициями, которые не обязательно вращались вокруг революционной борьбы. Одержимость академической интеллигенции чистой наукой и институциональной автономией

---

[180] Протокол №2 5/35 заседания Президиума Коллегии Накромпроса от 16 мая 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1.

сформировалась за полвека стычек с царскими властями, но многие большевики, особенно после 1905 г., высмеивали такие опасения, как иллюзии буржуазной элиты. Тем не менее эти основные ценности господствующей профессуры (в резком контрасте с ее более элитарной моделью, немецкой профессурой) были смягчены приверженностью социальным реформам и народному просвещению. Это обеспечило некоторый общий язык с революционерами, также вовлеченными в движение просвещения. Более того, в течение нескольких месяцев после октября 1917 г. новый режим был слишком слаб, чтобы предпринимать какие-либо существенные инициативы в академических кругах. В первой половине 1918 г. высшие должностные лица Наркомпроса Луначарский и Крупская, казалось, действительно поддерживали почтенный идеал институциональной автономии.

Анализ официальных документов и политических заявлений, опубликованных советским правительством в период 1917–1930 гг., показывает, что в административном ядре Российской академии наук в течение всего советского периода постоянно присутствовали следующие организационные принципы: единообразие; управление сверху вниз (иерархичность). Это были краеугольные камни всей советской системы: организация подобного типа обеспечивала «единство советских людей вокруг партийного руководства»; система управления сверху вниз — порядок и дисциплину на всех уровнях советского общества; важнейший принцип военного управления: «приказ командира — закон для подчиненного» — был ключом к точному распределению обязанностей. Эти принципы вряд ли были присущи только высшему образованию. Они также присутствовали во всем советском обществе того времени, которое быстро милитаризировалось[181].

Единообразие было первоначальным принципом советской организации, коренящимся в первоначальном плане советских властей по формированию советского общества как «социально объединенного лагеря... с использованием

[181] Brown S. Communists and the Red Cavalry: The Political Education of the Konarmiia in the Russian Civil War, 1918–1920 // Slavonic and East European Review. 1995. № 73. P. 82.

образования в качестве оружия»[182]. Организация советского вуза основывалась на единых государственных правилах. В каждом учебном заведении был сопоставимый структурный состав администрации, студентов, преподавателей и персонала; ректор был главным администратором, в то время как офис ректора был штаб-квартирой управления учреждением; существовал один и тот же набор административных подразделений, связанных с академическими потребностями, и представителей штата для «особых целей», которые не имели прямого отношения к академическому процессу[183].

Единообразие присутствовало во всех жизненно важных академических вопросах, таких как формирование учебных программ, организация занятий и обслуживания студентов. Унифицированные учебные планы вместе с унифицированными учебниками были разработаны на центральном уровне для каждой профессиональной специализации, указанной в государственном перечне профессий. Единые учебные планы и соответствующие учебники были обязательными для всех высших учебных заведений. Все студенты проходили идентичную процедуру зачисления, имели одинаковую еженедельную организацию занятий, сопоставимые условия проживания в стандартных общежитиях и одинаковую единую студенческую стипендию. Не было никаких различий в основных правилах между центральными и периферийными учреждениями или между университетами и техническими или педагогическими институтами. Все выпускники любого советского учебного заведения получали единый государственный диплом специалиста, указывающий на стандартный уровень профессиональной подготовки — квалифицированный специалист в определенной области практики[184].

---

[182] Ленин В.И. Доклад о мире на Втором Всероссийском съезде Советов; О внутренней и внешней политике Республики: (Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов). М.: Политиздат, 1979. С. 32.

[183] Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. P. 76.

[184] Suny R.G. The identification of “social polarization” as the “key to a new paradigm”. Toward a Social History of the October Revolution // American Historical Review. №88. 1983. P. 32.

Командное управление сверху вниз было центральной опорой организационного строительства советского высшего образования. Принятие решений в советских академических кругах начиналось на самом высоком политическом уровне. Другие общесоюзные правительственные ведомства, в ведении которых находились высшие учебные заведения, принимали решения таким же образом, вплоть до институционального уровня. Администраторы на местном и институциональном уровнях не участвовали в процессе принятия решений. Они ежегодно предоставляли запрашиваемые статистические данные и выполняли государственные заказы.

По мере внедрения методов прямого административно-правового регулирования процесса получения высшего образования вставал и вопрос о внутренней реорганизации вузов. Для Советского государства актуальной проблемой стало сохранение в структуре внутренних подразделений университетов старых дореволюционных элементов. В структуре университетов, существовавших с дореволюционных времен, были факультеты и институты, явным образом вступавшие в идеологический конфликт с большевизмом. Так, на юрфаке МГУ существовала кафедра церковного права. Многие учебные программы были сверстаны по образцам дореволюционных методических пособий. Для руководства Советского государства подобного рода положение вещей становилось неприемлемым. Вопрос реорганизации структуры факультетов и институтов становился все более актуальным.

В конце 1918 г. Наркомпрос принял постановление об упразднении юридических факультетов с закрытием сопутствующих им кредитов[185]. Вместо юридических факультетов предполагалось создание факультетов общественных наук, для чего требовалась разработка соответствующих учебных планов. Факультеты общественных наук отныне должны были подразделяться на экономическое, политико-юридическое и историческое отделения. Необходимость

[185] Постановление Народного комиссариата по Просвещению от 12 февраля 1918 г. № 859 «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» // СУ РСФСР. 1918. № 49. Ст. 573.

реформирования учебных планов привела к принятию Декрета СНК РСФСР «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР»[186], которым Наркомпросу поручалось скорейшее обновление материалов лекционных курсов и корректировка куррикулумов каждого отдельного факультета в соответствии с теми задачами, которые поставлены наркоматам, для которых готовятся специалисты на соответствующем факультете.

Социальные науки, представлявшие стратегический интерес для партийно-марксистских сил 1920-х годов, стали первой сферой, где партийные институты выступили в качестве экспериментальных площадок для новой научной парадигмы. Эта приоритетность обусловила их статус как основного очага напряженности в неустойчивом компромиссе академической среды, сложившемся после 1922 года. Инициатива Наркомпроса по трансформации данной области зародилась еще в период Гражданской войны с создания в университетах школ (факультетов) общественных наук (ФОН), призванных заместить традиционные историко-филологические и юридические факультеты. Замысел состоял в том, чтобы посредством кадровой политики (назначение партийных ученых) и контроля над образовательными программами превратить ФОНы в опорные центры марксистского обществознания. Однако к исходу Гражданской войны этот проект потерпел крах. Критический дефицит квалифицированных научных кадров из партийной среды, сочетавшийся с активным противодействием беспартийного профессорско-преподавательского состава, девальвировал саму институциональную миссию факультетов общественных наук.

Результатом стали попытки разделить марксистские общественные науки от немарксистских и беспартийных «специализированных» и «узкопрактических» областей общественных наук. Точно такое же разделение было обнаружено в сферах влияния в партийно-государственном и в высшем образовании после 1920-х гг. между партией и беспартийными учреждениями. Начиная с 1920 г.

[186] Декрет СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 782.

Главпрофобр попытался переориентировать факультеты общественных наук на подготовку специалистов для будущих сотрудников комиссариатов, включая экономические и юридические управления. Казалось, что новая практическая ориентация могла бы спасти фальшивку и тем самым узаконить ценность немарксистского опыта в области образования в области социальных наук.

Наркомпрос предпринимал усилия по сокращению отдельных юридических дисциплин вроде римского права или международного права, расширяя присутствие в учебном плане общих дисциплин историко-материалистического толка. В Петроградском университете юридический факультет был преобразован в политико-юридическое отделение факультета общественных наук. В 1921/1922 учебном году политико-юридическое отделение было преобразовано в правовое с разделением на судебный и административный цикл обучения. Постановлением СНК РСФСР в 1926 г. правовое отделение факультета общественных наук было преобразовано в факультет советского права[187]. В 1931 г. был образован Московский институт советского права и созданы Центральные заочные курсы советского права (Заочный институт советского права). В 1937 г. центральные заочные курсы были преобразованы во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), который был самым крупным юридическим вузом в Советском Союзе.

В 1922 году Научно-политическая секция Государственного ученого совета (ГУС), получившая полномочия по утверждению академических кадров, инициировала масштабную аттестацию преподавателей общественных и гуманитарных дисциплин. Эта кампания, развернутая в рамках борьбы с «идеалистическими» направлениями в науке и публичном дискурсе, преследовала три ключевые цели: исключить из преподавательского корпуса «богословов, мистиков и радикальных идеалистов»; сократить долю филологов и археологов в пользу специальностей, рассматриваемых как «более значимые для

[187] Декрет СНК РСФСР от 23 ноября 1926 г. «Об изменении сети просветительных и научных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1926. № 31. Ст. 237.

государственных интересов»; обеспечить усвоение молодыми преподавателями основ марксистской теории. Введение обязательного идеологического минимума («социального минимума») вкупе с прямыми попытками реструктурировать профессорско-преподавательский состав не принесли значимых результатов в краткосрочной перспективе, но существенно обострили конфликт за политическое доминирование в системе высшей школы.

Пик противостояния в реформировании высшей школы пришелся на 1921–1922 годы, будучи спровоцированным принятием нового Положения о высших учебных заведениях[188]. Итогом этого процесса стал, достижение большевиками ограниченного успеха, выразившегося в установлении механизмов партийно-государственного контроля. Ключевым шагом в 1921 году стала ратификация временного университетского устава (положения), концептуально нацеленного на последующее принятие постоянного. Главными задачами данного акта являлись: закрепление процедуры назначения ректоров и администраций вузов центральными партийно-государственными органами; юридическая ликвидация принципов университетской автономии. Механизм реализации контроля был детализирован в Директиве Центрального комитета Наркомпросу 1921 года. Документ, получивший одобрение Политбюро (с правками от 10 мая), наделял региональные партийные комитеты правом санкционирования кадровых решений Наркомпроса относительно ректорских назначений. Кроме того, Директива законодательно утвердила приоритет единоличного управления ректоров и деканов над коллегиальными формами принятия решений в вузах.

Руководство коммунистических студенческих ячеек встретило данные решения с энтузиазмом, интерпретируя их как ожидаемую политическую директиву. В ходе Всероссийской конференции комсомольских организаций (март 1921 г.) была принята резолюция, санкционирующая борьбу с так называемой «кадетско-черносотенной профессурой». Параллельно группа влиятельных

[188] Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1944. С. 803–809.

представителей академического сообщества, стоящих на партийных позициях (известная как «Красная профессура», 46 человек), выдвинула требования о прекращении консультаций с некоммунистическими элементами, установлении полного государственного (советского) контроля над процедурой приема в высшие учебные заведения и включении вопроса о реформе высшей школы в повестку предстоящего партийного съезда. Инициатива М.Н. Покровского по внесению последнего пункта была рассмотрена Политбюро ЦК РКП(б). Партийное руководство, стремясь предотвратить потенциальную радикализацию дискуссии, признало данное предложение «нецелесообразным». Тем не менее, в 1922 году московские партийные организации продолжили оказывать давление на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), настаивая на имплементации нового вузовского устава.

Масштабная реорганизация Советским государством системы вузов, пересмотр их внутренней структуры, системы управления, организации учебного процесса и, наконец, преодоление сопротивления со стороны старой профессуры продолжались на протяжении 1920-х гг. Центральным звеном государственной политики в сфере высшего образования стали тотальный административный контроль над высшей школой, избавление от остатков университетской автономии и идеологизация всего учебного процесса.

Ведущие образовательные и теоретические центры большевизма в 1920- х гг. занимались не только подготовкой красных специалистов, теоретиков, публицистов и обществоведов. В эти годы мероприятия шли рука об руку с проектом подготовки следующего поколения партийных лидеров, часто называемых «сменой караула», или сменой. Партийное образование в области марксистских общественных наук в этот период было классическим карьерным путем для перспективных молодых кадров с хорошими связями, в то время как высшее техническое образование в значительной степени вытеснило его в качестве

основного пути для растущих партийных кадров во время индустриализации после 1928 г.[189]

Формирование системы партийного образования в раннесоветский период концептуализировалось высшим руководством РКП(б) как стратегический инструмент решения ключевых внутрипартийных задач. К этим задачам относились: эффективная идеологическое воспитание новых членов партии, целенаправленная подготовка управленческих кадров и смягчение нараставшей социальной дистанции между партаппаратом и рядовыми коммунистами. Однако практическая реализация данной образовательной реформы, инициированной в начале 1920-х гг., сразу же столкнулась со значительными институциональными вызовами. Центральный комитет предпринял меры по централизованному регулированию контингента слушателей и унификации учебного процесса. Это потребовало масштабной и затяжной работы по разработке единых программных требований и созданию идеологически выверенных учебных пособий. Критическими проблемами стали острый дефицит преподавательского состава, обладавшего необходимой партийной ангажированностью и профессиональной квалификацией, а также трудности с комплектацией аудиторий политически благонадежными учащимися. Примечательно, что установление прямого партийного контроля над вновь создаваемыми учебными заведениями происходило относительно беспрепятственно. Эти структуры, в отличие от унаследованных от прежнего режима университетов, демонстрировали высокую восприимчивость к директивам относительно содержания обучения и педагогических методик. Обострившаяся к 1922 г. конфронтация вокруг статуса традиционных вузов, воспринимавшихся как оплот "буржуазной науки", усилила контраст в восприятии двух образовательных моделей. В партийной риторике и управленческой практике сложилась бинарная оппозиция: партийные школы утвердились в качестве "пролетарских" и "подконтрольных" центров формирования кадров ("наши институты"), тогда как университеты сохраняли

[189] Graham L. Science and the Soviet Social Order. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 67.

статус "чуждых", "контрреволюционных" учреждений ("их крепости"), характеризующихся институциональной инерцией и сопротивлением партийному диктату[190].

В течение 1920-х гг. советское политическое руководство сосредоточилось на создании национальной системы высшего образования, отражающей практические задачи национальной индустриализации. По своей организации и социальному назначению советский вуз сильно отличался от европейского представления об университете и был далек от международного академического сообщества. Ключевым отличием был принцип единообразия, краеугольный камень организации советских вузов. Все советские университеты должны были быть одинаковыми с едиными учебными планами, одинаковой структурой и общей властью. В июле 1920 г. вышел Декрет СНК РСФСР «Об учебной профессионально-технической повинности»[191]. В соответствии с ним СНК РСФСР обязал привлечь всех рабочих в возрасте от 13 до 40 лет к обязательному профессионально-техническому обучению. Управление высшей школой в соответствии с данным декретом находилось в ведении Накромпроса, обладающего исключительными полномочиями по организационным и кадровым вопросам. Представители Губернского исполнительного комитета и его отделов, имеющие соответствующие мандаты Президиумов губернских исполнительных комитетов, могли контролировать деятельность вуза и в случае замеченных неправильностей обращаться в подлежащие органы Наркомпроса.

Целью советского высшего образования являлась подготовка профессиональной рабочей силы для нужд государства с использованием «человеческого материала» государства и государственных материальных ресурсов. Такой акцент соответствовал политической цели быстрого создания сети полезных государственных школ для обучения трудящихся масс на уровне

---

[190] Vucinich A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 72.

[191] Декрет СНК РСФСР от 29 июля 1920 г. «Об учебной профессионально-технической повинности» // СУ РСФСР. 1920. № 70. Ст. 325.

среднего и высшего образования. Фактически это была упрощенная форма политехнического образования, развивавшаяся в Европе в то время. Концепция советского вуза противостояла западной университетской модели на фундаментальном уровне: прагматизм практического обучения противоречил идеологии академического либерального знания и институционального самоуправления[192]. Принятие решений в сфере высшего образования в СССР превратилось из личного дела в общественное. Можно сделать вывод, что советская концепция вуза была преднамеренной альтернативой традиционному западному представлению об университетском образовании.

Сфера практики была единственным отличием одного выпускника-специалиста от другого. Преподаватели принимались на работу в учебное заведение в соответствии со стандартными государственными правилами и получали стандартную заработную плату в соответствии с установленной государством системой академического ранжирования. Не существовало академических учреждений для представителей социальной элиты, и ни одно учебное заведение не выдавало собственных документов об окончании. Эта стандартизация национальных академических кругов была представлена партийной пропагандой как великое социальное благо, благоприятствующее интересам простых людей и противоречащее ложной капиталистической «демократии». Однако в действительности политика единообразия привела к отсутствию академического разнообразия в советском высшем образовании[193].

В советских высших учебных заведениях не было институциональной политики приема или разработки учебных программ; скорее всего, это были учебные заведения, выполняющие правительственные инструкции. Каждый преподаватель тщательно следовал государственной учебной программе, в то время как каждый ученик пользовался государственными учебниками. Если у выдающегося ученого, работающего на переднем крае науки, была идея нового

[192] Farmer K.C. The Soviet Administrative Elite. New York: Praeger, 1992. P. 32.
[193] Fitzpatrick S. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 53.

учебника, он должен был получить официальное разрешение от государственных властей. Повседневная жизнь советских ученых в каждом высшем учебном заведении строго регламентировалась правительственными разрешениями и разрешениями государства. Чем выше был академический статус и научные достижения учреждения, тем больше оно напоминало секретную военную часть[194].

Учебные программы советских высших учебных заведений также регулировались административным способом сверху вниз. Они разрабатывались на центральном уровне и распространялись среди советских вузов в формате ежегодных авторитетных приказов. Понятия «факультативных» курсов в советских академических кругах не существовало.

Государство выполнило задачу по распределению выпускников по местам трудоустройства. Работа на назначенном месте и на указанной должности была обязательной. Подобно армейским офицерам, получавшим приказы о прохождении службы после прохождения курса подготовки в военных училищах, советские выпускники гражданских высших учебных заведений должны были явиться к своим работодателям в установленный срок. Те, кто не прибыл вовремя на указанное место работы, могли быть лишены своих квалификационных дипломов и подвергнуты судебному преследованию, как преступники, за неподчинение федеральному законодательству[195].

Командное управление сверху вниз оставалось краеугольным камнем государственной образовательной политики и важным организационным принципом национальных академических кругов на протяжении всего советского периода. Главным показателем этого остаточного принципа была последовательная манера общения между правительственными чиновниками и академическим сообществом. Центральные органы власти связывались с подчиненными подразделениями и должностными лицами с помощью письменных

---

[194] Elwood R.C. Lenin and the Social Democratic Schools for Underground Party Workers, 1909–11 // Political Science Quarterly. 1966. № 81. P. 371.
[195] Kelly A.M. Red Queen or White Knight? The Ambivalences of Bogdanov // Russian Review. 1990. № 49. P. 311.

приказов. Каждый уровень администрации общался с другими членами академического сообщества посредством директив[196].

Принцип единоличного управления предоставлял безраздельные полномочия главному администратору академического учреждения и был призван обеспечить строгую дисциплину и личную ответственность во всей национальной академической системе. С начала 1930-х гг. этот тип военного управления практиковался во всех сферах советской гражданской жизни. Внедрение принципа единоначалия в организационную структуру советской академии превратило ее в точную копию надежной системы управления армией, где один человек мог отдавать команды, обязательные для всех, кто служил под его началом. Применение этого организационного принципа буквально означало, что любой приказ вышестоящего начальника должен был быть выполнен полностью, точно и в установленные сроки[197].

Таким образом, выстроенная в 1917–1930 гг. система государственного управления вузами была ориентирована на полную подчиненность высшей школы государству. В этот период с помощью методов административного контроля происходили ликвидация остатков университетской автономии и полное подчинение образовательного процесса политико-идеологическим принципам Советского государства. Страна прилагала большие усилия по реформированию системы высшего образования и созданию сети университетов по всей территории государства. Управление высшей школой находилось в ведении Накромпроса, обладавщего исключительными полномочиями по организационным и кадровым вопросам.

---

[196] Morrissey S. More ‘Stories about the New People’: Student Radicalism, Higher Education, and Social Identity in Russia, 1899–1921. Ph.D. diss., University of California at Berkeley, 1993. P. 65.

[197] McClelland J.C. The Professoriate in the Russian Civil // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington : Indiana University Press, 1989. P. 243.

## 2.2. Регулирование порядка поступления абитуриентов в высшие учебные заведения в 1917–1930 годах

Процесс формирования молодого Советского государства в 1920-х гг. был связан с многочисленными коренными преобразованиями в функционировании базовых социальных и политических институтов. Не стала исключением и сфера высшего образования. Высшая школа в дореволюционной России представляла собой разветвленную систему учебных учреждений, поступление в которые было возможно лишь после окончания гимназии. В силу специфически сословного устройства дореволюционного общества представители социальных низов, дети рабочих и крестьян фактически были лишены реальной возможности поступления в высшие учебные учреждения в массовом порядке. Высшая школа, обучение в которой было сопряжено с изрядными финансовыми расходами, в большей степени была открыта для потомственной аристократии, детей чиновников и купеческого сословия.

Первые шаги советского руководства в деле организации приема в высшие учебные заведения отличались значительной осторожностью и поддержанием устоявшихся дореволюционных правил. Лишь по мере окончательного закрепления власти в руках большевиков был дан импульс для всестороннего реформирования системы управления высшей школой. Процесс реформ сопровождался соответствующей правотворческой работой, направленной на построение системы высших учебных заведений и организации управления ими на местах[198].

Отправной точкой в становлении советской высшей школы стал «Декрет от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения»[199]. Декрет

---

[198] Никитина А.А. Особенности правил приема в высшие учебные заведения в 1920-х гг. История государства и права. 2021. № 10. С. 24-28.

[199] Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Известия ВЦИК. 1918. № 166. 6 августа.

устанавливал принцип всеобщего равенства в деле доступа к получению высшего образования. Вне зависимости от пола или гражданства всякое лицо, достигшее 16 лет, отныне получало возможность зачисления в высшее учебное заведение на правах слушателя без предоставления аттестационного документа или свидетельства о гимназическом образовании.

Обучение в высшей школе производилось на безвозмездной основе. Конечно же советская власть предполагала, что путь в высшие учебные заведения будет открыт в первую очередь для студентов из рабоче-крестьянской среды. Построение бессословного общества, обострившаяся борьба с привилегированными классами в период Гражданской войны (1918–1922 гг.), необходимость распространения образования и научного знания среди широких народных масс предполагали ориентацию образовательной политики государства на социальные низы. С принятием вышеуказанного Декрета существенно выросло количество студентов.

2 августа 1918 г. Совнарком РСФСР объявил недействительным набор в высшие учебные заведения на 1918/1919 учебный год в связи с тем, что он проводился на экзаменационной основе. Были ослаблены требования к абитуриентам — в высшие учебные заведения могли быть приняты все без исключения при наличии на то желания. Контингент поступающих — молодежь, достигшая возраста 16 лет, проверка уровня знаний и грамотности не носила обязательный характер. Это в итоге привело к притоку абитуриентов немыслимого масштаба — все, кто хотел получить отсрочку от призыва в армию, подали документы в вузы.

Так, например, в 1917 г. в Саратовский университет поступили 2250 студентов, а в 1918 г. — 10 242. В итоге было принято решение условно разделить студентов на две группы. Первая — преследовала цель деморализовать и массово подавлять профессорский состав и студентов, настроенных против власти Советов. Во вторую группу входило меньшинство — те, для кого действительную ценность и жизненную необходимость представляли полученные знания и возможность применить их на практике.

Для того чтобы обеспечить работающим студентам возможность не прекращать трудовую деятельность, а тем, кто поступил, чтобы получить отсрочку от службы в армии, привлечь к труду, Наркомпрос постановил начинать проведение занятий с пяти часов вечера. Однако из-за большого количества студентов эта инициатива оказалась нереализуемой.

Этим объясняется вступление в силу в 1918 г. постановления, подписанного М.Н. Покровским.

Данный документ содержал следующее:

«1. Лекции и практические занятия во всех высших учебных заведениях, в которых число студентов не превышает числа вакансий, установленных Советами этих заведений, происходят по вечерам, начиная с 5 часов.

2. Занятия и лекции в тех высших учебных заведениях, где число студентов превышает число объявленных свободных вакансий, происходят в две смены — утром и вечером. Каждая такая смена должна представлять полное повторение всех занятий и лекций другой смены.

3. В тех случаях, когда это представится возможным, устанавливаются три смены»[200].

Таким образом, чтобы обеспечить местами в аудиториях всех принятых в студенты, многие вузы перешли на трехсменный режим работы[201].

Вопрос организации проведения занятий выглядел малозначимым на фоне других проблем, с которыми столкнулась в то время советская власть, — армия развалилась, контроль над хлеборобными губерниями был утрачен, в городах наступил голод.

К этому моменту ключевой задачей образования народных масс стало достижение наивысшей командной высоты. Партийное руководство было нацелено на подготовку специалистов для народнохозяйственного развития,

---

[200] См.: Распоряжение Наркомпроса от 24 сентября 1918 г. В кн.: Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь 1920 (краткий отчет). Госиздат, 1920. 112 с.
[201] Там же.

проявляющих лояльность к правящей власти, и на воспитание советских функционеров.

Первыми шагами по реорганизации высшего образования, предпринятыми большевиками, стало принятие ряда нормативных документов, регулирующих деятельность высшей школы, в том числе Декрета СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР». Данный документ упразднял оплату обучения и сдачу вступительных экзаменов, предоставляя возможность представителям рабоче-крестьянской прослойки получать высшее образование. О приоритете абитуриентов говорилось: «…на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства»[202]. В окончательном варианте данное положение не было включено в принятый документ, при этом стремление правящей элиты к пролетаризации поступающих в вузы путем нивелирования представителей класса интеллигенции стало основным направлением стратегии в период военного коммунизма.

Подобная политика при превалировании низкой базовой подготовки основной массы обучающихся в вузах шла вразрез с аудиторной и кадровой обеспеченностью и, как следствие, не могла не парализовать учебный процесс.

Как отмечалось в документах Народного комиссариата по просвещению, «если в начале 1918 г. общая численность студентов университетов РСФСР была около 60 тыс., то к осени 1919 г. она возросла до 117 тыс. Разрасталось и количество самих высших учебных заведений — к концу 1920 г. насчитывалось 59 технических вузов, 46 вузов, из которых 23 — университеты, а также 57 педагогических институтов и академий народного образования»[203].

Сложная экономическая ситуация в 1920 г. обусловила сокращение числа студенческой молодежи — большое количество ее представителей было вынуждено отдавать предпочтение трудовой деятельности в ущерб получению

---

[202] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 494–522.
[203] Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь 1920 (краткий отчет). Госиздат, 1920. 112 с.

образования, пытаясь обеспечить свое существование.

В 1918 г. властные структуры прибегли к обязательному социальному обеспечению рабоче-крестьянских представителей студенчества, оказавшихся в тяжелом материальном положении, но в условиях инфляционного кризиса данные меры оказались ничтожными.

К началу 1920 г. высшие учебные заведения, за исключением втузов и пединститутов, насчитывали около 35 тысяч студентов. «Удержать систему высшей школы “на плаву” и добиться некоторого прироста численности студенчества помогла “милитаризация” медицинских, технических и части педагогических вузов»[204].

Стоит отметить, что в 1921/1922 учебном году в РСФСР функционировало 225 высших учебных заведений, в которых обучались 171 тысяча студентов.

Подавляющее большинство вузов характеризовалось отсутствием материально-технической базы и низким уровнем обеспеченности педагогическими кадрами.

В сложной экономической ситуации правительство актуализировало вопрос о необходимости количественного сокращения высших учебных заведений и обучающегося в них студенческого контингента. Данное направление в деятельности руководства высших учебных заведений не теряло своей актуальности вплоть до 1925 г.

Для сравнения: «…в 1923/24 учебном году на территории СССР действовало 248 вузов, в которых обучались примерно 217 тыс. студентов, а в 1925/26 осталось 145 вузов и 167 тыс. студентов»[205].

Принятое в 1923/1924 учебном году «Положение о высшей школе РСФСР»[206] декларировало принципы осуществления руководства вузами.

---

[204] Там же.

[205] Народное образование в СССР. М., 1967. 544 с.

[206] Положение о высшей школе РСФСР // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании : сб. докладов за 1917–1947 гг. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. С. 114–116.

Фактически до 1930 г. данное Положение выступало функциональным уставом высшей советской школы.

Большинство высших учебных заведений в Советской России при определении вектора своей деятельности на местах руководствовалось положениями данного нормативного документа.

В Саратове, например, в 1923 г. было инициировано создание общегородской приемной комиссии с привлечением Губкома РКП(б), Губкома РКСМ, Губернского совета профсоюзов, Губпрофобра, Горисполбюро профсекций, координирующей деятельность по приему в высшие учебные заведения.

Состав приемных комиссий саратовских вузов составляли: «…член Президиума вуза по студенческим делам, представитель Губкома РКП(б), КСМ, Губпрофобра, Исполбюро факультетских профсекций. Кроме того, при комиссиях функционировали подкомиссии, состоявшие из членов Президиумов факультетов по студенческим делам — представителей Исполбюро профсекций, Губкома РКП(б), Губкома РКСМ, Губпрофобра»[207].

Комиссия по приему абитуриентов работала в следующем режиме: «…в середине мая Главпрофобр утверждал и рассылал точные разверстки и инструкции; к августу все командировки и заявления о приеме поступали в общегородскую приемную комиссию, работа которой заканчивалась к середине месяца. Вступительные экзамены проводились до 1 сентября, а с 1 сентября начинались занятия»[208].

Следует указать на наличие ротационных градаций, которым следовали приемные комиссии вузов. Приоритет отдавался абитуриентам — представителям пролетариата, привилегии для получения квот были у представителей крестьянской прослойки, а также демобилизованных из армии и получивших инвалидность в Гражданской войне.

---

[207] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9, Л. 3; Д. 829. Л. 80, 81; Д. 370. Л. 1, Л. 3; Д. 815. Л. 20; Д. 373. Л. 1, Л. 5; Д. 425. Л. 26; Д. 340. Л. 9–10, Л. 74, Л. 67; Д. 1299. Л. 52.

[208] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9, Л. 3; Д. 829. Л. 80, 81; Д. 370. Л. 1, Л. 3; Д. 815. Л. 20; Д. 373. Л. 1, Л. 5; Д. 425. Л. 26; Д. 340. Л. 9–10, Л. 74, Л. 67; Д. 1299. Л. 52.

Право на получение квоты имела и определенная доля крестьянства после того, как она была распределена в первую очередь в среде губернских, а затем уездных партийных комитетов. С целью набора абитуриентов сельские и волостные организации командировали своих представителей.

К их числу относились комитеты крестьянской взаимопомощи, исполкомы сельсоветов, ячейки РКП(б), деятельность которых курировали парткомитеты. После того как кандидаты получали одобрение губернских партийных комитетов, их командировали в вузы для приема абитуриентов.

По данным архивных документов Саратовской области, «общее число кандидатов не должно было превышать 50% числа командированных (например, с 4 командируемыми отправляли 2 кандидатов). Из среды трудового крестьянства принимались лишь те абитуриенты, кто имел командировку от Губкома РКП(б) — остальные направления считались недействительными»[209].

Недостаточный уровень обучения в вузах и качество получаемого образования обозначили новую задачу для высшего руководства.

Для того чтобы поднять уровень готовности молодежи к поступлению в высшие учебные заведения, было принято решение о создании рабочих факультетов (рабфаков), что декларировалось постановлением Народного комиссариата просвещения «Об организации рабочих факультетов при университетах»[210]. На рабфаках обучались «рабочие и крестьяне, достигшие шестнадцатилетия, имеющие трудовую занятость, командированные предприятиями, профсоюзами и партийными органами»[211].

Открытие рабфаков обусловило необходимость трансформации существовавшей образовательной системы, целью которой выступали тотальная

---

[209] Там же.

[210] Постановление Народного комиссариата просвещения от 11 сентября 1919 г. № 443 «Об организации рабочих факультетов при университетах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 643-645.

[211] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 494–522.

пролетаризация и модификация классовой принадлежности студенческой молодежи.

1 января 1920 г. при Саратовском университете открыли рабочий факультет к обучению в которые принимались «рабочие и крестьяне, владевшие следующими знаниями:

- русский язык: грамотное, без пропуска букв, и согласованное письмо, беглое чтение; понимание и изложение прочитанного; владение грамматическими основами — представление о существительном, глаголе, подлежащем и сказуемом;

- математика: знание действий над целыми числами любой величины и умение решать несложные задачи разных типов;

- политграмота: знание материала в объеме Станчинского[212] и знакомство с основными текущими моментами по газетам.

При поступлении абитуриент должен был представить следующие документы: командировку на обучение на рабочем факультете, метрику, справку о социальном положении и трудовом стаже, справку и документ об образовании, автобиографию и заявление»[213].

«Не принимались к обучению на саратовском рабочем факультете лица, имеющие белокровие, сахарный диабет, сифилис, болезни кожи и т.п.»[214].

К концу 1920-х гг. прием в высшие учебные заведения города Саратов «проводился на конкурсной основе, хотя в приоритете все еще были выходцы из рабоче-крестьянской среды. Поступавшие должны были владеть знаниями в объеме школы 2-й ступени, в противном случае, они должны были подготовиться к поступлению по книгам “Прибой”, “Рабфак на дому” и учебникам, принятым в школах 2-й ступени»[215].

---

[212] Станчинский А.П. Политграмота. М., 1925.

[213] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9, Л. 3; Д. 829. Л. 80, 81; Д. 370. Л. 1, Л. 3; Д. 815. Л. 20; Д. 373. Л. 1, Л. 5; Д. 425. Л. 26; Д. 340. Л. 9–10, Л. 74, Л. 67; Д. 1299. Л. 52.

[214] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9, Л. 3; Д. 829. Л. 80, 81; Д. 370. Л. 1, Л. 3; Д. 815. Л. 20; Д. 373. Л. 1, Л. 5; Д. 425. Л. 26; Д. 340. Л. 9–10, Л. 74, Л. 67; Д. 1299. Л. 52.

[215] Там же.

Однако, несмотря на принятые меры, по итогам работы приемной комиссии в 1926 г. стало очевидным, что социальное происхождение поступивших не соответствует первоначальной задумке — число крестьян среди первокурсников превышало количество пролетариев.

Например, контингент высших учебных заведений Саратова состоял из 19,5% представителей рабочего класса и 42,22% студентов крестьянского происхождения.

Наряду с этим представители крестьянской молодежи фактически могли не иметь никакого отношения к сельскому хозяйству. Эта картина дополнялась низким уровнем знаний абитуриентов.

Правила приема, разосланные в высшие учебные заведения, декларировали обязательность учета фактора классовой принадлежности при поступлении — после прохождения проверки уровня знаний предпочтение отдавалось представителям рабочего класса, деревенской бедноте, далее учитывалась партийная и комсомольская принадлежность, а также членство в профсоюзах.

В свою очередь членам комиссий по приему абитуриентов предлагалось пройти курсы по разъяснению технологии отбора в высшие учебные заведения. Данный стратегический прием практически не менял социального состава абитуриентов, что хорошо иллюстрируют итоги приема в высшие учебные заведения Саратова.

Уже в 1920 г. саратовские вузы показывали преобладание рабоче-крестьянской прослойки среди желающих получить высшее образование.

Однако в 1923/1924 учебном году тенденция меняется: из 1240 первокурсников Саратовского государственного университета 287 человек являлись рабочими, 578 —крестьянами и 360 были представителями трудовой интеллигенции. «В сумме выходцы из рабочего класса и крестьянства составили 55,2% всех принятых»[216].

[216] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9, Л. 3; Д. 829. Л. 80, 81; Д. 370. Л. 1, Л. 3; Д. 815. Л. 20; Д. 373. Л. 1, Л. 5; Д. 425. Л. 26; Д. 340. Л. 9–10, Л. 74, Л. 67; Д. 1299. Л. 52.

Похожие тенденции можно было наблюдать и в других вузах Саратова.

«В 1925 г. из 496 студентов Ветеринарного института рабочих и крестьян было 336 человек (63%), из 636 обучавшихся Института сельского хозяйства и мелиорации — 309 (49,6%)»[217].

«По итогам приемной кампании 1925 г. из 868 абитуриентов всех саратовских вузов представители рабоче-крестьянской прослойки составили 546 человек»[218].

«По итогам приемной кампании 1926 г. из 1811 учащихся Саратовского государственного университета рабочие составили 16,8%, крестьяне — 31,4%, представители других социальных групп — 3,4%, а в Саратовском институте сельского хозяйства и мелиорации представители рабочие и крестьяне составили всего 43%»[219].

Преобразование системы высшего образования затронуло высшие учебные заведения всего СССР.

В статье неизвестного автора, опубликованной в связи с открытием Смоленского университета газетой «Известия», содержится определенное опасение, вызванное тем, что преобразования в образовательной системе могут стать привлекательными для мелкобуржуазных представителей интеллигенции, которые были заинтересованы в получении глубоких прикладных знаний. Автор отмечает: «Наш университет есть социалистический университет. Он готовит деятелей социалистической революции, культурных проводников идей коммунизма. Никому он не дает никаких преимуществ и никаких прав. Кончивши курс этого университета, вы должны пойти в жизнь, вы должны пойти в профессиональное, политическое, кооперативное, культурное и т.д. движение рабочих и там сдать свой экзамен. Поскольку вы этого не хотите, вы не должны занимать места в нашем социалистическом университете»[220].

---

[217] Там же.
[218] Там же.
[219] Там же.
[220] Кодин Е.В. Смоленский нарыв. Смоленск : Смоленский государственный педагогический институт, 1995. 112 с.

Проблема, обусловленная необходимостью регулировать социальную составляющую контингента вузов Смоленска, не теряла своей актуальности на протяжении многих лет, что было характерно для всей страны.

24 февраля 1921 г. заведующий Смоленским губернским исполнительным комитетом предложил: «Признать необходимым обследовать деятельность и социальный состав слушателей высших учебных заведений города Смоленска и в первую очередь Политехнического Института и Университета. Для обследования выделить Комиссию в составе представителей Губисполкома, Губкомпарта, Губпрофсовета, Губнаробраза и комячейки обследуемого Высшего Учебного Заведения. Комиссии приступить к работе в недельный срок»[221].

С завершением гражданской войны перед Советским государством наряду с необходимостью восстановления народного хозяйства обозначилась наиважнейшая проблема, обусловленная острой нехваткой педагогических кадров. Однако следует подчеркнуть, что даже в этих непростых условиях для молодого государства усилия руководящих функционеров были направлены на регуляцию идеологической корректности и контроль социальной составляющей обучающихся в вузах.

Исследователь С. В. Волков так пишет об этом: «В 1921 г., когда число желающих поступить в вузы стало значительно превышать число мест, некоторыми деятелями народного просвещения был выдвинут лозунг: «Наука — только для коммунистов»[222].

В 1921 г. ректоры высших учебных заведений стали все чаще выступать с предложением принимать в вузы абитуриентов, исключительно руководствуясь их знаниевым потенциалом.

Данное нововведение, по мнению партийных функционеров, шло вразрез классовым принципам, установленным при ротации абитуриентов, и способствовало расширению возможностей представителей интеллигенции, что

[221] Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 350.
[222] Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М. : ИНИОН, 1999. 250 с.

было категорически недопустимо.

Заместителю председателя ГПУ РСФСР И.С. Уншлихту 8 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило разработать ряд мер по «фильтрации студентов к началу будущего учебного года; установлению строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения»[223]. Вскоре к этому добавилось следующее требование: «До начала учебного года все студенты (кроме членов РКП(б) и РКСМ) обязаны представить отзыв ГПУ по месту нахождения вуза о лояльном отношении к советской власти»[224].

Многие вузы были подвержены многочисленным чисткам, отражавшимся не только на профессорско-преподавательском составе, но и на студенческом контингенте.

Поскольку рабочие факультеты выпускали пролетарские кадры, они попадали в зону особого контроля.

Профессор В.К. Сережников, заведовавший первым смоленским объединенным рабочим факультетом, считал, что «изменением социального состава студентов “рабфаки пролетаризируют высшую школу”»[225].

В 1922 г. прошла очередная чистка студенческого состава рабочих факультетов. Ее главной, официально объявленной целью было «оставление в составе рабочих факультетов исключительно лиц с пролетарской идеологией и зарекомендовавших себя аккуратным выполнением работ учебной повинности»[226].

В ходе прохождения чистки контингента учащихся смоленского рабочего факультета в первую очередь исключались студенты «окончившие 2-ю ступень, не имеющие пролетарской идеологии, не соответствующие требованиям о праве поступления на рабфак»[227]. Однако, несмотря на строгость мер, от «социально

---

[223] Тополянский В.Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М. : Права человека, 1996. С 41.
[224] Там же. С. 70
[225] Рабочий путь. 1922. 17 сентября. № 198.
[226] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 156.
[227] Рабочий путь. 1922. 22 ноября. № 261.

чуждых» обучающихся окончательно избавиться не получалось: «…в 1923/24 учебном году на рабфаке Смоленского университета было 603 слушателя, в том числе рабочих — 59,9%, выходцев из трудовых крестьянских семей — 27,3% и 13,2% лиц нетрудового сословия»[228].

Положение учащихся из «бывших» и «социально чуждых» было ненадежным. Они были первыми в очереди на отчисление в случае, если возникал недостаток аудиторного или иного обеспечения учебного процесса. Кроме того, за обучение в высшем учебном заведении учащиеся этих категорий должны были платить. Так, в Смоленском университете в 1922 г. с них взималась «плата в размере — 40 руб. золотом»[229]. На государственную стипендию могли рассчитывать только студенты, прошедшие обучение на рабфаках, и выходцы из рабочих и крестьян. Кроме стипендии они получали жилплощадь в общежитии при вузе»[230].

15 июня 1923 г. ЦК РКП(б) приняло постановление «О приеме в ВУЗы», в котором указывалось, что придавая важное политическое значение укомплектованию высшей школы пролетарскими элементами, ЦК предлагает всем парторганизациям обратить особое внимание на классовый отбор командируемых в ВУЗы для чего создать при УОНО отборочные комиссии из представителей укома, укома РКСМ, Упрофбюро и УОНО, причем укомы должны систематически проверять работу отборочных комиссий и обеспечить ее[231] правильность[232].

В 1925/1926 учебном году «учащиеся вузов РСФСР распределялись по социальному составу следующим образом: рабочие — 24,4%, крестьяне — 25,9%, служащие и интеллигенция — 46,6%, ремесленники — 1,1%, нетрудовой элемент

---

[228] Рабочий путь. 1922. 22 ноября. № 261.
[229] Там же.
[230] Большая советская энциклопедия. 1-е изд., т. 14. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1929. 32 стлб.
[231] Валуев Д. В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. № 2. 2013. С. 20–26.
[232] Справочник партийного работника. Выпуск IV. М.: Партиздат, 1924. С. 140.

— 1,8%, прочие — 0,2%»[233].

Динамику социального состава обучающихся в высших учебных заведениях до конца 1920-х гг. можно проследить в таблице 1.

Подчеркнем, что ряд служащих и представителей интеллигенции, к которым были отнесены в прошлом помещики, рассматривались как разряд социально враждебно настроенных. В силу этого зачастую указанная категория лиц, желающая получить высшее образование, была вынуждена утаивать свое истинное происхождение.

*Таблица 1*

**Социальный состав учащихся в вузах РСФСР (в %)**[234]

| Учебные годы | Рабочие/ их дети | Крестьяне/ их дети | Служащие/ их дети | Лица интеллигентного труда | Нетрудовой элемент | Прочие |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1926/27 | 28,7 | 22,2 | 33,0 | 12,5 | 0,9 | 2,7 |
| 1927/28 | 34,6 | 24,4 | 25,0 | 14,0 | 0,4 | 1,6 |
| 1928/29 | 42,3 | 25,1 | 19,7 | 11,3 | 0,1 | 1,5 |

Показательным примером может служить заметка об итогах вступительной кампании Смоленского университета в 1928 г., опубликованная в ведущей губернской газете. В ней речь шла о том, что в составе поступающих в Смоленский университет отмечены представители религиозно-культовой прослойки, сознательно старавшиеся скрыть свое классовое происхождение путем предъявления документов о принадлежности к трудовому рабочему классу. В ней говорилось, что «большая часть абитуриентов — дети служащих, которые прикрывались липовыми справками о том, что они находятся на иждивении у безработных родственников»[235]. В итоге процент рабочих и крестьян, зачисленных на первый курс, составил лишь половину из числа поступающих (57%), а на курсы

[233] Эрде Фабрики красных спецов // Смена. 1927. № 19. С. 6–7.
[234] Большая советская энциклопедия. 1-е изд., т. 14. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия, 1929. 34 стлб.
[235] Рабочий путь. 1928. 22 августа. № 194.

основных факультетов лишь 14,9%[236].

И все же в 1923/1924 учебном году доля студентов из рабочего[237] и крестьянского классов значительно превышала долю студентов с непролетарской принадлежностью (62,2%, против 15,3% и 22,5% соответственно)[238]. Это объясняется стремлением сделать обучение в высшем учебном заведении проклассовой привилегией.

Одновременно для руководства страны, находящейся в сложном экономическом положении, затраты на реализацию образовательного процесса оставались чрезмерно высокими.

В решении Политбюро ЦК РКП(б) признавалось: «Тяжелые условия, в которых в истекшие годы работали наши учебные заведения, и прежде всего ВУЗы, не могли способствовать успешной подготовке специалистов, и выпущенные в эти годы из учебных заведений специалисты очень часто оказываются не на высоте требований»[239].

Даже массовые чистки обучающихся в 1923–1924 гг. не смогли кардинально переломить ситуацию. Стоит отметить, что в задачи чистки входило не только увеличение в массе учащихся «пролетарского ядра», но и уменьшение неуспевающих студентов вне зависимости от класса. Под отчисление по этим критериям не подпадали только студенты последних курсов, что было продиктовано прагматическими целями. По этой же причине было принято решение восстанавливать ранее отчисленных студентов из прослойки интеллигенции и инженерных кадров.

---

[236] Кодин Е.В. Смоленский нарыв. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1995. С. 73.

[237] Валуев Д. В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. № 2. 2013. С. 20–26.

[238] Известия Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной коммуны и Смоленского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 14 ноября. (№ 267). С. 35.

[239] Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.

Данные о количестве «вычищенных» в литературе разнятся, но по официальным данным Наркомпроса, они составили около 18 тысяч студентов[240].

Анализ законодательства в сфере высшего образования, начиная с 1923 года, выявляет смену приоритетов: курс на всеобщую бесплатность обучения постепенно уступает место практике введения платы за образование. Примечательно, что ранее взимание платы с учащихся могло рассматриваться как должностное правонарушение. Переломным моментом стал декрет СНК РСФСР «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда»[241]. Согласно данному декрету, финансирование вузов должно было осуществляться из нескольких источников: доходов от хозяйственной деятельности подсобных подразделений (мастерских, клиник и др.); частных пожертвований и субсидий от государственных и общественных организаций;

средств, полученных от платы за обучение (в случаях, когда она вводилась). Ключевым условием было сохранение прежнего объема прямого государственного финансирования. Необходимость этой меры обосновывалась острым дефицитом бюджетных средств. Государство признавало невозможность полноценного финансирования науки и образования в требуемых масштабах из-за ряда факторов: инфляция (особенно на топливо и энергоносители); систематические задержки выделения средств на содержание вузов и их хозяйственные нужды; отсутствие планомерного и достаточного обеспечения учебных лабораторий, библиотек и прочих вспомогательных служб необходимыми материалами и оборудованием; критически низкий уровень оплаты труда профессорско-преподавательского состава, ведущий к его деквалификации и оттоку.

С принятием Декрета «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях

---

[240] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 494–522.

[241] Декрет СНК РСФСР от 6 марта 1923 г. «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда». Ст. 2. URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4314 (дата обращения: 16.03.2022).

Народного комиссариата просвещения»[242] в полномочия губернских исполнительных комитетов стало входить взимание платы за обучение. Данная мера затронула практически все учебные заведения, как городские, так и поселений городского типа. Все средства переходили в фонды конкретных учебных заведений. Исключение составляли школы рабочих подростков, профессиональные низшие школы, учебные заведения педагогической направленности.

В ст. 3 и 4 Декрета приводится список категорий граждан, освобожденных от платы за обучение. Эта льгота предоставлялась красноармейцам, инвалидам труда и войны, крестьянам, освобожденным от продналога, учащимся-стипендиатам, государственным пенсионерам, безработным, сиротам и т.д.

Декрет «О взимании платы в высших учебных заведениях»[243] включил в себя регламентацию всех вышеописанных нововведений.

Все вузы страны без исключения стали принимать будущих студентов на возмездную основу обучения. На наш взгляд, положительной стороной данной негативной тенденции стало то, что оплата за обучение была пропорциональна доходу слушателя определенного вуза либо лица, на иждивении которого он находился.

Содержание ст. 2 Декрета, упомянутого выше, перекликалось со ст. 3 Декрета «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата просвещения», которая установила список «льготников»[244].

Санкцией за нарушение правил и сроков оплаты предусматривалось увольнение из вуза. Через два года Правительство РСФСР совместно со ВЦИК принимает аналогичный Декрет «О взимании платы в учебных и воспитательных

---

[242] Там же.

[243] Декрет СНК от 15 декабря 1924 г. «О взимании платы в высших учебных заведениях» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2274.htm (дата обращения: 18.03.2022).

[244] Декрет СНК РСФСР от 6 марта 1923 г. «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда». Ст. 2. URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4314 (дата обращения: 16.03.2022).

учреждениях»[245], регулирующий отношения в сфере платности учебного процесса, тем самым ранее принятые документы утратили юридическую силу. Бесплатными становятся высшие коммунистические институты и рабочие факультеты (ст. 1). Статья 3 упомянутого нормативного правового акта ввела новые тарифы на обучение (табл. 2).

*Таблица 2*

**Тарифы оплаты за обучение в 1924 и 1927 гг.**[246]

| Категория граждан | Среднемесячный заработок | Оплата за обучение в соответствии с Декретом 1924 г. (в год) | Оплата за обучение в соответствии с Декретом 1927 г. (в год) |
|---|---|---|---|
| Рабочие и служащие | 73–327 руб. | 40–225 руб. (в зависимости от дохода) | 40–225 руб. (в зависимости от дохода) |
| Крестьяне, занимающиеся только с/х трудом | 64–113 руб. | 15–25 руб. | Не свыше 100 руб. |
| Ремесленники, кустари-одиночки | 79–257 руб. | 25–50 руб. | Не свыше 100 руб. |
| Лица свободных профессий (например, вольнопрактикующие врачи) | 244–303 руб. | 225 руб. (возможно изменение стоимости по решению комиссии при вузе от 100 до 300 руб.) | Не свыше 350 руб. |

Ситуация выходила неоднозначная: к обучению не имели доступа дети из беднейших крестьян и рабочих семей — те самые, за обучение которых еще недавно так рьяно боролись большевики. Плата за обучение, пусть даже в размере 50 рублей ежегодно, была неподъемной для бедных слоев населения.

Тем комсомольцам, которые не смогли попасть ни в высшее учебное заведение, ни на рабочий факультет, оставалось только писать жалобы в ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ, что было справедливо — нэпманы и так без особых проблем могли платить за учебу своих детей.

---

[245] Декрет ВЦИК от 24 января 1927 г. «О взимании платы в учебных и воспитательных учреждениях» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3187.htm (дата обращения: 18.03.2022).

[246] Статистический справочник СССР за 1928 год. М.: Статистическое издательство ЦСУ СССР, 1929. С. 796.

Наибольшие проблемы имели студенты, которые поступили на рабфаки или в высшие учебные заведения до введения ужесточающих ограничительных мер в процесс приема в образовательные учреждения.

В 1924 г. по решению Наркомпроса была завершена тотальная пролетаризация высшей школы.

По мнению исследователей, «завершение» не предполагало формирование костяка рабочего класса, а было направлено на усмирение революционно настроенной студенческой молодежи[247].

Таким образом, окончание мероприятий по пролетаризации высшей школы обусловило допуск к обучению молодежи из непролетарской среды.

Возвращение к введению вступительных экзаменов в 1924 г. обусловило поднятие планки к уровню знаний абитуриентов, в число которых входила молодежь, направленная организациями.

Исключение, как и прежде, составляли выпускники рабфаков, зачисление которых происходило, минуя вступительные экзамены.

Классовая принадлежность при поступлении в вузы перестала учитываться лишь к середине 1919–1920-х гг.

Д.А. Андреев делает такой вывод: «…из динамики изменения распределения мест между командирующими организациями в РСФСР — резко уменьшилась доля лиц, командируемых ВЦСПС, — с 55% в 1922/23 учебном году до 15% в 1925/26 учебном году, и возросла доля “особо талантливых” выпускников школ и профессионально-технических учебных заведений — с 2% в 1923/24 учебном году до 25% в 1925/26 учебном году, а в 1925/26 учебном году профсоюзы получили квоту в 10% для выходцев из “трудовой интеллигенции”»[248].

На 1 января 1925 г. из 113 тыс. студентов 62,6% составляли студенты,

---

[247] Алексинский М.А. Культурная революция и педкадры // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 38–41.

[248] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 500–501.

направленные организациями[249].

19 марта 1926 г. СНК РСФСР было вынесено Постановление «Об основных положениях приема в высшие учебные заведения РСФСР в 1926 г.»[250]. По данному постановлению лицам, изъявившим желание поступать в высшие учебные заведения самостоятельно, предоставлялся определенный процент свободных мест (он составлял примерно 45% от общего числа).

Однако, как и раньше, продолжала сохраняться классовая дифференциация: сначала в качестве потенциальных студентов рассматривалась рабоче-крестьянская молодежь (10% мест), выпускники рабфаков, справившиеся со сдачей вступительных экзаменов (35% мест); также места были выделены и для представителей национальных меньшинств (8% мест), и лишь 2% оставалось для кандидатов из числа направленных на обучение наркомами и командованием Красной армии[251].

В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 10 июля 1926 г. «О приравнивании детей специалистов, работающих в государственных учреждениях и предприятиях, в отношении поступления в вузы к детям рабочих» дети «спецов» получали приоритет при поступлении в вузы[252].

К приемной кампании 1927 г. квоты сохранялись только за обучающимися на рабочих факультетах, «школьными» фельдшерами[253], представителями «культурно-отсталых национальностей» и командированными СНК[254].

Ослабление требований по приему на обучение не способствовало росту числа рабочих среди студентов, и с 1925 по 1928 г. их количество увеличивалось крайне медленно, а численность выходцев из крестьянства стабильно оставалось на одном уровне. На 1 января 1925 г. выходцы из рабочих составляли в РСФСР

---

[249] Народное образование в СССР. М., 1967. С. 185–186.
[250] Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. С. 109.
[251] Народное образование в СССР. М., 1967. С. 502.
[252] Народное образование в РСФСР за 1923–24 год. М., 1925. С. 394–395.
[253] Возможно, речь идет о фельдшерах, подготовленных школами 2-й ступени.
[254] Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. С. 109.

21,8% студентов, из крестьян — 25,8%[255].

К 1927/1928 учебному году доля рабочих выросла только до 27,0%, доля крестьян даже уменьшилась до 24,5%; доля служащих увеличилась с 38,4% в январе 1925 г. до 39,5% в 1927/1928 учебном году[256].

Стабильно уменьшалась только доля лиц, относящихся к категории «прочих», к которым относились «лица интеллигентного труда», «нетрудовые элементы» и студенты неопределенной социальной принадлежности. В 1925 г. в числе контингента учащихся было 10,8% выходцев из интеллигенции, 2,3% — из «нетрудового элемента» и 0,9% — остальных. В 1927/1928 учебном году доля «лиц разных профессий» равнялась 9%, «нетрудовых элементов» — 1%. Ограничение классового принципа рекрутирования в вузах отразилось также и в уменьшении доли выпускников рабочих факультетов, тогда как в 1924/1925 учебном году их процент среди выпускников вуза был равен 43,3%, в 1925/1926 учебном году он составил лишь 28,3%[257] и продолжал снижаться (к 1 января 1925 г. упал до 15,7%)[258].

Руководство страны вернулось к политике пролетаризации студенчества в 1928 г. На июльском Пленуме ЦК ВКП(б) было принято Постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов», которым предписывалось организовать дальнейший рост числа выходцев из рабочей среды среди учащихся втузов и техникумов: в 1928 г. их доля должна была составлять не менее 65% от общего количества поступающих. В целях реализации этого постановления были организованы специальные подготовительные курсы при высших учебных заведениях, а также было принято решение за два года увеличить численность слушателей рабочих факультетов. Еще одним весомым вкладом в это дело должно

---

[255] Андрианов В.И. Косыгин. М., 2003. С. 185–186.

[256] В разных источниках имеют место разночтения в статистке, тем не менее приведенные данные верно отражают тенденции развития.

[257] Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 511.

[258] Народное образование в СССР. М., 1967. С. 185–186.

было стать решение отправлять на обучение во втузы по тысяче коммунистов в год в течение нескольких лет.

Новая чистка студенчества была проведена в 1928/1929 учебном году. В ней принимали активное участие вузовские партийные ячейки, в которые входили в основном студенты-коммунисты. Следующим шагом в пролетаризации студенчества стала отмена вступительных испытаний для выпускников техникумов[259]. А.В. Луначарский предпринимал попытки противодействовать чистке «социально чуждых» элементов из вузов, за что был лишен должности. В июле 1929 г. должность народного комиссара просвещения занял А.С. Бубнов[260].

Вектор резкого «улучшения» социального состава студенчества окончательно утвердился на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г., на котором была поставлена задача поднять процент рабочего класса среди обучающихся втузов до 70%, а в сельскохозяйственных вузах рабочих и крестьян — до 75%. Кроме того, была поставлена задача систематически проверять студенческий контингент втузов с целью выявления «враждебных элементов»[261].

Успешным был признан опыт ежегодного направления на обучение во втузы тысячи коммунистов. Специальные квоты выделялись на долю Красной армии, профсоюзов и комсомола — они также должны были внести свой вклад в улучшение состава учащихся. Таким образом, к 1928 г. доля рабочих достигла своего максимума (с 1923 г.) — 27,7%, а в технических вузах и того больше — 34,4%, партийная прослойка выросла в них до 42,3%. В то же время доля «прочих» учащихся в вузах за этот период (с 1923 по 1928 г.) снизилась с 27,8% до 6,8%[262].

«Улучшение» состава студенчества было необходимой частью ломки системы высшего образования в условиях сталинской «революции сверху». К таким радикальным переменам в высшей школе привело совпадение

---

[259] Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М., 1959. С. 535.
[260] Известия Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной коммуны и Смоленского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 14 ноября. № 267. С. 533.
[261] Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М., 1959. С. 340.
[262] Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 3.

прагматических и идеологических интересов государства.

Модернизация образования имела достаточно простой рецепт — «технизация» и «отраслирование» высшей школы, упрощенные формы обучения, новые учебно-производственные планы, которые совмещали производственную практику с теоретическим обучением. Сокращенные сроки обучения и отказ от университетской системы имели и положительную, и отрицательную стороны — значительно ускорялся и увеличивался выпуск специалистов, при этом высшая школа становилась доступной лицам, не имеющим достаточно высокого уровня образования. А.Я. Вышинский называл это «подготовкой пролетарских специалистов-массовиков»[263].

На деле нововведения были необходимы для приспособления высшего образования к нуждам промышленности: к подготовке рабочих для производств, совхозов и колхозов, которых нельзя было отрывать от производства на время учебы. В планах был и перенос целых вузов на предприятия.

Так, уже к 1931 г. около 100 тысяч студентов были переведены на обучение с непрерывной производственной практикой. Тогда же была завершена начатая в конце 1929 г. институциональная перестройка вузов и втузов, суть которой была в создании на базе факультетов небольших узкоспециализированных учебных подразделений для ускоренной подготовки специалистов по упрощенной системе обучения. К 1930 г. только на факультетах университетов было создано около 45 таких учебных заведений. Многие из них насчитывали по нескольку сотен, а иногда и десятков студентов, а также испытывали острую нехватку кадрового состава, материального обеспечения и аудиторного фонда[264].

Однако не во всех вузах пролетаризация достигла такого же уровня. Тревогу вызывал студенческий состав педагогических вузов. В 1929 г. он насчитывал 18 868 тысяч студентов, из которых представители рабочего класса составляли 23,3%, выходцы из колхозников — 0,2%, крестьяне-единоличники — 26,6%, служащие —

[263] Народное образование в РСФСР за 1923–24 год. М., 1925. С. 25.
[264] Ленин В.И. О Наркомпросе. Его же. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 5–23.

43,6% и «прочие» — 6,3%[265]. Действенным инструментом пролетаризации педагогических вузов было создание при них рабочих факультетов в 1930 г.

Реальные потребности народного хозяйства вели к разумным исключениям в политике пролетаризации; чтобы чистка не превратилась в повальные массовые отчисления, пришлось вмешаться ЦК ВКП(б) — очевидной была необходимость давать доступ к высшему образованию группам населения, имеющим достаточный уровень начальной подготовки. В июле 1931 г. решением Политбюро ЦК дети инженерно-технических работников вновь были уравнены в праве на поступление в вузы с детьми промышленных рабочих[266].

Таким образом, политика пролетаризации студенчества в 1917–1930 гг. привела к весьма противоречивым результатам: с одной стороны, она способствовала быстрому увеличению числа специалистов, которые в большинстве своем являлись выходцами из рабочих и крестьян. Для сотен тысяч граждан СССР высшее образование стало эффективным социальным лифтом. С другой стороны, массовое «орабочение» студенчества неизбежно влекло за собой трансформацию традиционной системы высшей школы.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что образовательная политика в вопросе правил приема в высшие учебные заведения на заре становления Советского государства отличалась достаточной хаотичностью и непоследовательностью, хотя и отражала общие тенденции государственной политики в ликвидации сословных барьеров и пролетаризации студенческого актива в условиях текущей социальной и политической обстановки.

Вместе с тем система квотирования мест и внимание к вопросам социального происхождения и политической лояльности лишали многих абитуриентов возможности поступления в высшую школу, несмотря на качество их образовательной подготовки.

---

[265] Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. С. 88–89.

[266] Эрде Фабрики красных спецов // Смена. 1927. № 19. С. 55.

## 2.3. Административно-правовые основы подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 годах

Формирования в новом Советском государстве система высшего образования остро нуждалась в педагогических кадрах для высшей школы, которые в полной мере соответствовали всем идеологическим стандартам политического режима. Как следует из представленных ранее обстоятельств, первоначальные попытки реформирования системы вузов страны вызывали подчас достаточно ожесточенное сопротивление со стороны старых академических кругов. Для преодоления этого сопротивления перед Советским государством стояла задача последовательного замещения старой профессуры новыми педагогическими кадрами, для чего возникала необходимость в создании соответствующих учреждений партийного образования. Подготовка высококвалифицированных педагогических кадров для высшей школы требовала соответствующей идеологической работы, что приводило к сращиванию партийного и педагогического образования. Уже в Постановлении Наркомпроса от 11 сентября 1919 г. «О выборах на педагогические должности в учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждениях»[267] требовалась рекомендация от соответствующей партийной или иной общественной организации, в которой была представлена характеристика общественно-политических взглядов педагогического работника.

Опыт построения системы партийного образования присутствовал в большевистской партии еще до революции. После 1917 г. учреждения партийного образования и науки, созданные новым режимом после революции, были посвящены задаче формирования новой интеллигенции, преобразованию образования и науки. Первостепенными учреждениями в данном ряду являются, в

[267] Постановление Наркомпроса РСФСР от 11 сентября 1919 г. «О выборах на педагогические должности в учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждениях» // Известия ВЦИК. 1919. 16 сентября.

частности, Коммунистический университет имени Свердлова и Институт красной профессуры[268], а также Коммунистическая академия (ранее — Социалистическая академия)[269], которые стали самыми выдающимися центрами большевистской подготовки и мысли в 1920-х гг.

Эти партийные институты отражали общую установку советского государства на построение системы педагогического образования для подготовки кадров высшей школы с сильным уклоном в партийно-идеологическое образование. В данных учебных заведениях широко распространялись идеи о необходимости вести новый коммунистический образ жизни в Коммунистическом университете имени Свердлова; стремление создать действительно «красного» специалиста в Институте красных профессоров; и отстаивание плановой, практической, коллективистской, ортодоксальной партийной марксистской науки в Коммунистической академии было занятием студентов-коммунистов, красных профессоров и ученых-большевиков.

В контексте ранней Советской России очевидно, что институциональное строительство в сфере высшего образования после революции не было консолидацией давно подготовленных культурных сдвигов; скорее, оно происходило одновременно с такими изменениями. Эти центры высшего партийного образования представляли собой новое поколение специфически большевистских партийных учреждений.

Эти большевистские центры также участвовали в идеологической борьбе того времени в области высшего образования, культуры, педагогики и науки. В 1920-е гг. мир послереволюционного высшего образования был невелик, и ученые и интеллектуалы в подавляющем большинстве были сосредоточены в Москве и Ленинграде. В результате центральные московские партийные институты сыграли решающую роль в десятилетнем соперничестве с государственной системой

[268] Декрет СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры» // СУ РСФСР. 1921. № 12. С. 72.
[269] Положение ВЦИК и СНК от 25 июня 1918 г. «О Социалистической академии общественных наук» // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М. : Политиздат, 1959. С. 451.

старых университетов, институтов и Академии наук, в которых все еще в той или иной степени доминировали представители беспартийной академической интеллигенции[270].

Представители молодого поколения коммунистов, работавшие в центральных органах партии в 1920-е гг., имели разное социальное и национальное происхождение. Их объединяла общая принадлежность к механизму кадровой политики партии-государства: все они прошли процедуры назначения, мобилизации, проверки, рекомендации и распределения в рамках специально созданной системы номенклатурных назначений. Данная система, сформировавшаяся в тот период и распространявшаяся на сферу высшего образования, особенно жестко регулировала статус коммунистов в вузах. Кадровая политика, таким образом, имела основополагающее значение в структурировании подготовки как партийных ученых, так и действующих политиков, и подрастающее поколение кадров было завербовано в партию и зарегистрировано в партии. Также в рамках новой кадровой системы были впервые предприняты усилия по регулированию социального состава и «пролетаризации» партии и интеллигенции[271].

Большевистские взгляды молодежи формировались, создавались группы и менялась идентичность благодаря чрезвычайно интенсивной идеологической среде, в которой воспитывались члены партии, — среде, которая включала новые институты, созданные для их подготовки, вид образования, которое они получили, и мощную власть большевистской политической культуры, в которую они были посвящены. Этот период был периодом становления, поскольку проект подготовки партийной элиты, а также институты, созданные для ее подготовки, культура и мировоззрение групп, которые принадлежали к ней, развивались одновременно.

---

[270] Tomiak J.J. Western Perspectives on Soviet Education in the 1980s. New York, NY : St. Martin's Press, 1986. P. 24.

[271] Zajda J. Educational Reform and Transformation in Russia: Why Education Reforms Fail // European Education. 2002. № 35 (1). P. 74.

Партийное высшее образование необходимо рассматривать как сеть учреждений, включающей следующие элементы: систему высшего образования, академический сектор и партийно-марксистское движение в области науки и образования. Эта «отраслевая» система имеет значение, в частности, для истории советской науки и высшего образования. Историки высшего образования редко, если вообще когда-либо рассматривали партийные школы как неотъемлемую часть послереволюционного высшего образования. Стоит отметить, что название «высшая партийная школа», присвоенное в 1920 г. Коммунистическому университету имени Свердлова, когда это учебное заведение впервые перешло с шестимесячной программы обучения на трехлетний курс обучения, представляло собой партийный эквивалент «высшей школы» или университета. Затем это название стало стандартным обозначением, записанным в устав всех коммунистических университетов и специальных учреждений, таких как Институт красных профессоров высшего уровня и «курсы марксизма Коммунистической академии». Но, возможно, потому, что история этих партийных учреждений была относительно закрытой для специалистов на протяжении длительного периода времени, или потому, что партийное образование не рассматривалось вне контекста политической пропаганды, — в то время, когда, как уже подчеркивалось, сами понятия пропаганды, просвещения и образования были размыты, — попытка партии создать альтернативную форму высшего образования в целом не была воспринята всерьез со стороны старой профессуры[272].

Из основных академических секторов 1920-х гг. — главным образом старых университетов, вузов и научно-исследовательских институтов при Наркомпросе, уникальной автономной Академии наук и институтов на базе комиссариата — партийное высшее образование столкнулось с наибольшими проблемами, но также обладало необычными преимуществами. Партийный лагерь был пронизан разногласиями по каждой дисциплине и внутрипартийными спорами, но нельзя

[272] Сватухина Е.Н. Дореволюционные социал-демократические разногласия и пролеткульт // Управление мегаполисом. 2013. № 4 (34). С. 65.

упускать из виду, что в качестве сектора высшее образование развивалось и часто действовало как единое целое. В то же время отраслевая база этого движения, столь мощная в политическом отношении, в академическом плане была достаточно незначительной силой, которая развивалась в тандеме с беспартийным высшим образованием, то есть с институтами и ценностями беспартийного академического истеблишмента в качестве основного референта[273].

Правовое положение преподавателей и статус профессорско-преподавательского состава определялись Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР»[274]. Ученые степени доктора, магистра, звания адъюнкта и все связанные со степенями и званиями права и преимущества были отменены. Начиная с первых пробных инноваций революционного подполья и заканчивая созданием единой системы партийного обучения после 1920 г., формирование учебных заведений под эгидой большевистской партии претерпело трансформацию огромного масштаба и скорости, которая затрагивает суть отношений между большевистскими кругами и партийными институтами в революционной России. Цели партийного образования, независимо от того, как часто они омрачались утилитарными политическими соображениями (отчаянная необходимость подготовки лояльных партийных кадров), в течение ряда совершенно разных периодов последовательно сочетали видение долгосрочных преобразований с императивами самой непосредственной практической пользы. Эта мощная смесь, включенная в это обучение нового типа, позволила созданию партийных школ сыграть решающую роль в расширении большевистского проекта на третьем фронте.

Тем не менее партийное образование возродилось после 1917 г. как одно из нескольких образовательных и академических движений, различные импульсы

---

[273] Smolentseva A.Yu. Challenges to the Russian Academic Profession // Higher Education. № 45 (4). 2002. P. 395.

[274] Декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789.

которых хорошо зарекомендовали себя в противовес царской политике и которые воспользовались руководством Советского государства для расширения и институционализации низшего класса, массового образования и образования взрослых. Более того, в период Гражданской войны партийное образование возникло как одна из наименее дальновидных из нескольких форм высшего образования, которые стали альтернативой дореволюционным учреждениям, поскольку в его повестке дня доминировали краткосрочные программы педагогической подготовки. Тем не менее к 1920–1921 гг. партийное обучение, от начального до продвинутого, было сформировано и как единая академическая система, и как культурно-идеологическое движение, поскольку большевистская повестка педагогического образования была одобрена и связана с партийными институтами.

Деятельность вузов была урегулирована Декретом СНК РСФСР «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших учебных заведениях РСФСР» (март 1921 г.)[275]. Был составлен обязательный общий научный минимум по общественным и естественным наукам, осенью 1922 г. перечень общественных дисциплин был дополнен.

27 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению издала Постановление «О выборности всех педагогических должностей»[276]. По мере того как в 1920-х гг. укоренились новые коммунистические институты, кодифицирующие свой собственный тип обучения и стипендий, а также укрепляющие свою собственную развивающуюся культуру и место в партийной политике, они все чаще создавали основу для модели, которой не хватало большевизму в высшем образовании, когда пришла революция. Однако в течение решающего периода 1920-х гг. партийная академия оставалась альтернативной

[275] Постановление СНК РСФСР об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших учебных заведениях РСФСР // Правда. 1921. № 54. 11 марта.
[276] Постановление Государственной комиссии по просвещению от 27 февраля 1918 г. «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей в школе» // Культурное строительство РСФСР. 1917–1927 гг.: документы и материалы: в 3 т. М.: Советская Россия, 1984. Т. 1. Ч. 1. С. 81–82.

задачей на переднем крае революционных преобразований на культурном фронте. Именно партийные школы — более марксистские, более коммунистические и более пролетарские, чем старые институты, — претендовали на звание передового фронта революции. Несмотря на решительные изменения, которые новый порядок привнес в старые университеты и колледжи, многие партийные идеологи начали анализировать высшее образование с точки зрения бинарных оппозиций между старым и новым, государством и партией, университетами и партийными школами, буржуазными и пролетарскими.

Ширились новые требования к педагогическим кадрам высшей школы. Статья 5 Декрета от 9 октября 1918 г. «О всероссийских конкурсах по замещению кафедр в вузах»[277] определяла право профессоров и преподавателей вуза быть вновь избранными на должность на основе всероссийского конкурса, если они в общей сложности находились в должности 10 лет в одном вузе или имели 15 лет учено-учебной службы вообще, как штатной, так и внештатной.

Для усиления процессов пролетаризации высшей школы началось движение за народное образование; появились новые тенденции пролетарского и партийного образования. Например, создание новых народных университетов получило одобрение Наркомпроса сразу после 1917 г. Однако если «народное» образование стало представлять собой общее образование для всех классов, то «пролетарское» образование отстаивало классовые принципы; его идеалы заключались не во «всеобщем просвещении», а в противоречивом сочетании понятий пролетаризации культуры и науки. Однако на практике, когда народные университеты подверглись нападкам за их аполитичный характер и «либеральный» акцент на просвещении ради него самого, многие просто изменили свои названия на пролетарские университеты[278].

---

[277] Декрет СНК РСФСР от 9 октября 1918 г. «О Всероссийских конкурсах по замещению кафедр в вузах» // Декреты Советской власти: в 5 т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. С. 35–38.

[278] Аронов Д.В., Кошелева С.В., Смирнов И.М. Юридическое образование в Советской России в 1917–1920 гг. (на примере учебно-методических материалов Коммунистического университета

Университеты Пролеткульта как часть массового движения за пролетарскую культуру, которая пыталась сохранить свою независимость от Коммунистической партии, были наиболее заметными образцами пролетарского образования в период Гражданской войны; однако многие из менее известных учреждений Пролеткульта, возникших в этот период, такие как Университет пролетарской культуры имени Карла Маркса в Твери, фактически сохранили традиционные учебные программы, аналогичные программам дореволюционных народных университетов, и были недостаточно пролетарскими по социальному составу. Инициатор государственной политики пролеткульта А.А. Богданов выступал с критикой даже в отношении первого пролетарского университета в Москве, который был совместно открыт Пролеткультом, Московским городским советом и местным отделом Наркомпроса весной 1918 г., но вскоре стал жертвой конфликтов между его учредителями. В марте 1919 г. Пролеткульт начал заново, открыв Пролетарский университет имени Карла Либкнехта; его 400 студентов были в основном рабочими и крестьянами, а учебная программа несла отпечаток междисциплинарных принципов пролетарской науки АА. Богданова.

Партийное образование, которое можно понимать как образовательную деятельность под эгидой учреждений Коммунистической партии, подчеркивало партийную принадлежность своих студентов и поначалу было связано почти исключительно с ускоренными курсами обучения. Но в целом партийное образование сохранило свое первоначальное сочетание практической, политической и теоретической подготовки и в это время также начало ориентироваться на массовое просвещение и на пролетаризацию высшей школы.

Безусловно, курсы для партийных работников, созданные под эгидой партии, первоначально вращались в основном вокруг быстрой подготовки агитаторов и аппаратчиков, а не рождения принципиально нового вида обучения, и в этих начинаниях до конца 1920 г. было очень мало централизации. Более того, усилия

---

имени Я.М. Свердлова) // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 3. С. 178.

партийных организаций вряд ли были отделены от усилий других советских организаций, в первую очередь Красной армии. Как и местные партийные комитеты, профсоюзы как «школа социализма» принимали активное участие в организации краткосрочных учебных курсов и подготовке членов партии, но хаотические условия Гражданкой войны препятствовали централизации до 1920 г. Практически все, что мог сделать Секретариат Центрального комитета, — это давать указания по таким вопросам, как надежность преподавательского состава.

Эти тенденции нашли развитие в Декрете СНК РСФСР от 21 января 1924 г., утвердившем положение «О научных работниках высших учебных заведений»[279]. Для комплектования научных кадров советских вузов к числу научных работников теперь относились все лица, зачисленные на учено-учебную службу в вузах, а также лица, уже состоявшие на данной службе к моменту принятия данного положения. Кадровый состав научных работников был разделен на штатных и сверхштатных сотрудников. Важным новшеством стало закрепленное в нормативном правовом акте представление о достаточной научной подготовке как условии замещения должности в вузе, причем содержание данного критерия не раскрывалось. Зато соответствие данному критерию нивелировало необходимость обязательного наличия диплома об образовании, ученой степени или звания, а равно и рекомендательных отзывов. Принятие такого подхода к укомплектованию кадрового состава советских вузов предоставляло для руководства страны широкие возможности в подборе идеологически правильных работников безотносительно к их ученому статусу.

На Пленуме ЦК ВКП(б) от 12 июля 1928 г. была принята Резолюция «Об улучшении подготовки новых специалистов»[280], поставившая ряд задач перед административно-правовой системой подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 гг. Традиционной стала установка о связи науки с техникой и

[279] Постановление Наркомпроса РСФСР от 26 ноября 1921 г. «Положение о научных работниках Высших Учебных Заведений» // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 695.
[280] Резолюция «Об улучшении подготовки новых специалистов», принятая пленумом ЦК ВКП(б) 12 июля 1928 г. // О культурном строительстве. М.: Работник просвещения, 1930. С. 184.

производством, общей ориентированностью высшей школы на решение оперативных задач промышленного и технологического развития государства. В связи с малым притоком квалифицированных научных кадров в сферу промышленного производства в качестве недостатков были отмечены избыточно долгий период подготовки специалистов в втузах (6–8 лет) и малочисленность общего ежегодного выпуска специалистов. Создание новых образовательных программ для втузов теперь ограничивали срок подготовки в 3–4 года, а масштабная подготовка специалистов в втузах и техникумах отныне должна была вестись в тесной связи с конкретным производством в соответствующей отрасли экономики.

Решением Пленума ЦК ВКП(б) от 10–17 ноября 1929 г. «О кадрах народного хозяйства»[281] были упразднены внутривузовские коллегиальные органы управления, введено единоначалие директоров высших учебных заведений, назначенных Наркомпросом. В ходе осуществляемой реформы все руководство вопросами подготовки кадров передавалось хозяйственным наркоматам и объединениям.

Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13 января 1930 г. «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР»[282] был дан старт пятилетнему плану подготовки квалифицированных специалистов для удовлетворения потребностей отдельных отраслей экономики СССР. Первостепенное значение в постановлении уделялось подготовке специалистов металлургической, химической, аграрной, машиностроительной и транспортной сфер. Для реализации задач пятилетнего плана предполагалось расширение сети учебных заведений, оснащенных соответствующим материально-техническим оборудованием и обеспечением. Для достижения целей подготовки специалистов высшей и средней категории было поручено улучшение непрерывной

[281] Резолюция «О кадрах народного хозяйства» от 10–17 ноября 1929 г. // КПСС в резолюциях. М.: Политиздат, 1970. Т. 4. С. 334–345.
[282] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 13 января 1930 г. «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР» // СЗ СССР. 1930. № 6. Ст. 65.

производственной практики с увеличением ее сроков до 50% всего учебного времени.

В принятом 23 июля 1930 г. Постановлении ЦИК и СНК СССР «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков»[283] отмечалось, что развитие экономической системы советского государства ставит в качестве неотложной задачи подготовку высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства. Для данных кадров предполагалась необходимость обладания широким кругозором по общественным и политическим вопросам. Согласно этому постановлению, образовательные учреждения передавали в ведение Высшего совета народного хозяйства (1917–1932 гг.) (ВСНХ), соответствующих наркоматов и ведомств, а сельскохозяйственные вузы — отраслевым объединениям Наркомземов СССР и союзных республик. За Наркомпросом сохранилось программно-методическое руководство работой всех без исключения учебных заведений.

Центральный комитет партии спонсировал свое собственное учебное заведение, которое стало самым выдающимся партийным учебным заведением в этот период, будущим Коммунистическим университетом имени Свердлова. Тем не менее некоторые партийные учреждения, такие как движение за образование взрослых, делали упор на общее образование, преподавание курсов естественных наук и литературных чтений, а также стремились отдавать предпочтение студентам пролетарского происхождения и передавать марксистскую и большевистскую доктрину. Иначе говоря, партийное образование в этот период нельзя четко отличить от других усилий советского государства в сфере образовательной политики или жестко отделить от народного и пролетарского образования.

Коммунистический университет имени Ленина в Туле, например, был основан Тульской партийной организацией в годовщину революции 1918 г. В бывшей женской гимназии были организованы четырехмесячные курсы для 31

[283] Постановление СНК СССР от 30 июля 1930 г. № 238 «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1967. Т. 2. С. 156–163.

коммунистки, 28 «сочувствующих» и 31 беспартийной студентки. Восьмичасовой распорядок дня сочетал общее образование (русский язык, математику, географию, историю региона, бухгалтерский учет) и политическое образование (политическая экономия, советская конституция, история революционного движения, программа партии большевиков и так далее). Партийный университет также продемонстрировал некоторую близость к движению пролетарского образования своей провозглашенной целью подготовки пролетариев к будущим руководящим должностям и своими попытками «объединить труд и науку». К 1920 г. в его составе насчитывалось 183 члена партии, 47 беспартийных студентов и 5 сочувствующих[284].

Многие ведущие большевики не считали пролетарское образование несовместимым с партийным образованием, точно так же, как лидеры Пролеткульта любили изображать свою организацию как бастион пролетарской чистоты. Н.И. Бухарин и А.В. Луначарский выступили на церемонии открытия Университета имени Карла Либкнехта. Н.И. Бухарин преподавал там, и пролетарский университет, по-видимому, пользовался некоторой поддержкой коллегии Наркомпроса. Но ректор Университета Карла Либкнехта Н.В. Розгинский из Отдела образования взрослых Наркомпроса вскоре бросил вызов Богданову и многим студентам, предложив объединиться со Университетом имени Свердлова. Центральный комитет приказал пролетарскому университету во временном закрытии в июле 1919 г. Когда в следующем году партия выступила против Пролеткульта в целом, некоторые партийные сторонники пролетарской культуры передали по партийным каналам свой проект построения новой культуры через университет нового типа[285].

---

[284] Shore M.J. Soviet Education: Its Psychology and Philosophy. New York, NY: Philosophical Library, 1947. P. 51.

[285] Никитина А.А. Правовой статус преподавателей высших учебных заведений в 1917-1930 гг.: историко-правовой аспект. История государства и права. 2022. № 12. С. 21-25.

В октябре 1920 г. Политбюро сформулировало планы по «подчинению пролеткульта партии»[286]. Это опять же было организовано с помощью предложений внутри самой организации. Для этой цели Политбюро привлекло лидера пролеткульта Лебедева-Полянского, чье участие предвещало его возвышение до главы советского цензурного агентства «Главлит». Утрата Пролеткультом организационной самостоятельности и отставка А.А. Богданова привели к перетеканию кадрового и идеологического потенциала движения в сферу партийного образования. Последнее получило приоритетный статус: усиленное финансирование, политическую значимость и идеологическую санкцию со стороны РКП(б). Параллельно с ликвидацией автономии Пролеткульта осенью-зимой 1920 г., партийное руководство инициировало систематизацию и расширение сети партийных учебных заведений. Так, на IX Всероссийской партконференции (сентябрь 1920 г.) Е.А. Преображенский предложил консолидировать разрозненные партийные и красноармейские школы в единую иерархическую структуру ("лестницу") с унифицированными учебными программами.

Формирование централизованной партийной образовательной системы в 1920 г. ознаменовалось символическим актом: новообразованный Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова инкорпорировал структуры Университета Пролеткульта и Народного университета им. А.Л. Шанявского. Последовательно монополизируя или ликвидируя ведущие институты просвещения для трудящихся, РКП(б) превратилась в ключевого субъекта образовательного пространства для взрослых, рабочих и революционных активистов. Партия позиционировала себя как преемника образовательных инициатив периода Гражданской войны, интегрируя их идеологический потенциал в новую систему.

---

[286] Постановление ЦК РКП(б) от 10 ноября 1920 г. «О Пролеткультах» // Вопросы Истории КПСС. 1958. № 1.

Первый съезд советско-партийных школ и коммунистических университетов, созванный в условиях НЭПа, зафиксировал трансформацию экстренных образовательных инициатив в институционализированную систему, претендующую на создание альтернативной модели высшей школы. Принятая съездом резолюция констатировала эволюцию задач: если дореволюционные подпольные кружки давали агитаторам базовые знания марксизма, а в период Гражданской войны доминировала краткосрочная подготовка управленцев, то новая экономическая политика создала условия для подготовки: лояльных специалистов с высшим образованием; теоретиков, способных противостоять буржуазной идеологии; политических руководителей пролетариата[287]. Теперь появилась возможность подготовить новых лояльных специалистов, теоретиков, способных бороться с буржуазным мировоззрением, лидеров пролетариата и настоящих ученых для продвижения марксистской науки. Если партийное образование всегда включало как непосредственные политические императивы, так и видение долгосрочных преобразований, его постреволюционное возрождение в условиях Гражданской войны парадоксальным образом усилило утилитарный импульс.

Переход к НЭПу также был связан с попытками взять под контроль старые университеты. В 1922 г. развернулась кампания против идеализма в высшем образовании и активно начала формироваться система партийного образования.

На Всесоюзной конференции коммунистических ячеек вузов, рабфаков и высших партийных школ в апреле 1922 г. глава Московского бюро студентов-коммунистов сказал студентам-активистам, что они стали свидетелями «самой жестокой классовой борьбы» в высшем образовании по «вопросу, кто будет будь хозяином»[288]. Отражая уверенность ячеек, резолюция конференции отмечала, что текущие события доказали, что коммунистическое студенчество является

[287] Петрова И.А., Кибасова Г.П., Медведева Л.М. Политика в области культуры в первые годы советской власти // Вестник Волгоградской медицинской академии : сб. науч. трудов. 1998. Т. 54. № 4. С. 186.
[288] Sadlak J. Globalization versus the Universal Role of the University // Higher Education in Europe. XXV (2). 2000. P. 243.

единственной основой, на которую государство может положиться при реструктуризации высшей школы. Студенческие ячейки требовали права помогать определять всю политику партии, влияющую на «строительство в сфере образования»[289].

В условиях угрозы их автономии и хаотических проблем с финансированием, возникших в результате введения НЭПа, преподаватели Московского высшего технического училища объявили забастовку весной 1921 г. В начале 1922 г. в связи с новым университетским уставом (но набирающим обороты не в последнюю очередь из-за нерегулярно выплачиваемых и мизерных профессорских зарплат в Москве, Петрограде и Казани вспыхнули «профессорские забастовки». А.В. Луначарский попросил Центральный комитет перевести его с факультета Московского университета в Коммунистический университет имени Свердлова, потому что студенты организовали «что-то вроде бойкота» его занятий и пришли только студенты рабфака. Политбюро, неизменно менее склонное к революционному наступлению, которое могло бы разрушить беспартийное высшее образование, чем многие чиновники Наркомпроса, «красные» ученые и студенты-коммунисты, приказало «немедленно» и «мирно» ликвидировать забастовку 6 февраля. Последовали еще три постановления Политбюро о немедленном улучшении «материального положения» в высших учебных заведениях, а Преображенскому и Покровскому были объявлены выговоры за невыполнение указаний о прекращении забастовки. 13 февраля Преображенский, лидер Социалистической академии, чья жесткая позиция была обусловлена его поддержкой новых партийных институтов, вышел из состава специальной «комиссии Политбюро по высшему образованию». Но Политбюро не пошло на примирение; оно улучшило материальные условия, но также постановило сократить число высших учебных заведений и профессоров.

---

[289] Никуленкова Е.В. Проблема обеспечения института красной профессуры преподавателями в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 59.

Проблема материального обеспечения научных кадров в раннесоветский период требовала срочного государственного решения. В 1921–1922 гг. была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦКУБУ). Ее экспертный совет возглавляли видные партийные интеллектуалы М.Н. Покровский и О.Ю. Шмидт; в состав также вошли представители Академии наук и беспартийные деятели науки. Инфраструктура комиссии включала 18 региональных отделений, реализующих программу социальных гарантий для научного сообщества, ключевым элементом которой стала организация сети специализированных санаториев. Как отмечал в мемуарах экономист ВСНХ Н.В. Валентинов (Вольский), политика НЭПа вызвала среди специалистов значимый психологический перелом: многие восприняли ее как отход от доктринальных установок, сковывавших профессиональную деятельность и повседневное существование в годы военного коммунизма.[290].

Становление системы коммунистического образования в 1920-е годы характеризовалось институциональной амбивалентностью: с одной стороны, она интегрировалась в структуры агитации и пропаганды (агитпроп), с другой — претендовала на развитие марксистской теоретической мысли. Несмотря на расширение типологии учебных заведений в первой половине десятилетия, система сохраняла преемственность с дореволюционными целевыми установками. Однако мобилизация ресурсов партийно-государственного аппарата (несмотря на экономические трудности раннесоветского периода) позволила реализовать принцип функциональной специализации в рамках иерархии учреждений.

Эволюция сети высших партийных учебных заведений в 1920-е годы характеризовалась развитием функционального профилирования. В рамках создаваемой иерархии возникли институты, целевым образом ориентированные на подготовку специфических категорий управленческих кадров. Типичным примером такой специализации являлись Центральные курсы по подготовке

[290] Никуленкова Е.В. Подготовка философов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е гг. // Клио. 2018. № 6 (138). С. 98.

секретарей уездных комитетов РКП(б) (Курсы секретарей укомов), созданные по решению ЦК для формирования корпуса будущих руководителей регионального звена парт аппарата. Курсы Коммунистической академии по марксизму, начатые в 1922 г., были направлены на повышение теоретических знаний как начинающих партийных политиков, так и потенциальных ученых-марксистов[291].

Подготовка ключевых кадров для работы с этническими меньшинствами, политическими эмигрантами и зарубежными коммунистическими организациями была институционализирована в системе двух профильных вузов: Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ). Помимо базового цикла марксистско-ленинских дисциплин (политэкономия, диалектический и исторический материализм, история ВКП(б) и международного социалистического движения), учебные программы данных учреждений акцентировали прикладную политико-практическую подготовку для революционной деятельности в странах происхождения обучающихся.

Партийные образовательные институты академической направленности концентрировались на реализации трех стратегических задач: разработке марксистской теоретической базы, развитии научного знания (первоначально в рамках общественных наук) и совершенствовании педагогических методик. В условиях перехода к НЭПу, сопровождавшегося расширением программ коммунистических университетов до трех- и четырехлетнего цикла, данные учреждения трансформировались в элементы параллельной системы высшего образования.

Учебные программы данных вузов сохраняли приоритет социально-гуманитарных дисциплин при значительном включении общеобразовательных компонентов (лингвистика, математика, естествознание), формируя модель междисциплинарной подготовки. На вершине партийной научно-образовательной

[291] Плютто П.А. Бухарин Н. К съезду пролеткульта. Богданов А. Открытое письмо тов. Бухарину (научная публикация архивных документов) // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 115.

иерархии располагались Институт красных профессоров и Коммунистическая академия, ключевой задачей которых являлась подготовка профессуры-марксистов, научных кадров и партийных теоретиков нового поколения. К середине 1920-х гг. сформировалась группа из трех ведущих партийных научно-исследовательских центров: наряду с Коммунистической Академией, статус флагманов марксистской науки получили Институт В.И. Ленина и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Фактически их можно рассматривать как представляющих два полюса в мире партийной науки[292].

Учреждение Института Ленина в 1924 году[293] стало институциональным воплощением формирующегося культа вождя. На институт возлагались ключевые функции: систематизация и публикация литературного наследия В.И. Ленина; формирование централизованного архива документов по истории ленинизма; научно-текстологическая обработка материалов.

Институт Маркса — Энгельса, напротив, находился под руководством всемирно известного ученого-марксиста Давида Рязанова и возник до 1921 г. как секция Социалистической академии. В 1921 году по инициативе Д.Б. Рязанова было принято решение Оргбюро ЦК РКП(б)[294], регламентировавшее кадровую политику института с допуском к работе беспартийных специалистов-марксистов. На протяжении 1920-х гг. институт получил системную ресурсную поддержку для реализации двух стратегических проектов: формирование мирового центра документации по марксизму (крупнейший специализированный фонд литературы); создание уникального архива по истории социалистического движения.

Агитпроп, до 1920 г. просто координационный комитет представителей множества учреждений, участвующих в распространении идей партии, которому не хватало сильного руководства и четкого мандата Центрального комитета,

---

[292] Долгова Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2 (12). С. 50.

[293] Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997. С. 104.

[294] Рокитянский Я.Г. Давид Борисович Рязанов // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 79.

появился в следующем году в качестве главного конкурента Главполитпросвета. Полномочия и устремления агентства возросли сразу, и его статус был повышен благодаря тому факту, что укрепление аппарата Центрального комитета стало ключевым фактором в целом сложном сдвиге в отношениях между партией и государством[295] в этот период в сторону партии[296].

Агитационно-пропагандистский отдел сыграл ключевую роль в формировании образовательной среды в 1920-ее гг. в Советском Союзе. Главным достижением Агитпропа в период с 1923 по 1926 г. было ориентирование учебных программ партийных школ на дисциплины, тесно связанные с текущей партийной политикой. Такой подход позволял более эффективно реагировать на вызовы времени и создавать кадры, способные легко адаптироваться к изменяющейся политической ситуации. Агитпроп также отстаивал идею о том, что высшие партийные школы должны выпускать «практических» партийных политиков, а не, как в 1921–1923 гг., делать упор на подготовку эрудированных теоретиков и ученых-марксистов. Главная задача заключалась в подготовке активных партийных работников, обладающих практическим опытом и навыками организаторской работы. Это означало, что обучение должно учитывать потребности местных организаций и специфику их работы. Программа была ориентирована на создание единого коммунистического фронта, где каждый партийный работник мог внести свой вклад в развитие страны и партии. Агитпроп использовал свою рабочую силу для централизации и стандартизации учебных программ партийных школ и усиления регулирования отбора учащихся, медленно, но неуклонно продвигаясь к цели дальнейшей пролетаризации и повышения требуемой партийной квалификации.

Господство агитпропа в регулировании партийного образования не просто преувеличивало разделение между коммунистическими институтами и

---

[295] Fox D. Revolution of the Mind: Higher Learning and the People. Ithaca : Cornell University Press, 2016. P. 45

[296] Левшин Б.В., Артизов А.Н. М.Н. Покровский о В.И. Ленине: стенограмма выступления в институте красной профессуры 7 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 106.

профсоюзами. Агитпроп с самого начала был уполномочен заниматься программой «социального минимума» в высших учебных заведениях. Агитпроп оказывал значительное воздействие на беспартийное высшее образование, в первую очередь благодаря своему регулирующему влиянию на сильные студенческие партийные организации. В 1923 году Агитпроп, при содействии руководителя коммунистического студенческого бюро Н. Д. Зелинского, инициировал специальное расследование партийных ячеек в Петроградском университете. В рамках данного расследования Зелинский обнаружил «элементы коррупции, ревизионизма, оппортунизма и других отклонений в ячейках», глава агитпропа Бубнов пролоббировал в Секретариате Центрального комитета разрешение на проведение аналогичных расследований в вузах по всей стране. В результате была выпущена циркулярная директива для губкомов партии, предписывающая создание специальных следственных комиссий. Эти комиссии должны были возглавляться представителем агитпропа губкома, представителем пролетарского студенчества и коммунистом из местного отдела Наркомпроса[297].

После 1924 г. возобновились попытки укрепить партийный оплот в государственных институтах. Специальная комиссия Центрального комитета, начавшая работу в декабре 1924 г., создала новые кафедры ленинизма и истории партии в вузах и усилила партийный состав преподавательского состава социального минимума. Однако эти усилия мало что изменили в вузах в целом: почти все преподаватели-коммунисты в высших учебных заведениях были сосредоточены на курсах социального минимума.

Доктор исторических наук Сидорова Л. А., анализируя данные Наркомпроса отмечает, что из более чем 12 500 преподавателей в 17 университетах и 86 вузах в 1925 г. в РСФСР только 6,1% были членами партии. Эта цифра незначительно увеличилась к 1928 г., и даже в то время она составляла всего несколько процентных пунктов по сравнению с числом учителей-коммунистов в вузах в

[297] Сидорова Л.А. Историографическое наследие в новых образовательных стратегиях коммунистических университетов 1920-х годов // История и историки: Историографический вестник. 2021. Т. 2019. С. 100.

начале 1920-х гг. Данная цифра была практически одинаковой для исследователей и ученых в целом. Согласно данным Центрального комитета, из 1590 коммунистов, классифицированных как научные работники в СССР в 1929 г. (исключая Узбекистан и Туркменистан), 42% были в Москве[298] и 61,4% были в области общественных наук. Однако члены партии составляли всего 6,3% от общего числа 25 286 научных работников страны[299].

В самой системе партийного образования было широко распространенное представление о том, что существуют большевистские институты. Партийные учебные заведения служили не только центрами марксистских общественных наук, но и способствовали формированию культуры и инструментов социализации. Это стало особенно заметно, когда партийное образование разработало свои стратегии для иностранных коммунистов. Партийное образование способствовало выработке общей политической культуры, основанной на идеях классовой борьбы, коллективизма и интернационализма. Обучение в партийных учебных заведениях включало элементы не только теоретических, но и практических занятий, направленных на развитие навыков политической агитации и организации. Курсы Коминтерна и Ленинская школа после 1925 г. включались в систему партийного образования большевиков. Агитационно-пропагандистский отдел занимал ключевую позицию в создании учреждений Коминтерна, а преподавательский состав формировался из Института красной профессуры, а также центральных коммунистических университетов. Советский Союз активно делился своим опытом и моделями партийного образования с зарубежными компартиями, что помогло укрепить международное коммунистическое движение. Примечательно, что исполнительный комитет Коминтерна создал школу как одно из средств «большевизации» иностранных коммунистических партий.

---

[298] Fox D. Revolution of the Mind: Higher Learning and the People. Ithaca: Cornell University Press, 2016. 82 p.

[299] Vucinich A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 43.

Динамика преобразовательной деятельности государства в области организации системы высшего образования в начале 1930-х гг. приводит к формированию принципиально новой модели высшей школой, особым направлением деятельности в которой становится подготовка кадров в области естественнонаучных и физико-математических дисциплин. Для этого повергаются основательному реформированию высшие учебные заведения, прежде всего, университеты, из состава которых постепенно вытесняются гуманитарные и хозяйственные факультеты, а на замену им приходят подразделения, отвечающие за подготовку по точным и естественнонаучным дисциплинам. Гуманитарные и социальные науки получают обособленную сеть институтских учреждений как специализированных вузов, ответственных за подготовку кадров в соответствующих областях научного знания.

Ключевые города европейской части СССР, в которых уже существуют крупные университетские учреждения, обогащаются за счет открытия новых корпусов для факультетов естественнонаучной направленности. Увеличиваются квоты для приема абитуриентов на новые факультеты, что также предполагало необходимость для государства увеличивать объемы финансирования новых подразделений, что предполагало также «реформирование институциализированных каналов доступа к высшему образованию с целью облегчения доступа рабочих»[300].

Расширение и углубление сети высших учебных заведений потребовало от государства принятия соответствующих правотворческих решений по формированию нового административно-правового режима их деятельности. Так, Советское государство устанавливает единые стандарты стипендиальной поддержки, как студентов вузов, так и обучающих в технических учебных заведениях и на рабочих факультетах. Дефицит кадров в той или иной отрасли народного хозяйства компенсируется за счет увеличения материальной поддержки

[300] Шпаковская Л.Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 44.

обучающихся, что выступает положительным импульсом для притока новых студентов в соответствующие области высшего образования. Например, Постановление Совнаркома СССР «О порядке стипендиального обеспечения студентов вузов, втузов и рабфаков» от 10.02.1933 г. №181[301] устанавливает повышенный уровень стипендиальной поддержки в диапазоне от 150 до 175 рублей в месяц.

Внимание государства привлекает к себе проблемы организации технического образования, которые множились в результате форсированного увеличения специализированных учебных заведений, а также слабость материально-технического обеспечения и низкого уровня теоретической подготовки обучающихся. Перед государством вставала задача обеспечения органичного сочетания теоретической и практической подготовки студентов без ущерба для формирования целостного мировоззрения обучающихся, основанного на основных постулатах официальной политической идеологии.

В Постановлении ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» были изложены основные принципы и положения, избранные государством для реформирования дидактических программ высшего образования. Прежде всего, государство ставило задачу качественного преображения учебного процесса, для чего требовалась разработка новых учебных планов и программ. Системный подход к формированию личности обучающегося основывался на сочетании дисциплин общего и специального профиля. Это потребовало ликвидации многопредметности учебного плана, а также устранения избыточной детализации программы обучения. Дифференциация сроков обучения в зависимости от характера образования также стала значимым шагом на пути реформирования высшей школы. Так, технические специальности могли предполагать сниженные сроки профессиональной подготовки, в то время как

[301] Постановление СНК СССР от 10.02.1933 №181 «О порядке стипендиального обеспечения учащихся вузов, втузов, техникумов и рабфаков» // СЗ СССР. 1933. №11. Ст. 55.

фундаментальное образование требовало более значительного времени для обучения специалиста (до пяти лет).

Модель высшего образования становилась все ближе к дореволюционным практикам, поскольку происходил постепенный процесс отхода от наиболее радикальных практик реформирования высшей школы и возврат к наиболее апробированным и зарекомендовавшим себя в дидактической науке техникам подготовки специалистов для нужд народного хозяйства.

Доминирование коллективистских практик в организации высшего образования постепенно сокращалось за счет увеличения индивидуального подхода к дидактическому процессу. Возможность выпуска высококвалифицированных специалистов напрямую зависела от степени материально-технической оснащенности университетов, лабораторной базы для проведения экспериментальных работ, что вновь заставляло государство обращаться к проблемам организации снабжения учебных заведений, когда «флагманские вузы, на которые были возложены дополнительные функции, получали дополнительные средства»[302].

Индивидуальный подход к подготовке специалистов был расширен за счет увеличения доли лекционной подготовки и формированию развернутой системы контроля знаний, в том числе посредством проведения индивидуальных зачетов, подготовки практических работ и проведения семинарских занятий.

Дополнительным средством повышения качества подготовки будущих специалистов стало ужесточение требований к абитуриентам. В программу конкурсных испытаний стали включаться предметы из естественнонаучного цикла, что позволяло оценивать подготовку будущих студентов уже на стадии поступления в учебное заведение. Унификации также подвергался сам учебный процесс в высшей школе, в том числе за счет установления единого режима работы. Для вузов технической направленности был создан профильный комитет, который

[302] Лешуков О.В., Фрумин И.Д. Флагманские университеты: от советского опыта к поиску новой модели // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4 (110). С. 25.

утверждал единые учебные планы и дидактические методики, они «стали стандартными организациями, понятными и удобными для планирования объектами»[303].

Важные фактором реформирования системы высшего образования стало создания системы послевузовского распределения специалистов, которая в первую очередь, была ориентирована на удовлетворение потребностей народного хозяйства. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15.09.1933 г.[304] устанавливало обязанность для каждого выпускника отработать пятилетний срок после окончания высшей школы. Каждый наркомат самостоятельно определял предприятия, на которые должны были направляться специалисты, а также устанавливал количественные нормативы требовавшихся для нужд экономики специалистов. Для обеспечения соблюдения этой обязанности в законодательстве устанавливался соответствующий правовой запрет, нарушение которого влекло за собой наступление юридической ответственности, вплоть до самой строгой уголовной ответственности.

Дополнительной мерой для усиления контроля за определением выпускников стало введение ценза отработки для лиц, окончивших среднее учебное заведение перед их поступлением в вуз. Так, выпускник технического училища должен был отработать не менее трех лет перед тем, как у него возникало право на поступление в высшую школу, поскольку «предварительное участие в общественно полезном труде – обязательное условие для поступающих в вузы»[305].

Это стало положительным условием для привлечения выпускников к работе по специальности, что отвечало нуждам народного хозяйства. Реформированию подвергалась и академическая сфера, которая выступала источником для подготовки кадров преподавательского состава для высшей школы. В системе

---

[303] Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «Мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 18.
[304] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.09.1933 «Об улучшении использования молодых специалистов» // СЗ СССР. 1933. №59. Ст. 356.
[305] Шебанов А.Ф. Студенты юридических вузов в СССР. правила приема и условия обучения в юридических вузах СССР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15. С. 9.

организации научно-педагогического состава вузов вводилась новая номенклатура специальностей, в том числе должности научных сотрудников и действительных членов учреждения. Также была введена система аттестации для научных сотрудников государственных образовательных учреждений.

Можно сделать вывод, что подготовка кадров для высшей школы в 1917–1930 гг. стала актуальной задачей советской образовательной политики в условиях формирования общесоюзной сети университетов и необходимости замещения старой дореволюционной профессуры новыми высококвалифицированными кадрами, подготовленными для высшей школы. Основу подготовки таких кадров составили университеты партийного образования, прежде всего Коммунистический университет имени Свердлова и Институт красной профессуры.

Подводя итоги второй главы, необходимо сделать следующие выводы.

1. Процесс становления системы государственного управления высших учебных заведений в 1917–1930 гг. характеризовался постепенным выстраиванием централизованной иерархически соподчиненной совокупности общесоюзных и территориальных органов управления. Генеральной тенденцией данного периода в государственном управлении сферой высшего образования стала последовательная ликвидация университетской автономии и полное подчинение образовательного процесса политико-идеологическим принципам Советского государства.

2. Административно-правовые основы подготовки кадров для высшей школы в 1917–1930 гг. характеризуются необходимостью укомплектования педагогического состава высшей школы кадрами, которые в полной мере соответствовали всем идеологическим стандартам политического режима. Подготовка высококвалифицированных педагогических кадров для высшей школы требовала соответствующей идеологической работы, что приводило к сращиванию партийного и педагогического образования. Созданные в стране партийные институты отражали общую установку Советского государства на построение

системы педагогического образования для подготовки кадров высшей школы с сильным уклоном в партийно-идеологическое образование.

3. В результате проведенного реформирования в 1930-е годы возникла новая модель организации образовательного процесса в высшей школе, которая отвечала нуждам новой советской государственности и задача форсированного развития отраслей народного хозяйства СССР.

## Заключение

В результате анализа процесса формирования и развития системы административного регулирования советской высшей школы в 1917–1930 гг. были рассмотрены вопросы организации государственного управления и правового обеспечения системы высшего образования в Советском государстве в обозначенный исторический период. Фундамент нарождающегося социалистического законодательства в сфере управления высшей школой составляли ключевые идеологические постулаты большевизма, ориентированного на построение нового советского общества, лишенного традиционных классово-сословных различий и дифференцированного подхода к получению высшего образования. Свободный доступ к образованию для всех социальных групп был провозглашен в качестве одной из целей гражданской организации пролетарского общества. Реформа академического образования в молодом Советском государстве предполагала ликвидацию неравенства и устранение дискриминации по национальному и тендерному признакам. Пролетариат рассматривался в качестве основного источника формирования новой интеллигенции, сочетающей в себе высокий образовательный уровень с базовыми принципами коммунистической морали и идеологии.

Каркас новой академической системы Советского государства, строительство которого заняло почти два десятилетия, был образован системой административно-правовых актов, регламентирующих основы государственного управления высшей школой. Как предмет административно-правового регулирования высшее образование в СССР требовало построения иерархически-соподчиненной системы органов государственной власти, деятельность которых требовала соответствующего уровня нормативно-правового обеспечения. Первоначальный этап становления социалистического законодательства дроблением субъектов правотворчества и неоднородным характером издаваемых правовых актов, подчас лишенных иерархической соподчиненности. Система

источников советского права отличалась широким разнообразием и новизной отдельных его форм. Корпус административного законодательства в сфере управления системой высшего образования включал в себя нормы советских конституций, законов и подзаконных актов. Последние были представлены декретами, резолюциями, постановлениями исполнительных комитетов, декларациями (воззваниями), положениями, циркулярами и инструкциями. Особой формой советского права стало революционное правосознание. В ходе исследования была предложена классификация правовых актов советского законодательства об образовании в 1917–1930 гг., исходя из определенности их содержания (акты декларативного, общего и конкретно-определенного характера) и субъекта нормотворчества (акты уполномоченных органов публичного управления и партийные акты). Генеральной формой административного законодательства в сфере высшего образования стал декрет.

Первостепенной задачей административного законодательства 1917–1930 гг. в сфере высшего образования стало построение новой университетской системы, ориентированной на решение оперативных задач построения и развития новой социальной и экономической реальности. Демократизация учебно-образовательного процесса в высшей школе сочеталась с поэтапным реформированием уже существующих университетов и созданием новых вузов, ориентированных на обеспечение учебно-методического единства высшей школы и усиление марксистко-ленинского начала в образовательном процессе.

Формирование системы государственного управления в сфере высшего образования было подчинено складывающейся центр-периферийной модели развития Советского государства. Основой данной модели политико-пространственного развития страны стала высокая концентрация властных полномочий в административной столице федеративного государства с последующим их перераспределением на местный уровень. Ключевым ведомством, осуществляющим реализацию государственной политики в сфере высшего образования, стал Народный комиссариат просвещения РСФСР и

созданные по аналогии соответствующие ведомства в союзных республиках. Система союзного управления высшей школы были ориентирована на автономизацию и спецификацию деятельности наркоматов просвещения на местном уровне, учет национальных и культурных особенностей развития конкретного региона страны. Период 1920-х гг. ознаменовался трансфертом властно-административных полномочий по вопросам организации высшего образования от органов общесоюзного значения к руководящим ведомствам союзных республик. Пролетаризация высшей школы, рассматриваемая в качестве метода распространения пролетарской культуры среди этнических меньшинств, стимулировала открытие вузов в национальных республиках, в том числе и для подготовки местных кадров для органов государственной власти. Сеть местных вузов стала решающим фактором формирования нового образовательного ландшафта Советского государства.

Процесс вовлечения периферийно-окраинных территорий Советского государства в единый общесоюзный процесс подготовки высококвалифицированных кадров потребовал нового подхода к отраслевой профилизации университетов. На базе концепции политехнического образования были выдвинуты и претворены в жизнь инициативы создания вузов со специализированной практической ориентацией. Организационная интеграция вуза в конкретное местное предприятие и включение практической работы студентов на этом предприятии в обязательную учебную программу решали задачу трудоустройства выпускников и удовлетворяли потребности государства в кадрах. Специализации отражали обширный перечень узкоопределенных профессий в различных отраслях советской экономики.

Система государственного управления высших учебных заведений 1917–1930 гг. была выстроена по принципу вертикально ориентированной иерархии, обеспечивающей административную связку подчинения от высших органов государственной власти через ведомственные органы к каждому конкретному вузу и системе органов самоуправления внутри него. Последовательное вытеснение из

академических кругов сомнительных с точки зрения идеологической благонадежности элементов способствовало созданию организационной конструкции высшего образования, которая была неразрывно связана с идеологией Коммунистической партии и советской автократией. Анализ официальных документов и политических заявлений, опубликованных советским правительством в период 1917–1930 гг., демонстрирует общие усилия партийно-государственного аппарата по стандартизации учебно-образовательного процесса с неизменным включением в его состав ярко выраженного идеологического компонента. Внедрение методов прямого административно-правового регулирования процесса получения высшего образования привело к упразднению остатков самоуправления в высшей школе.

Специальным вектором реализации идеологической политики государства стало формирование системы партийного образования путем учреждения государственных вузов, занятых подготовкой «красных» специалистов, включая и кадры для высшей школы как таковой. Сращивание партийного и педагогического образования привело к появлению партийных институтов, которые стали результатом общей установки Советского государства на построение системы педагогического образования для подготовки кадров высшей школы с сильным уклоном в партийно-идеологическое образование. В результате к концу 1920-х гг. в советском государстве была выстроена централизованная система административно-правового управления сферой высшего образования, отражавшая уникальные тенденции пролетаризации учебно-образовательного процесса, сочетавшиеся с нейтрализацией университетской автономии и полным подчинением образовательного процесса политико-идеологическим принципам советского государства.

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

**Нормативные правовые акты**

1. Декларация прав народов России: [утв. СНК РСФСР 02.11.1917] // СУ РСФСР. – 1917. – № 2. – Ст. 18.

2. Декларация о правах трудящегося и эксплуатируемого народа: [принята III Всероссийским съездом Советов 13.01.1918] // СУ РСФСР. – 1918. – № 15. – Ст. 215.

3. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Об учреждении Совета Народных Комиссаров (СНК) // СУ РСФСР. – 1917. – № 1. – Ст. 1.

4. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.11.1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // СУ РСФСР. – 1917. – № 3. – Ст. 31.

5. Декрет СНК РСФСР, Наркомпроса РСФСР «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» : [утв. ВЦИК 09.11.1917] // СУ РСФСР. – 1917. – № 3. – Ст. 32.

6. Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Известия ВЦИК. – 1918. – 6 авг. (№ 166).

7. Декрет СНК РСФСР от 26.06.1918 «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)» // СУ РСФСР. – 1918. – № 46. – Ст. 551.

8. Декрет СНК РСФСР от 01.10.1918 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» // СУ РСФСР. – 1918. – № 72. – Ст. 789.

9. Декрет СНК РСФСР от 09.10.1918 «О Всероссийских конкурсах по замещению кафедр в вузах» // Декреты Советской власти. В 5 т. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С. 35–38.

10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918] // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

11. Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918 «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» // СУ РСФСР. – 1918. – № 86. – Ст. 900.

12. Положение ВЦИК и СНК от 25.06.1918 «О Социалистической академии общественных наук» // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Политиздат, 1959. – С. 451.

13. Постановление Государственной комиссии по просвещению от 27.02.1918 «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей в школе» // Культурное строительство РСФСР. 1917–1927 гг.: документы и материалы: в 3 т. Т. 1. Ч. 1. – М. : Советская Россия, 1984. – С. 81–82.

14. Постановление Народного комиссариата по просвещению от 12.02.1918 № 859 «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» // СУ РСФСР. – 1918. – № 49. – Ст. 573.

15. Постановление Наркомпроса РСФСР от 11.09.1919 «О выборах на педагогические должности в учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждениях» // Известия ВЦИК. – 1919. – 16 сент.

16. Постановление Народного комиссариата по просвещению РСФСР «О преобразовании петроградских высших учебных заведений» // СУ РСФСР. – 1919. – № 41. – Ст. 456.

17. Декрет СНК РСФСР от 29.01.1920 «О преобразовании Секции профтехобразования в Главный комитет профтехобразования (Главпрофобр)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – С. 37–38.

18. Декрет СНК РСФСР от 29.07.1920 «Об учебной профессионально-технической повинности» // СУ РСФСР. – 1920. – № 70. – Ст. 325.

19. Декрет СНК РСФСР от 04.06.1920 «О высших технических учебных заведениях» // СУ РСФСР. – 1920. – № 53. – Ст. 234.

20. Декрет СНК РСФСР от 10.06.1920 «Об откомандировании студентов высших технических учебных заведений для летней практики» // Известия ВЦИК РСФСР. – 1920. – 17 июня.

21. Декрет СНК РСФСР от 19.11.1920 «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» // СУ РСФСР. – 1921. – № 1. – Ст. 782.

22. Постановление ЦК РКП(б) от 10.11.1920 «О Пролеткультах» // Вопросы истории КПСС. – 1958. – № 1.

23. Декрет СНК РСФСР от 14.01.1921 «О срочном выпуске специалистов» // СУ РСФСР. – 1921. – № 20. – Ст. 111.

24. Декрет СНК РСФСР от 11.02.1921 «О Народном Комиссариате по Просвещению (Положение)» // СУ РСФСР. – 1921. – № 12. – Ст. 78.

25. Декрет СНК РСФСР от 11.02.1921 «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры» // СУ РСФСР. – 1921. – № 12. – Ст. 72.

26. Постановление СНК РСФСР о плане организации факультетов общественных наук российских университетов // Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля – 31 марта 1921 г. – М. : Политиздат, 1989. – С. 128–132.

27. Постановление СНК РСФСР об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших учебных заведениях РСФСР // Правда. – 1921. – 11 марта (№ 54).

28. Декрет ВЦИК РСФСР от 27.10.1921 «О воспрещении обязательного взимания платы во всех советских учебных заведениях» // СУ РСФСР. – 1921. – № 76. Ст.629.URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4314 (дата обращения: 16.03.2022).

29. Постановление Наркомпроса РСФСР от 26.11.1921 «Положение о научных работниках Высших Учебных Заведений» // СУ РСФСР. – 1921. – № 80. – Ст. 695.

30. Декрет СНК РСФСР от 02.09.1921 «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. – 1922. – № 63. – Ст. 803–809.

31. Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 «Положение о Высших Учебных Заведениях» // СУ РСФСР. – 1922. – № 43. – Ст. 518.

32. Кодекс законов о народном просвещении УССР 1922 г. // СУ Украины. – 1922. – № 49. – Ст. 729.

33. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик : [принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922] // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. – М., 1960. – С. 18.

34. Декрет СНК РСФСР от 06.03.1923 «Об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда» // СУ РСФСР. – 1923. – № 23. – Ст. 271.URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4314 (дат а обращения: 16.03.2022).

35. Декрет СНК РСФСР от 22.03.1923 «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата народного просвещения» // СУ РСФСР. – 1923. – № 28. – Ст. 326.– URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4314 (дата обращения: 16.03.2022).

36. Декрет СНК РСФСР от 22.05.1923 «О порядке прохождения практики студентами и оканчивающими высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. – 1923. – № 49. – Ст. 484.

37. Декрет СНК РСФСР от 04.07.1923 «О возмещении личным трудом государственных стипендиатов студентов высших учебных заведений расходов, понесенных государством на их содержание» // СУ РСФСР. – 1923. – № 66. – Ст. 643.

38. Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «О народном комиссариате по делам национальностей» // СУ РСФСР. – 1923. – № 107. – Ст. 1033.

39. Декрет СНК РСФСР от 18.02.1924 «Положение о рабочих факультетах» // СУ РСФСР. – 1924. – № 19. – Ст. 190.

40. Декрет СНК РСФСР от 21.01.1924 «Положение о научных работниках высших учебных заведений» // СУ РСФСР. – 1924. – № 7. – Ст. 44.

41. Декрет СНК РСФСР от 06.11.1924 о государственных стипендиях для студентов высших учебных заведений и рабочих факультетов // СУ РСФСР. – 1924. – № 85. – Ст. 869.

42. Декрет СНК РСФСР Положение о преподавателях рабочих факультетов от 28.06.1924 // СУ РСФСР. – 1924. – № 57. – Ст. 567.

43. Постановление ВЦИК от 15.10.1924 «О мероприятиях по народному просвещению» // Известия НКТ СССР. – 1925. – № 27–28.

44. Декрет СНК РСФСР от 08.07.1925 о государственных квалификационных комиссиях при высших учебных заведениях // СУ РСФСР. – 1925. – № 22. – Ст. 162.

45. Декрет СНК РСФСР об изменении некоторых статей положения о высших учебных заведениях от 03.07.1925 // СУ РСФСР. – 1925. – № 2. – Ст. 15.

46. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 05.10.1925 «О Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. – 1925. – № 71. – Ст. 561.

47. Декрет СНК РСФСР от 11.12.1925 о поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения // СУ РСФСР. – 1926. – № 3. – Ст. 6.

48. Декрет СНК РСФСР от 24.03.1926 о порядке возмещения расходов, понесенных государством на содержание студентов-стипендиатов // СУ РСФСР. – 1926. – № 16. – Ст. 132.

49. Декрет СНК РСФСР от 23.11.1926 «Об изменении сети просветительных и научных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. – 1926. – № 31. – Ст. 237.

50. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) от 17.06.1926 // Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 4. – С. [указать страницы].

51. Резолюция «Об улучшении подготовки новых специалистов», принятая Пленумом ЦК ВКП(б) 12.07.1928 // О культурном строительстве. – М. : Работник просвещения, 1930. – С. 184.

52. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 13.01.1930 «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР» // СЗ СССР. – 1930. – № 6. – Ст. 65.

53. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.05.1930 «Об изменении ст. 20 Положения о Народном комиссариате просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. – 1930. – № 26. – Ст. 347.

54. Постановление СНК СССР от 30.07.1930 № 238 «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» // Сборник постановлений и распоряжений ЦИК и СНК Союза ССР и список учебных заведений. Материалы по реорганизации вузов, втузов, техникумов и рабфаков СССР. – 1930.

55. Постановление СНК СССР от 30.07.1930 № 238 «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 2. – М., 1967. – С. 156–163.

**Сборники законодательства**

56. Высшее образование в СССР. Статистический сборник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – 48 с.

57. Положение о Туркестанской Советской Федеративной Республике от 30 апреля 1918 г. // Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. – Алма-Ата, 1963. – С. 25.

58. Резолюция «О кадрах народного хозяйства» от 10–17 ноября 1929 г. // КПСС в резолюциях. Т. 4. – М.: Политиздат, 1970. – С. 334–345.

59. Резолюция XIII съезда РКП (б) о работе среди молодежи // КПСС в резолюциях. Т. 3. – М.: Политиздат, 1970. – С. 109–121.

60. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП

(большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. – Москва: Госполитиздат, 1958. – 248 с.

61. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича «Об исполнении решений июльского (1928) Пленума ЦК о подготовке технических кадров» // Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929. В 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. – Москва: Демократия, 2000. – С. 35–39.

**Архивные материалы**

62. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1.

63. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 340, 370, 373, 425, 427, 815, 829, 1299.

64. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 350.

65. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 422. Л. 33.

66. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 19.

67. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 143. Л. 34.

68. Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР). Ф. 2313. Оп. 1. Д. 82. Л. 568–569.

**Периодические издания**

69. Рабочий путь: [газета]. – 1922. – 2 марта (№ 47).

70. Рабочий путь: [газета]. – 1922. – 17 сент. (№ 198).

71. Рабочий путь: [газета]. – 1922. – 22 нояб. (№ 261).

72. Рабочий путь: [газета]. – 1928. – 22 авг. (№ 194).

**Литература**

73. Аронов, Д.В. Юридическое образование в Советской России в 1917–1920 гг. (на примере учебно-методических материалов Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова) / Д.В. Аронов, С.В. Кошелева, И.М. Смирнов // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. № 3. С. 178.

74. Ашенова, Т.М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг.: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01 / Т.М. Ашенова. Москва, 2015. С. 66–72.

75. Алексинский, М.А. Культурная революция и педкадры // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 38–41.

76. Андреев, Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики / Д.А. Андреев // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). Москва, 2012. С. 494–522.

77. Андреев, Д.А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности и самопрезентации / Д.А. Андреев // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156–166.

78. Андрианов, В.И. Косыгин / В.И. Андрианов. Москва, 2003. С. 45.

79. Бейлин, А.Е. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост / А.Е. Бейлин. Москва, 1935.

80. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 14. Москва: Акционерное общество «Советская энциклопедия, 1929. 864 стлб.

81. Бахрах, Д.Н. Административное право: учебник. 3-е изд., пересмотр. и доп. / Д.Н. Бахрах. Москва: Норма, 2008. С. 23.

82. Бебель, А. Из моей жизни / А. Бебель. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 198.

83. Бебель о Бернштейне: Речь Августа Бебеля, произнесенная на Ганноверском партейтаге 10 октября 1899 года. (с портретом А. Бебеля). - Женева: изд. соц.-дем. организации "Жизнь", 1902 – 68 с.

84. Беспалов, В.В. Проблемы становления государственного и военного управления в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 — 1922 гг.) / В.В. Беспалов // Социология образования. 2011. № 5. С. 29.

85. Бугаенко, П.А. А.В. Луначарский и литературное движение 1920-х годов / П.А. Бугаенко. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. С. 95.

86. Валуев Д. В. Социальная дискриминация в системе образования в первые десятилетия советской власти (на примере смоленских вузов) // Вестник Брянского государственного университета. № 2. 2013. С. 20–26.

87. Викторов, А.Ф. К вопросу о подготовке технических и массовых кадров для народного хозяйства края / А.Ф. Викторов // Социалистическое строительство Северокавказского края. 1935. № 5.

88. Винокуров, А.Я. Партийная организация и воспитание студенческой молодежи / А.Я. Винокуров // Материалы научной конференции Смоленского пединститута, посвященной 50-летию института. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса, 1971. С. 15–32.

89. Волков, С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе / С.В. Волков. Москва: ИНИОН, 1999. 250 с.

90. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. - 3-е изд. - Москва: Прогресс, 1982. - 262 с.

91. Высшая техническая школа в СССР. Москва, 1934.

92. Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Москва, 1923.

93. Вавилов, С.И. Тридцать лет советской науки / С.И. Вавилов. Москва: Правда, 1947. С. 19.

94. Грамши, А. Тюремные тетради. Часть первая / А. Грамши. Москва: Политиздат, 1991. С. 221.

95. Долгова, Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. / Е.А. Долгова // Вестник РГГУ. Серия: Политология.

История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 2 (12). С. 50.

96. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. Москва: Идея-пресс, 2002. С. 84.

97. Дэвид-Фокс, М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) / М. Дэвид-Фокс // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). Москва, 2012. С. 523–563.

98. Зайкова, С.Н. Соотношение понятий «административно-правовой механизм» и «административно-правовое регулирование» / С.Н. Зайкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 315.

99. Известия Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной коммуны и Смоленского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 267. 14 ноября.

100. Кодин, Е.В. Смоленский нарыв / Е.В. Кодин. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1995. 112 с.

101. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Москва, 1970. 583 с. Т. 4 (1927–1931).

102. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения / Н.К. Крупская. Москва, 1959.

103. Крупская, Н.К. О политехническом образовании, трудовом воспитании и обучении / Н.К. Крупская. Москва: Просвещение, 1982. С. 78.

104. Краткий отчет Народного комиссариата по Просвещению. 1917–1920. Москва: Госиздат, 1923. С. 60–62.

105. Криптон, К. История советского образования и его изучения в США / на рус. языке / К. Криптон. Нью-Джерси: KordumePress, 1978. С. 12.

106. Лапко, А.Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток / А.Ф. Лапко // Успехи математических наук. 1972. Т. 27, вып. 6 (168). С. 5–23.

107. Левшин, Б.В. М.Н. Покровский о В.И. Ленине: стенограмма выступления в институте красной профессуры 7 февраля 1924 г. / Б.В. Левшин, А.Н. Артизов // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 106.

108. Ленин, В.И. Горючий материал в мировой политике. Пробуждение Азии. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического интернационала) / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1978. С. 13.

109. Ленин, В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1973. С. 77.

110. Ленин, В.И. Доклад о мире на Втором Всероссийском съезде Советов. — О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1979. С. 32.

111. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1967. С. 12.

112. Ленин, В.И. Начало революции в России. Уроки московского восстания / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1990. С. 7.

113. Ленин, В.И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Заметка; О диктатуре пролетариата / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1985. С. 8.

114. Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти / В.И. Ленин. Москва: Политиздат, 1980. С. 77.

115. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39 / В.И. Ленин. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 120.

116. Ленин, В.И. О Наркомпросе И Его же. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 323.

117. Лукашова, О.М. Советская страна в период восстановления народного хозяйства. Образование СССР. Переход к социалистической индустриализации (1921–1926) / О.М. Лукашова. Москва: Высшая партийная школа, 1957. С. 22.

118. Луначарский, А.В. Исследования и материалы / А.В. Луначарский. Москва: Наука, 1978. С. 75.

119. Луначарский, А.В. Ленин и народное образование: сб. статей и выступлений / А.В. Луначарский. Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 57.

120. Луначарский, А.В. О воспитании и образовании / А.В. Луначарский. Москва: Педагогика, 1976. С. 42.

121. Луначарский, А.В. О народном образовании / А.В. Луначарский. Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 56 с.

122. Луначарский о народном образовании. Москва, 1958.

123. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920 — 1930-е годы). Новосибирск, 2004. 450 с.

124. Маркс, К. Избранные письма / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва: ОГИЗ, 1947. С. 75.

125. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва: Политическая литература, 1971. С. 28.

126. Маркс, К. О воспитании и образовании. В двух томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 2. Москва: Педагогика, 1978. С. 58.

127. Маркс, К. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва: Либроком, 2019. С. 115.

128. Маркс, К. Письма. Сборник избранных писем Четвертое издание / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва — Ленинград: Соцэкгиз, 1932. С. 198.

129. Маркс, К. О коммунистической общественной формации. В 4 томах. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. Москва: Политическая литература, 1987. С. 53.

130. Мартов (Цедербаум), Ю.О. Письма и документы. 1917–1922 / Ю.О. Мартов (Цедербаум). Москва: Центрполиграф, 2014. С. 211.

131. Масленников, В.А. Образование СССР и развитие советской формы социалистического государства / В.А. Масленников. Москва: МГУ, 1972. С. 51.

132. Народное образование в РСФСР за 1923–24 год. Москва, 1925. 336 с.

133. Народное образование в СССР. Москва, 1967. 544 с.

134. Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 — 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). Москва; Ленинград, 1932. 184 с.

135. Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. Москва; Ленинград, 1928. 211 с.

136. Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь 1920 (краткий отчет). Госиздат, 1920. 112 с.

137. Никуленкова, Е.В. Подготовка философов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е гг. / Е.В. Никуленкова // Клио. 2018. № 6 (138). С. 98.

138. Никуленкова, Е.В. Проблема обеспечения института красной профессуры преподавателями в 1920-е годы / Е.В. Никуленкова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 59.

139. Песихина, Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельности в 1917–1918 гг. / Е.И. Песихина. Москва: Госиздат, 1950. С. 58.

140. Петрова, И.А. Политика в области культуры в первые годы советской власти / И.А. Петрова, Г.П. Кибасова, Л.М. Медведева // Вестник Волгоградской медицинской академии: сб. науч. трудов. 1998. Т. 54. № 4. С. 186.

141. Пидкасистый, П.А. Н.К. Крупская о содержании образования в советской школе / П.А. Пидкасистый. Москва: Просвещение, 1962. С. 77.

142. Пистрак, М. Как создавались программы ГУСа / М. Пистрак // Народное просвещение. 1927. № 10. С. 69.

143. Плеханов, Г.В. Основные вопросы марксизма / Г.В. Плеханов. Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923. С. 55.

144. Плеханов, Г.В. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь / Г.В. Плеханов. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 24.

145. Плютто, П.А. Бухарин Н. К съезду пролеткульта. Богданов А. Открытое письмо тов. Бухарину (научная публикация архивных документов) / П.А. Плютто // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 115.

146. Попов, Л. Л. Административное право / Л. Л. Попов. – М. : Норма, 2019.

147. Раджабов, С.А. Ленин и советская национальная государственность / С.А. Раджабов. Душанбе, 1917. С. 421.

148. Рокитянский Я.Г. Давид Борисович Рязанов // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 79.

149. Сватухина, Е.Н. Дореволюционные социал-демократические разногласия и пролеткульт / Е.Н. Сватухина // Управление мегаполисом. 2013. № 4 (34). С. 65.

150. Сидорова, Л.А. Историографическое наследие в новых образовательных стратегиях коммунистических университетов 1920-х годов / Л.А. Сидорова // История и историки: Историографический вестник. 2021. Т. 2019. С. 100.

151. Смирнова, Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) / Т.М. Смирнова // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.

152. Справочник партийного работника. Выпуск IV. Москва: Партиздат, 1924. 386 с.

153. Станчинский, А.П. Политграмота / А.П. Станчинский. Москва, 1925.

154. Статистический справочник СССР за 1928 год. Москва: Статистическое издательство ЦСУ СССР, 1929. С. 796–799.

155. Тополянский, В.Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти / В.Д. Тополянский. Москва: Права человека, 1996. 352 с.

156. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. Москва: Изд. Тихомирова М.Ю., 2006. С. 48.

157. Троцкий, Л.Д. Проблемы международной пролетарской революции. Коммунистический Интернационал / Л.Д. Троцкий. Москва: РИПОЛ классик, 2018. С. 98.

158. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997. С. 104.

159. Уэллс, Г. Россия во мгле / Г. Уэллс. Москва: Политическая литература, 1959. С. 32.

160. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Москва, 2007. 872 с.

161. Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О.В. Хлевнюк. Москва, 1996. 304 с.

162. Хоменко, Е.В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве (октябрь 1917 — конец 1920-х годов): диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01 / Е.В. Хоменко. Н. Новгород, 2006. С. 123.

163. Цамерян, И.П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства / И.П. Цамерян. Москва: Наука, 1973. С. 22.

164. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 13.

165. Чанбарисов, Ш.Х. Формирование советской университетской системы / Ш.Х. Чанбарисов. Москва: Высшая школа, 1988. С. 215.

166. Черных Е.А., Шамсумова Э.Ф. Правовое регулирование высшего образования в СССР и РСФСР (сравнительно-правовой анализ) // Проблемы

истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2014. С.259-322.

167. Чугунов, Т.К. Народное образование в Советском Союзе и в России / Т.К. Чугунов. Мюнхен, 1960. С. 18.

168. Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Москва: Высшая школа, 1971. С. 22.

169. Эрде Фабрики красных спецов // Смена. 1927. № 19. С. 6–7.

**Иностранные источники**

170. Avis, G. Access to Higher Education in the Soviet Union / G. Avis // Tomiak J.J. (Ed.), Soviet Education in the 1980s. NY: St. Martin’s Press, 1983. P. 202.

171. Avis, G. The Making of the Soviet Citizen: Character Formation and Civic Training in Soviet Education / G. Avis. London: Croom Helm, 1987. P. 33.

172. Avis, G. The Soviet Higher Education Reform: Proposals and Reactions / G. Avis // Comparative Education. 1990. № 26 (1). P. 8.

173. Bailes, K. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941 / K. Bailes. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 19.

174. Brown, S. Communists and the Red Cavalry: The Political Education of the Konarmiia in the Russian Civil War, 1918–1920 / S. Brown // Slavonic and East European Review. № 73. 1995. P. 82.

175. Chamberlin, W.H. Soviet Russia: A Living Record and A History / W.H. Chamberlin. Boston: Little, Brown and Co, 1930. P. 15.

176. Cole, M. Marxism and Educational Theory: Origins and Issues / M. Cole. London: Routledge, 2007. P. 44.

177. David-Fox, M. Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929 / M. David-Fox. Ithaka, NY: Cornell University Press, 1997. P. 22.

178. Davies, R.W. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 63.

179. DeWitt, N. Education and Professional Employment in the U.S.S.R. / N. DeWitt. Washington, DC: National Science Foundation, 1961. P. 29.

180. DeWitt, N. Soviet Professional Manpower. Its Education, Training, and Supply / N. DeWitt. Washington, DC : National Science Foundation, 1955. P. 51.

181. Elwood, R.C. Lenin and the Social Democratic Schools for Underground Party Workers, 1909–11 / R.C. Elwood // Political Science Quarterly. 1966. № 81. P. 371.

182. Farmer, K.C. The Soviet Administrative Elite / K.C. Farmer. New York: Praeger, 1992. P. 32.

183. Fitzpatrick, S. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 53.

184. Fitzpatrick, S. The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921 / S. Fitzpatrick. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 54.

185. Graham, L. Science and the Soviet Social Order / L. Graham. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 67.

186. Graham, L. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History / L. Graham. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 93.

187. Graham, L. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union / L. Graham. New York, NY: Columbia Univiversity Press, 1987. P. 41.

188. Graham, L. The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing / L. Graham // Social Studies of Science. 1975. № 5 (3). P. 309.

189. Harding, N. Socialism, Society and the Organic Labour State / N. Harding // The State in Socialist Society. Albany: Suny Press, 1984. P. 22.

190. Harper, S. Civic Training in Soviet Russia / S. Harper. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1929. P. 13.

191. Hechinger, F.M. Education: Triumphs and Doubts // Salisbury H.E. (Ed.), The Soviet Union: The Fifty Years / F.M. Hechinger. New York, NY: Harcourt, Brace & World, 1967. P. 135.

192. Higher Education in the USSR (Education Studies and Documents No 39) by M.A. Prokofiev. M.G. Chilikin. S.I. Tulpanov. Paris, 1961. P. 10.

193. Johnson, M. Rethinking International Assistance for the Institutional and Professional Development of Post-Soviet Higher Education / M. Johnson // Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe. 1998. № 16 (2). P. 67.

194. Kelly, A.M. Red Queen or White Knight? The Ambivalences of Bogdanov / A.M. Kelly // Russian Review. № 49. 1990. P. 311.

195. Kenez, P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929 / P. Kenez. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 45.

196. Kline, G. Soviet Education / G. Kline. NY: Columbia University Press, 1957. P 27.

197. Konechny, P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941 / P. Konechny. Montreal: McGrill-Queens University Press, 1999. P. 52.

198. Korol, A. Soviet Education for Science and Technology / A. Korol. Cambridge: MIT Press, 1957. P. 28.

199. Lee, D.C. The People's Universities of the USSR / D.C. Lee. New York : Greenwood Press, 1988. P. 20.

200. Mally, L. Culture of tbe Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia / L. Mally. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 165.

201. Matthews, M. Education in the Soviet Union. Policies and Institutions since Stalin / M. Matthews. Sydney: George Allen & Unwin Ltd, 1982. P. 38.

202. McClelland, J. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917–1921 / J. McClelland // Slavic Review. 1971. № 30 (4). P. 822.

203. McClelland, J.C. The Professoriate in the Russian Civil // Party, State, and Society in the Russian Civil War / J.C. McClelland. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 243.

204. Morrissey, S. More ‘Stories about the New People’: Student Radicalism, Higher Education, and Social Identity in Russia, 1899–1921. Ph.D. diss. / S. Morrissey. University of California at Berkeley, 1993. P. 65.

205. Pennar, J. Modernization and Diversity in Soviet Education / J. Pennar, I. Bakalo, G. Bereday. New York, NY: Praeger Publishers, 1971. P. 19.

206. Pethybridge R. Concern for Bolshevik Ideological Predominance at the Start of NEP / R. Pethybridge // Russian Review. № 41. 1982. P. 445.

207. Pinkevich, A.P. The New Education in the Soviet Republic / A.P. Pinkevich. New York, NY: John Day Co, 1929. P. 11.

208. Rigby, T.H. Lenin’s Government: Sovnarkom, 1917–1922 / T.H. Rigby. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 185.

209. Rosen, S. Higher Education in the U.S.S.R: Curriculum, Schools, and Statistics / S. Rosen. Washington, DC: US Government Printing Office, 1963. P. 74.

210. Sadlak, J. Globalization versus the Universal Role of the University / J. Sadlak // Higher Education in Europe. XXV (2). 2000. P. 243.

211. Shore, M. Soviet Education: Its Psychology and Philosophy / M. Shore. New York, NY: Philosophical Library, Inc, 1947. P. 135.

212. Smolentseva, A.Yu. Challenges to the Russian Academic Profession / A.Yu. Smolentseva // Higher Education. № 45 (4). 2002. P. 395.

213. Stites, R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution / R. Stites. New York : Oxford University Press, 1989. P. 76.

214. Suny, R.G. The identification of “social polarization” as the “key to a new paradigm”. Toward a Social History of the October Revolution / R.G. Suny // American Historical Review. № 88. 1983. P. 32.

215. Tandler, F. The Workers’ Faculty (Rabfak) System in he USSR. Ph.D. diss. / F. Tandler. Columbia University, 1955. P. 77.

216. Tomiak, J.J. Western Perspectives on Soviet Education in the 1980s. / J.J. Tomiak. New York, NY: St. Martin's Press, 1986. P. 24.

217. Vucinich, A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970 / A. Vucinich. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 29.

218. Vucinich, A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970 / A. Vucinich. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 72.

219. Vucinich, A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970 / A. Vucinich. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 43.

220. Zajda, J. Educational Reform and Transformation in Russia: Why Education Reforms Fail / J. Zajda // European Education. 2002. № 35 (1). P. 74. 1935). Ч. II. 1925–1935. М., 1936. С. 83–92.